

И. И. Ревзин

Структура языка

как
моделирующей
системы

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ
«КИБЕРНЕТИКА»
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

И. И. Ревзин

Структура
языка
как
моделирующей
системы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

В книге дано детальное исследование языковой структуры, осуществляемое новейшими методами современного теоретического языкознания на материале современных европейских языков.

Ответственные редакторы
Вяч. Вс. ИВАНОВ, И. М. ЯГЛОМ

Подготовка текста и составление
О. Г. РЕВЗИНОЙ

Предисловие

Настоящая книга идейно и тематически примыкает к предшествующей монографии И. И. Ревзина «Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы» опубликованной издательством «Наука» в 1977 г. В «Структуре языка как моделирующей системе» две части. Первая из них посвящена структурно-типологическому подходу в фонологии и спорным вопросам моделирования фонологии славянских языков, вторая развивает данный подход в области грамматики; при этом автор сосредоточивается на одной грамматической категории, до сего времени почти не попадавшей в поле зрения структурной лингвистики — категории определенности—неопределенности. К уже написанной монографии И. И. Ревзин обращался вновь и вновь, насыщая книгу новым материалом, меняя расположение частей, намечая содержание новых глав. Безвременная смерть помешала ему кончить эту работу. Перед составителем книги стояла задача: опираясь на многочисленные подготовительные материалы, выбрать ту композицию монографии, которую скорее всего предпочел бы сам автор.

Та фонологическая концепция, которая излагается в первой части книги, в суггестивном виде представлена в «Современной структурной лингвистике». Ссылки на эту монографию, данные по ходу изложения, помогут читателю полнее и глубже воспринять ту стройную си-

стему определений и теорем, в которую выкристаллизовалась в теории И. И. Ревзина многообразная, имеющая длительную традицию проблематика изучения фонологического яруса языка.

Фонологическая теория, излагаемая в первой части книги, никоим образом не оторвана от фонологического анализа конкретного языка; более того, система теорем и определений, данная в ней, есть воспроизведение на точном языке полной логической схемы этого анализа; дискретное представление позволяет зафиксировать каждый новый шаг в этом процессе, каждое вновь появляющееся понятие. Интуиция выступает как исходный пункт и как «сличающий» аппарат контролируемой и материально закрепленной исследовательской деятельности, но не как конечный итог описания. Автор начинает с того, что ставит себя в позицию дескриптивиста и вычленяет шаг за шагом все формальные признаки, которые могут быть использованы для установления однозначной сегментации. Дав определение минифонемы и максифонемы, И. И. Ревзин показывает возможности дескриптивной сегментной фонетики и пределы этих возможностей. Задача объединения звуков, играющих идентичную роль с точки зрения передачи смыслов в заданных последовательностях, решается далее, на следующем этапе анализа, в рамках признаковой фонетики. Понятия фонологической системы Н. С. Трубецкого — оппозиция, типы оппозиций, дифференциальность, смыслоразличительность, релевантность признака, нейтрализация оппозиций, маркированность признака — получают четкий «денотат», допускающий множество воплощений в конкретные языковые ситуации. Далее осуществляется переход на следующий уровень и новую точку зрения — с учетом морфологического яруса языка. Здесь вступают в действие новые понятия: морф, морфема, альтернативный ряд, точное выражение получает теория Московской фонологической

школы, а тем самым и сходные с ней теории таких фонологов, как Сепир и его последователи.

Такие сложные семиотические системы, как язык, не могут быть описаны одним только методом, будь то порождающая грамматика, теоретико-множественная, или алгебраическая, концепция и другие ранее предлагавшиеся способы описания языков. И. И. Ревзин убежден в необходимости построения нескольких дополнительных описаний одного и того же явления, выполненных с разных точек зрения. Этот принцип проведен в фонологической части не только в качестве теоретической предпосылки, но и при разборе конкретных примеров, в которых показывается неединственность возможных решений (ср. вопрос о фонемном инвентаре украинского, болгарского языков).

Последняя глава фонологической части — «Структура и синтез речевых цепей» не вошла в настоящее издание.

Опыт строгого формализованного изложения наиболее разработанной области современной лингвистики — фонологии — имеет значение не только для науки о языке. И. И. Ревзин показывает значимость структурной лингвистики как «модельной» науки, выдвигая на первый план формализацию качественных соотношений между элементами структуры. В этом плане формализованное изложение фонологии имеет принципиальное значение и для семиотики в целом, которая ориентируется на подобные строгие результаты, полученные лингвистикой, в своем стремлении систематизировать накопленный фактический материал в области других систем знаков (чаще всего еще не описанных достаточно формально).

В отличие от фонологической теории функциональный подход к категории определенности — неопределенности, предлагаемый во второй, грамматической части книги, предстает перед читателем весь во внутренней динамике своего развития, дающего возможность предугадать значимость тех результатов, которые он обещает в случае

последовательного его применения. Функциональный анализ категории определенности—неопределенности входит составной частью в более общую функциональную концепцию языка, к которой И. И. Ревзин пришел в последние годы жизни, причем работы этого цикла остались по большей части неопубликованными. И. И. Ревзин исходит из того, что структура языка как первичной моделирующей семиотической системы непосредственно связана и предопределяется его функциями: коммуникативной (функция общения), когнитивной (передача мыслительного содержания), фасцинативной (воздействие на слушающего с целью восприятия сообщения в желаемом смысле) и функцией самоорганизации.

По отношению ко второй части книги существенно было отобрать рукописный материал таким образом, чтобы в нем была отражена внутренняя цельность и эффективность функционального подхода. Вторая часть книги построена в форме отдельных, в какой-то степени независимых друг от друга исследований, посвященных плану содержания и плану выражения категории определенности—неопределенности и шире — устройству поля определенности—неопределенности в языках с артиклем (немецкий), почти грамматикализированным артиклем (болгарский), местоимением-артиклем (говор села Олгуш Брестской области), а также и в безартиклевых (например, в литературном русском) языках. Эти исследования скреплены единством развиваемой теории, вскрытием связи категории определенности—неопределенности с разными сторонами языковой структуры, в то время как различный языковой материал, привлекаемый в качестве объекта анализа, позволяет продемонстрировать типологический разброс форм выражения значения определенности—неопределенности и типы вхождения этих значений в языковые структуры.

Вторая, грамматическая, часть книги отличается от первой не только по обращению к совершенно иной про-

блематике и иному материалу, но и по способу изложения. Точный язык определений и теорем уступает место более свободным, нестрогим заданным понятиям, а во второй главе, посвященной типологии форм выражения и форм содержания определенности—неопределенности, читатель столкнется с привычным, собственно лингвистическим методом описания. Различие двух частей книги соответствует разнице в степени разработанности соответствующих проблем. Ратуя за точность языка лингвистики, И. И. Ревзин никогда не приносил в угоду ей требование отразить в описании сложность устройства языковой системы. Функциональный анализ категории определенности—неопределенности И. И. Ревзин ведет на языке, адекватном уровню грамматического описания. Здесь проявляется тот же отказ от упрощенчества, что и в фонологической части книги. Но и общий подход к фактам грамматики связан с подходом к фонологическому уровню и представляет по существу его трансформацию, оставаясь тождественным в наиболее глубоких, сущностных своих элементах.

Выше говорилось о тесной связи настоящей книги с «Современной структурной лингвистикой». В этой последней монографии И. И. Ревзин детально исследовал возможности алгебраической концепции в применении к грамматическому уровню. Было показано, что если грамматические категории рода и падежа сравнительно легко поддаются моделированию и модели этих категорий достаточно хорошо отражают языковую реальность, то для категорий числа и определенности построить теоретико-множественную (алгебраическую) модель не удастся. Таким образом, И. И. Ревзин начинает грамматическую часть с того места, на котором он остановился в предыдущей монографии. Трудности построения теоретико-множественной модели для категории определенности—неопределенности связаны с тем, что в алгебраической теории нельзя задать всех факторов, определяющих функцио-

нирование данной категории в языке. По сравнению с категориями рода и падежа, таких факторов прибавляется два. Во-первых, это коммуникативная направленность категории определенности—неопределенности, и во-вторых, зависимость употребления артикля (и в некоторых случаях других показателей этой категории) не только от фиксированных в языке правил, но и от интенции говорящего. Самой логикой проводимых им грамматических исследований И. И. Ревзин был приведен к необходимости функционального подхода. Поставив устройство категории определенности—неопределенности в связь с языковыми функциями, И. И. Ревзин сумел объяснить в ней многое, казавшееся при чисто дескриптивном подходе случайным и необязательным.

Среди проблем, рассматривавшихся И. И. Ревзиным в рамках функциональной теории, устройство категории определенности—неопределенности разработано им с наибольшей степенью полноты. На этом фрагменте отчетливо прослеживается, как языковые функции отражаются в способе языковой референции и языковой категоризации. Вся собственно теоретическая часть сосредоточена в первой главе «Категория определенности—неопределенности и общие вопросы структуры языка» грамматического раздела книги. И. И. Ревзин оперирует материалом немецкого языка, в котором данная категория является грамматической. Медленно двигаясь шаг за шагом, И. И. Ревзин словно снимает покровы с этой категории, показывая, как глубоко прорастает значение определенности—неопределенности в языковую ткань. Вот названы основные свойства языка, вот выделены в предложении предикаты и термы. Появляется определение коммуникативного значения (его формулировка невозможна вне составляющих акта коммуникации), показывается роль коммуникативных средств языка для передачи пространственно-временной локализации говорящего, для указания на отношение между высказыванием и неязыковой действительностью.

И читатель уже подготовлен к тому, чтобы понять роль артикля: говорящий, формируя синтаксическую структуру высказывания, должен передать слушателю свое понимание коммуникативной ситуации, определить предмет как уже известный ему или только что возникающий или выведенный в «светлое поле сознания» из языковой памяти, общей у говорящего и слушающего. Артикль выступает как своего рода постоянный оператор, вновь и вновь возвращающий знак-тип, в данном случае существительное, в знак-событие, привязывая его к конкретной неязыковой ситуации. На следующем этапе связный текст определяется как «такое объединение предложений, для которого экстралингвистический контекст сведен к нулю», т. е. та информация, которая воспринимается из условий акта коммуникации в обычном, нормальном использовании языка (из контекста, в смысле Якобсона), теперь воспринимается из контекста, в смысле «окружающее предложение». И опять-таки предугадывается следующий шаг: те же коммуникативные средства, которые связывают речевой акт с неязыковым контекстом в условиях общения, должны стать тексто-нагруженными, т. е. продолжать свою функцию связи высказывания с контекстом, но теперь уже чисто языковым, вырабатываемым по ходу разворачивания связного текста. Направление лингвистических исследований И. И. Ревзина совпадает с общенаучными тенденциями последнего десятилетия. Изучение языка средствами порождающей грамматики, развитие логического аппарата, исследующего прежде всего естественный язык (как логика Монтегью), открывает новые возможности формализации и логического описания таких семантических коммуникативных категорий языка, как определенность—неопределенность.

Логические модели описания категории определенности—неопределенности, соотношение знака—типа и знака—события, интенционала и экстенционала связывают эту категорию с целым кругом более общих языковых

проблем. Это — проблема происхождения языка, проблема формирования идеи предмета в языке, специализация языковых средств в зависимости от выражаемых ими функций и в связи с этим функциональная интерпретация морфологической классификации языков, функциональная характеристика частей речи и грамматических категорий, структура связного текста, выделение функциональных стилей; частично эти связи прослеживаются в книге.

Во второй главе грамматической части содержатся конкретные исследования, демонстрирующие разные способы выражения значений определенности—неопределенности. Многообразные наблюдения И. И. Ревзина позволяют представить языковое богатство поля определенности—неопределенности. Особенно интересен показ И. И. Ревзиным «внутреннего» изоморфизма этого поля в пределах одного языка и «внешнего» изоморфизма, когда обнаруживается сходство между языками, в одном из которых есть грамматическая категория определенности—неопределенности, а в другом — лишь некоторые «скрытые» (в смысле Уорфа) ее показатели (ср. раздел о предложениях тождества в русском и немецком языках и о правиле согласования связки).

Эти предварительные замечания необходимы для адекватного восприятия читателем композиции и содержания монографии И. И. Ревзина.

Вяч. Вс. Иванов, О. Г. Ревзина

Часть первая

**Структурно-типологический подход
в фонологии**

**Спорные вопросы фонологии
славянских языков**

Глава I

**Предпосылки моделирования
в фонологическом анализе**

*I. 1. Фонема — единица языка или метаязыка?
Неединственность решений*

Уже неоднократно отмечалось, что в фонологии часто смешивается вопрос о фонеме как единице языка и единице метаязыка (ср. Климов, 1968). Соответствующие различия (ср. противопоставление «лингвистики божественной истины» и лингвистики «манипуляционной») достаточно хорошо систематизированы, и по-видимому, вновь возвращаться к этому вопросу не было бы надобности, если бы приверженность (явная или неявная) к тому или иному пониманию фонемы не связывалась бы с соответствующей совокупностью методов. Может возникнуть представление, что каждая концепция фонемы предопределяет выбор методов. Это, разумеется, не совсем так. Правда, для многих представителей тех направлений в фонологии, для которых фонемы действительно существуют как единицы языка, достаточно характерно пренебрежение к вопросу, а какой собственно процедурой мы получаем фонему. Любопытно при этом, что эта особенность объединяет как направления, весьма тесно связанные с физической реальностью; например школу Л. В. Щербы или дихотомическую теорию Р. Якобсона¹, так и весьма абстрактные направления.

¹ «Эта схема, — пишут Р. Якобсон и М. Халле, — присуща самой природе лингвистической структуры» (Jakobson, 1956, с. 47).

В дискуссии о фонеме 1952 — 1953 гг.² обсуждался пример, построенный А. Мартине: фонологу предлагается система датского вокализма с тремя фонемами, следующим образом представленными в трех позициях:

Фонема	Первая позиция	Вторая позиция
первая	i	e
вторая	e	oe
третья	oe	a

Этот пример вызвал серию возражений в том, что происходит отрыв от физической реальности. В частности, А. А. Реформатским был задан вопрос: «... почему эти два *e* и два *oe* представляют собой разные фонемы, а не одну смешанную фонему?» (Изв., 1952, 5, с. 473). В такой форме ответить на вопрос нетрудно, ибо проблема сводится к чисто терминологической, и ответ на него был действительно дан в развернувшейся дискуссии (Изв., 1953, 6)³. Но что было бы, если бы вопрос был задан в другой форме: откуда мы вообще знаем, что *i* и *e*, соответственно *e* и *oe* и соответственно *oe* и *a* представляют собой одну фонему? Проще всего было бы прямо сказать, что система фонем такова, потому что так, а не иначе она отражена в интуиции носителей языка. Если же говорить о процедурах установления фонем, то эти вопросы были выдвинуты на первый план в дескриптивной лингвистике.

Можно сказать, что и достоинства, и недостатки дескриптивной лингвистики определяются тем обстоятельством,

² См. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XI, 1952, вып. 4—5; т. XII, 1953, вып. 6.

³ Строго говоря, такой ответ можно получить лишь исходя из позиций порождающей грамматики. Более того, в терминах синтеза можно объяснить и более парадоксальную систему:

Фонема	Первая позиция	Вторая позиция
первая	<i>x</i>	<i>y</i>
вторая	<i>y</i>	<i>x</i>

которая сводится к двум правилам: $x \rightarrow y$ (в позиции I) и $y \rightarrow x$ (в позиции II). Однако никакие процедуры, применяемые к реальным словам (если отвлечься от практики московской фонологической школы, которая по сути дела была именно генеративистской), не могут дать нам в такой ситуации ровно две фонемы *x* и *y*.

ством, что в ней была подчеркнута метаязыковая сущность формальных определений фонемы и в связи с этим был впервые серьезно поставлен вопрос о точной формулировке процедур, приводящих к выделению сегментов и формированию фонем.

Без этого спор о фонеме как о реальной сущности или научной абстракции оставался еще одной областью возрождения средневекового спора между номинализмом и реализмом — спора о допустимости абстрактных сущностей (Dietrich, 1957, с. 410).

Как мы увидим, конечная цель дескриптивной лингвистики оказалась недостигнутой: нет формальных процедур, ведущих к формированию фонемы, однако в поисках таких процедур были открыты и четко зафиксированы основные понятия, связанные с описанием и осмыслением фонологической системы.

Что же касается вопроса, поднятого в заглавии этого параграфа, то любопытно следующее: несмотря на разные понимания фонемы, разноречивой в процедурах выделения фонем, имеется высокая степень совпадения в получаемых в качестве конечного итога инвентарях фонем. Следовательно, разные теоретические позиции исследователей не заслоняют их ориентировки на одну и ту же лингвистическую реальность.

Спор о языковом или метаязыковом характере фонем, выигранный формально представителями языковой концепции фонемы (благодаря деятельности представителей метаязыковой концепции), имеет объективный смысл, отличный от субъективной точки зрения его участников. Дело не в оппозиции: «истинная система фонем — принципы игры». Большинство исследователей (сознают они это или нет) хотят описать интуицию носителей языка. Но для одних существует только одна точка зрения и только одно «истинное» построение, в то время как для других характерно представление, что лишь ряд последовательных приближений, параллельных описаний, выполненных с разных точек зрения, может дать истинную картину; каждое же отдельное описание заведомо не выполняет этой задачи.

Как правило, представители языковой концепции фонемы стоят на первой точке зрения, а представители метаязыковой концепции — на второй. Но это вовсе обязательно.

В частности, любопытно, что представители теории порождающей грамматики, (которым, разумеется, известно «истинное положение дел») отрицают реальность фонемы. Это особенно четко проявилось в следующей декларации Н. Хомского и Дж. Миллера: «Обычно предполагается, что существует уровень представления высказывания, промежуточный между фонетическим и морфологическим, и этот промежуточный уровень называется фонемным. Однако имеются, по-видимому, достаточные основания для того, чтобы отвергнуть гипотезу о существовании такого промежуточного уровня, отбросив одновременно многие допущения относительно звуковой структуры, тесно переплетающиеся с этой гипотезой в современных изложениях лингвистической теории» (Хомский и Миллер, 1965, с. 276).

В этом напугавшем тезисе много непонятного: в частности, непонятен точный смысл слов «фонемный», «фонетический», «морфонемный» и т. п. Лишь после точной экспликации каждого из этих понятий можно понять смысл этого высказывания. Но и это не значит, что с ним можно согласиться. Оно неприемлемо уже тем, что вопрос о представлении (фонемном, морфонемном и т. п.) так просто и непосредственно связывается с вопросом об истинном положении дела. Как будто сейчас уже можно однозначно решить, какое из представлений связано, скажем, с нейро-физиологической реальностью.

Но даже если и не ставить вопрос о реальности фонем столь механически, можно подвергнуть сомнению тезис Хомского.

Хомский подчеркивает, что в основе его теории лежит стремление формализовать языковую интуицию. Теория порождающих грамматик, по его убеждению, прежде всего должна объяснить, каким образом человек способен производить и понимать новые, никогда не слышанные им фразы: Это несомненно так. Но столь же естественно потребовать, чтобы теория объяснила и то, каким образом человек воспринимает и производит новые последовательности звуков, ср. проблемы восприятия и воспроизведения иностранных слов и т. п., которые никак не решаются на морфологическом уровне, а с другой стороны и не могут быть адекватно описанными на фонетическом уровне. Здесь возникает своя независимая проблематика фонологической правильности и ее уровней, параллельная

концепции грамматической правильности, но вовсе ей не подчиненная.

Кроме того, языковая интуиция не исчерпывается вопросом о производстве и анализе новых последовательностей. Как мы подчеркивали в другом месте, наряду с моделями языка, описывающими способ перечисления всех правильных последовательностей, существенны и иные модели, отражающие метаязыковую деятельность лингвиста (Ревзин, 1967, с. 28). Эти модели также формализуют определенную интуицию, а именно интуицию лингвистов, описывающих свой язык. Неверно было бы полагать, что деятельность лингвиста целиком покоится на сознательных и эксплицитно выраженных постулатах; более того, такое чисто рационалистическое описание языка вряд ли возможно и необходимо. Очень важную роль имеет неформализованное значение, черпаемое из собственной интуиции. Лишь частично путем интроспекции или осознания интуитивное знание приобретает чисто логическую форму. Влияние лингвистической интуиции проявляется, однако, и в том, как формируются единицы, подлежащие описанию, и какие отношения выбираются для описания — без какого-либо четкого осознания самой интуиции.

Наоборот, осознание своей интуиции человеком достаточно произвольно и зависит от внешних и достаточно случайных факторов. Фактом, с которым должен считаться лингвист, может быть лишь то, что носитель языка интуитивно разграничивает или соответственно отождествляет два класса явлений. Его объяснение, почему он это делает, для лингвиста может представлять лишь вторичный интерес. В частности, многие семантические соображения (например, в теории «частей речи») имеют такой вторичный характер и вовсе необязательны для исследователя, хотя интуитивные группировки, выделяемые носителями языка будто бы по семантическим соображениям, чрезвычайно существенны.

Эта «метаязыковая интуиция» свойственна не только лингвистам, она, по-видимому, присутствует у любого носителя языка. Если первый вид интуиции связан с творческими механизмами подсознательного, то второй ее вид связан с его контрольными механизмами. Оба вида интуиции важны для теории языка и, в частности, для фонологии. Фонемы (либо какие-то их аналоги), как пред-

ставляется, и отражают деятельность такой «интуиции второго рода».

Приведем лишь один предварительный пример, показывающий важность понятия фонемы в этом смысле. Любой носитель русского языка, по-видимому, согласится с тем, что слово *джем* [džem] длиннее, чем слово *тшем*, хотя фонетически они обладают одинаковой длиной, просто начальный участок первого слова отличается от начального участка второго звонкостью⁴. Могут возразить, что это влияние орфографии и что если бы в русском языке писалось *цем*, как в сербском, то оба слова воспринимались бы как имеющие одинаковую длину. Но, во-первых, орфография отражает некоторые (правда, диахронические) реальности, а во-вторых, и неграмотных носителей языка можно было бы научить распознаванию разной длины слов (ср. II.2, где говорится о понятии контраста). Если верно, что *джем* и *чем* имеют разную длину в русском языке, то теория, оставляющая такой вопрос без ответа, не может быть признана адекватной.

Итак, мы исходим из того, что 1) фонемы представляют единицы языка, 2) задача описания сводится к выработке четкого описания понятия фонемы, при котором оно не редуцировалось бы до уровня удобного метаязыкового знака, 3) возможно более, чем одно фонемное представление для данного языка⁵.

Тезис о неединственности решений, выдвинутый — теперь уже двадцать лет назад — в работе Чао (Chao, 1958), оспаривался многими компетентными лингвистами. Например, М. И. Стеблин-Каменский пишет: «Ставшее общепринятым положение о неединственности фонологических решений было выдвинуто в свое время в известной статье Чао. При ближайшем рассмотрении оказывается, что в этой статье идет речь либо о решениях, в неодинаковой мере учитывающих факты, . . . , либо — и это большей частью — о разных изображениях одного решения, а именно изображения фонемы одной или двумя бук-

⁴ В русском языке, правда, *dž* отличается от *tš* еще и тем, что первый отрезок — твердый, а второй — мягкий. Но, например, в чешском языке *dž* и *tš* оба твердые, тем не менее там так же, как и в русском, *dž* рассматривается как двухсегментный отрезок, а *tš* — как односегментный.

⁵ Содержательное обсуждение этих проблем см. также: Ревзин, 1977, с. 52—53, 125 (прим. сост.).

вами, употребления разных алфавитов, символов и т. п. . . . Возможность решений, одинаково удовлетворяющих условиям задачи, несомненно существует в математике. Механическое перенесение этой возможности в фонологию — один из примеров того, как использование математической фразеологии не приближает языкознание к точным наукам (а одно время была надежда на такое приближение), но наоборот, отдаляет от них, узаконивая произвол и натяжки. . . Дело в том, что нет критерия для установления того, учтены ли полностью фонологические и фонетические факты и нет границ для их более полного и глубокого изучения. Правда, не всегда возможно провести четкую границу между фонологическим решением, в разной степени учитывающим факты, с одной стороны, и разными изображениями одного решения, с другой. Но и это обстоятельство свидетельствует о том, что фонологические и математические решения — это совершенно разные вещи. Той окончательности, которая характерна для всякого математического решения, у фонологического решения никогда не может быть» (Стеблин-Каменский, 1964, с. 61—62).

Это возражения весьма серьезные и выходящие за пределы данного вопроса. Под сомнение ставится возможность применения математических средств в фонологии, т. е. как раз то, чем мы будем заниматься в последующих главах. Мы согласны с проф. М. И. Стеблин-Каменским, что использование математической фразеологии не приближает языкознание к точным наукам. Более того, ниже будут сделаны существенные оговорки по поводу способов применения математических абстракций в фонологии. Однако вряд ли отсюда следует необходимость отказаться от всяких попыток уточнения языка лингвиста — и именно с этой целью и будет употребляться в этой книге элементарный теоретико-множественный аппарат. В частности, полностью соглашаясь с М. И. Стеблин-Каменским в том, что ни одно фонологическое решение не является окончательным, поскольку никогда не могут быть зафиксированы все факты, мы настаиваем на необходимости для каждого данного этапа развития наших знаний о изучаемом языке строго зафиксировать исходный материал. Далее будет показано, что при такой фиксации в ряде случаев возникают с логической необходимостью неединственные решения. Это не означает, что никакие

из этих решений не могут быть сняты введением новых фактов; но дело в том, что с новыми фактами может возникнуть и новая неединственность.

При строгой фиксации исходных данных и всех операций вполне разрешима и задача установления того, имеем ли мы дело с разными решениями или разными записями одного решения; в частности, если между решениями, одно из которых не является детализацией другого (а это тоже можно установить) нельзя установить взаимно-однозначного соответствия, то решения нельзя считать одинаковыми.

Наконец, нельзя согласиться с М. И. Стеблиным-Каменским и по одному чисто фонологическому вопросу. В работе Чао неединственность демонстрируется в связи с возможностями разной сегментации звуковой цепи. М. И. Стеблин-Каменский, по-видимому, считает, что истинная сегментация уже имеется, а потому неважно, будет ли записана фонема одним или двумя транскрипционными знаками. В интуиции такая сегментация, может быть, и дана. Но фонологию интересует, как ее объективно получить. Поэтому процедура сегментации в ряде случаев зависит от чисто фонологических соображений (это было показано уже Трубецким), а потому для фонолога, задача которого объяснить интуицию, заранее никакая сегментация не задана. Кроме того, неединственность может возникнуть за счет отнесения некоторого признака к предшествующему или последующему звуку с формированием разных фонем (ср. обсуждение вопроса о сочетаниях губных с *y* и *i* в украинском языке, III.5). На самом деле проблемы сегментации относятся к числу наиболее трудных и спорных в фонологии и в некоторых случаях признание неединственности оказывается единственным выходом. Впрочем, в дальнейшем мы покажем, что неединственность может возникнуть и при фиксированной сегментации текста и тем самым этот вопрос не органичивается проблемой «записи одной фонемы одной или двумя буквами»⁶.

Следует также иметь в виду, что неединственность решения касается не только фонологического уровня. При моделировании грамматики также приходится иметь дело

⁶ Высказанные соображения ничуть не затрагивают конкретную аргументацию М. И. Стеблин-Каменского в споре о системе гласных исландского языка.

с несколькими разными моделями, адекватно описывающими тот же самый материал (Ревзин, 1967, с. 266—269; 1977, с. 54—56). Стало весьма вероятным, что неединственность решений характерна для любого более или менее точного описания языка при достижении в соответствующей теории определенной степени зрелости. Следует указать, что неединственность может оказаться не только свойством метаязыка, но и соответствовать самой природе языка как достаточно сложного и не целиком детерминированного устройства (ср. I.3).

Возможны допущения, что человек пользуется одновременно многими системами анализа и синтеза, ведущими на уровне речи к более или менее сходному результату (возможно и целиком одинаковому).

В условиях, когда функционирование одной и той же звуковой оболочки слов и предложений может быть описано в терминах нескольких равноправных систем фонем, огромное значение приобретают морфологические соображения, а именно из двух возможных систем фонем выбирается такая, которая лучше подчеркивает инвариантность морфем.

Это, однако, не означает кардинального решения проблемы неединственности. Дело в том, что принятие «морфологически обусловленной» системы фонем (например, системы фонем, выделяемой по критериям московской фонологической школы) не всегда объясняет все особенности функционирования. В качестве примера можно взять вопрос о палатальных звуках в румынском языке. Как мы увидим ниже, соображения, связанные с морфологией (в частности, с образованием множественного числа), заставляют считать [n'] в [buni] комбинацией двух фонем, что в свою очередь, в силу требований системности, заставляет считать и начальное [n'], например, в neámŭ [n'amts] комбинацией *n* с полугласным (который уже допускает двойную фонологическую трактовку, но это для нас здесь неважно). Однако такая интерпретация не объясняет систематического соответствия между славянскими палатальными и румынскими двухсегментными сочетаниями. Естественнее считать, что в одних случаях большей объяснительной силой обладает одна система, а именно морфологически обусловленная (кстати, такая система удобна, например, для конфронтации румынского языка с новогреческим), а в других — «чисто фонологическая»,

и эта система удобна для конфронтации, например, с болгарским языком.

Таким образом, и лингвисту, признающему реальность фонемы как единицы языка, вовсе не обязательно стоять на позиции единственности описания.

Наряду с проблемой единственности — неединственности описания системы фонем существует и другая проблема, а именно проблема единственности пути описания. Даже если считать, что существует «истинная» система фонем (как мы уже говорили, такое решение не обязательно, но и не исключено), из этого вовсе не следует единственность того пути, по которому можно прийти к такому описанию. Более того, даже если и имеется какой-то оптимальный путь, то он может быть настолько сложным (например, связанным с одновременным перекрестным определением и многократной рекурсией), что в настоящее время просто нет средств для его адекватного отражения в единой системе определений. В этих условиях одновременное рассмотрение нескольких путей описания — с последующей корректировкой одного из них в свете результатов, достигнутых на другом пути — представляется наиболее перспективным для избежания слишком больших упрощений⁷.

1.2. О теоретико-множественном аппарате, его пользе и его ограниченности

В данной работе, как и в предыдущих работах автора (ср. Ревзин, 1967), будут использоваться в качестве логико-математического аппарата лишь простейшие теоретико-множественные понятия и операции. Характеристика всех этих понятий дана в цитированной работе автора и здесь повторяться не будет. Теоретико-множественные представления выбраны не только из-за их простоты, но и потому, что неявно они содержатся уже, как было показано Кантино (Cantineau, 1955, с. 7—9) и Маркусом (Marcus, 1967), в «Основах фонологии» Трубецкого. Этот язык мы и постараемся использовать не только для изложения теории Трубецкого, но и для всех других классических, т. е. сложившихся до возникновения порождающей фонологии, фонологических концепций, в частности,

⁷ Пример такого подхода в связи с моделью сегментации Ф. Кортланда см.: Ревзин, 1977, с. 75—76 (прим. сост.).

теории московской фонологической школы и, с другой стороны, концепций дескриптивной лингвистики.

Последняя, в особенности в работах Хэрриса (Harris, 1951) и Хоккетта (Hockett, 1953), достигла столь высокой степени формальной культуры, что польскому математику Батугу (Batóg, 1967) удалось изложить ее на предельно ясном и очень специальном логико-математическом языке, использующем «мереологию» Лешьневского. Такое изложение полезно, так как помогает вскрыть некоторые неосознанные предпосылки, однако оно, во-первых, лингвистам недоступно, а, во-вторых, и ненужно.

Батуг избирает уровень точности, на котором туманной и некорректной (*vague and incorrect*) считается, например, следующая формулировка (Batóg, 1967, с. 78):

«Мы будем говорить, что элементарные сегменты x , y и z (в этом порядке) нераздельны в идиолекте i , если и только если x , y и z являются собственными элементарными сегментами в идиолекте i , x предшествует y , а y предшествует z и в окружении, в котором встречается вся цепь $x \cdot y \cdot z$, не встречается ни сегмент y сам по себе, ни цепь $x \cdot y$, ни цепь $y \cdot z$ ». Разумеется, что определение можно изложить в более формализованном виде (что Батуг и делает) однако для фонологии это пока вряд ли нужно, ибо, во-первых, оно и так не вызывает особых кривотолков, а, во-вторых, если бы все определения, употребляемые в фонологии, были бы доведены хотя бы до такого уровня, то фонологи могли бы просто описывать отдельные языки и прекратить собственно теоретические исследования, предоставив остальную работу в этой области логикам. Главный вопрос, однако, в другом. Могут ли вообще фонологические понятия, приведенные в такую форму, адекватно отображать лингвистическую реальность и дать то, что действительно нужно лингвисту для достижения той цели фиксации интуиции, о которой говорилось в I.1?

Несомненно, что формальный аппарат и, в частности, теоретико-множественный аппарат может оказать огромную помощь на всех промежуточных этапах, когда необходимо точно фиксировать в ходе рассуждения все участвующие в нем определения.

Однако можно ли отсюда заключить, что теоретико-множественные или другие формально логические по-

строения — это конечная цель ф^онологического (и вообще лингвистического) описания?⁸

Дело в том, что любое применение теоретико-множественных средств основано на двух предпосылках:

а) на однозначности отнесения элемента к классу, т. е. на отсутствии каких-либо «промежуточных случаев»;

б) на принципе объемности, т. е. на отождествлении каждого свойства с соответствующим классом.

Обе эти предпосылки суть известные упрощения. На неопределенность или градуальность многих лингвистических явлений указывалось неоднократно (ср. Bolinger, 1961, Neustupný, 1966, с. 39—51). Чрезвычайно характерна в этом плане позиция Ч. Хоккетта (Hockett, 1967). Свое разочарование в методах моделирования Хоккетт связывает с главной предпосылкой этих методов: человеческий язык является такой же строго определенной (well—defined) системой, как, например, язык математики или символической логики. То, что Хоккетт отвергает эту предпосылку, вполне обосновано: естественный язык в любых его аспектах представляет собой явление, ускользающее от простого определения. Можно согласиться с Хоккеттом, когда он говорит о необходимости найти такой способ математизации языка, который непосредственно соответствует этому его свойству (ср. в этой связи о возможности использования топологических моделей, Шрейдер, 1967). Ч. Хоккетт, очевидно, прав и в том, что вряд ли удастся построить одну модель, адекватно отображающую естественный язык, и, говоря шире, моделирование вряд ли является способом адекватного отображения объекта, когда речь идет о языке. На своем пути языковедение сталкивалось со многими науками — биологией, психологией, логикой, философией, социологией. Из каждого такого контакта языковедение в конечном счете выходило обогащенным. Современная связь языковедения с кибернетикой и моделированием уже теперь поддается ретроспекции с точки зрения того, что же дает такая связь языковедению. На наш взгляд, в теоретическом плане это более четкое осознание

⁸ То, что этот вопрос не был разъяснен в предыдущих работах автора, может быть, в какой-то мере объясняет критику книги «Модели языка» со стороны проф. А. И. Лосева, хотя и не оправдывает полного непонимания, обнаруженного критиком (ср. Ревзин, 1967, с. 7—8).

именно тех особенностей естественных языков, которые не позволяют свести их к более простым системам. Научным описанием объекта можно, очевидно, признать описание лишь через целое семейство моделей (вообще говоря, не замкнутое). Каждая модель есть как бы снимок с одной точки зрения, а предмет возникает из совокупности моделей, подобно тому как в начертательной геометрии по трем проекциям возникает объемный предмет. Следует научиться совмещать в едином описании многие точки зрения, как это было осуществлено в живописи Сезанном и его продолжателями. В этом случае каждую отдельную сторону — правда, с разной степенью точности, в зависимости от разработанности соответствующего языка — можно изложить достаточно формализованно.

Применяя данную точку зрения к фонологическому описанию, мы можем использовать принцип однозначности отнесения элемента к классу по отношению к вспомогательным классам. Исследование с помощью теоретико-множественных методов таких множеств, принадлежность к которым определяется целой совокупностью критериев, позволит на следующем этапе рассмотреть их в рамках таких оценок, как «элемент x скорее принадлежит классу M_1 , чем к классу M_2 » или «элемент x ближе к классу M , чем элемент y ». Но существенно, что все предварительное исследование проводится без подобных допущений⁹.

Вторая предпосылка применения теоретико-множественных методов в лингвистике, о которой говорилось выше, состоит в том, что если некоторый элемент x задан как принадлежащий некоторому классу M , то свойство $x \in M$ сохраняется на всем протяжении исследования. Это требование кажется совершенно очевидным, тем не менее в фонологическом исследовании оно не всегда может быть выполнено.

В самом деле, в любой фонологической модели предполагается, что речевая последовательность сегментирована, однако допускается, чтобы сегменты переопределялись и тем самым теряли свое тождество. Точно также фонетические признаки, которые в модели считаются заданными, могут переопределяться в зависимости от тех

⁹ Об этом см. также: Ревзин, 1977, с. 61—63.

противопоставлений, в которые они вступают. Отсюда даже те сегменты, которые не меняются при ресегментации, меняют в процессе исследования свою принадлежность к определенным множествам (система признаков, как мы увидим, равнозначна определенной системе подмножеств множества сегментов). Переопределение признаков (так же как и ресегментация) происходит таким образом, что формируется некоторая гипотеза, которая потом проверяется.

Этот принцип формирования и проверки гипотез проходит через всю фонологию, затрагивая не только первоначально заданные объекты, но и те объекты, которые формируются в процессе исследования. В частности, мы увидим, что фонема не может быть получена формальной процедурой как определенный класс звуков.

Именно поэтому в фонологии столь важную роль приобретает обращение к морфологическому уровню. Отношения тождества—недождества на множестве морфем полезны не только для предпочтения одного из возможных фонологических представлений другому (см. выше), но и как гипотеза, помогающая сформулировать принцип классификации. Именно в этом, с нашей точки зрения, смысл обращения к более высоким ярусам, на котором настаивал П. С. Кузнецов (Кузнецов, 1958, с. 16—17). Использование в фонологии критерия значения как гипотезы, необходимой для нахождения разбиения на классы (но не для его оправдания!), хорошо согласуется с описанным выше подходом к моделированию и естественно дополняет его. Поскольку интуитивное лингвистическое понятие является многомерным, а потому и расплывчатым, мы, с одной стороны, описываем отдельные его аспекты при помощи отдельных точных экспликатов (отдельных «проекций», как говорилось выше), а с другой стороны, какие-то глубинные аспекты (в частности, связанные со значением) вообще точной экспликации не поддаются. Они-то, присутствуя в интуиции исследователя, отражаются не в виде четких моделей, а в виде более или менее правдоподобной гипотезы. Проверка гипотезы уже может быть проведена теоретико-множественными методами¹⁰.

¹⁰ О роли гипотез при формировании фонологических понятий см. также: Ревзин, 1977, с. 68—69 (прим. сост.).

Большой интерес в этой связи вызывает рассмотрение некоторых трудностей, возникших в диахронической фонологии.

Необходимость последовательного распространения фонологических принципов на исследование диахронии ощущалась уже создателями фонологии и в первую очередь Р. Якобсоном (Jakobson, 1929, 1931), который показал, что в рамках самой системы возникает напряжение, приводящее к изменениям, носящим, таким образом, «терапевтический» характер. В дальнейшем плодотворность этих принципов была показана в целом ряде работ (см. прежде всего Мартине, 1960). Тем не менее при применении теоретико-множественного принципа оппозиции всякое изменение может мыслиться лишь скачкообразным. Это вряд ли соответствует реальности, ибо практически нельзя установить момент, когда два звука больше не противопоставлены по некоторому признаку или наоборот из вариантов одной фонемы превращаются в разные фонемы. В практическом описании исторических изменений мы всегда имеем дело с констатациями типа: эти звуки скорее представляют уже две разные фонемы в данный момент и т. п.

Тем самым в исторической фонологии возникает серьезная трудность. С одной стороны, однозначно доказано, что фонологическая мутация (термин Якобсона) есть скачок и что наименьшей единицей, «квантом» фонологического изменения является дифференциальный признак. Два звука либо входят в одну фонему, либо различаются по крайней мере одним признаком, и поэтому всякое изменение есть потеря или соответственно приобретение хотя бы одного признака. При этом доказано, что изменяется именно признак, так как сдвиг по этому признаку, как правило, происходит для целого ряда фонем (ср. хотя бы описание первого или второго передвижения согласных в германских языках или процессов славянской палатализации). Этот тезис не нуждается в пересмотре, и мы не его имели в виду, когда говорили о необходимости рассмотрения «промежуточных случаев». С другой стороны, никому не удалось — хотя бы с точностью до периода одного поколения, т. е. 20—25 лет — однозначно датировать какое-либо фонологическое изменение. Возникающая здесь трудность осознается многими фонетистами.

Одно из предложенных решений этой проблемы состоит в следующем: «Для правильного понимания процесса фонетической (точнее — фонематической) эволюции нужно исходить из того, что фонема представлена всегда не одним, а несколькими (или даже многими) вариантами. Дело, следовательно, не в постепенных изменениях артикуляторных и акустических характеристик звука, а в том, что фонема существует в своих реально произносимых вариантах (как их инвариант) и поэтому обладает не одной, а несколькими такими характеристиками. Различие между вариантами может быть минимальным, нелегко определяемым даже хорошо натренированными фонетистами. . . Сущность фонологической эволюции состоит в том, что в силу тех или иных причин. . . различие между вариантами одной фонемы начинает использоваться в языке для различения морфем или слов» (Зиндер и Строева, 1965, с. 9).

Поскольку в данной работе мы пользуемся несколько иной концепцией фонемы, то нам придется предложить и другое решение поставленного вопроса. Для нас фонема — это конечная и вполне определенная совокупность характеристик, приписываемых звуку. Поскольку эта совокупность никак не выделена в физическом сигнале из бесконечной совокупности его свойств, то фонема раскрывается нам лишь как реализация некоторой функции, приписывающей конкретным звукам определенные признаки. В силу вышесказанного эта функция не может приписать звуку «половину признака», «четверть признака» и т. п. Однако критерии определения этой функции могут быть разными, в частности, более или менее сильными, причем каждый из них может отражать нечто реально важное для функционирования языка.

Поясним эту мысль примером. Некоторому звуку (например, k') для какого-то периода развития русского языка после перехода $k' > \check{c}'$ признак (например, мягкость) может быть приписан в качестве фонемного на том основании, что он позиционно не связан¹¹, а может быть приписан в качестве такового лишь при наличии пар « k' + гласн.» в одинаковой позиции у слов с разным значением (ср. *кот* и *ткет*) и, наконец, лишь при нали-

¹¹ М. В. Панов (Панов, 1967) считает этот критерий вообще единственно значимым для фонемности.

ции пары слов, различающихся только этими согласными¹².

В сущности на разности этих критериев построено понятие функциональной нагрузки, играющее столь важную роль в исторической фонологии (см. Мартине, 1960). Каждый из подобных критериев определяет некоторую степень «фонемности» и именно изменение ее наиболее важно в исторической фонологии. Принятый в данной работе принцип позволяет, как кажется, приблизиться и к тому описанию, которое требуется исторической фонологией.

1.3. *Спорность проблем сегментации.* *Принципиальная неопределенность* *как итог описания*

Теория фонемы должна дать ответ на два разных, хотя, как мы увидим, фактически связанных вопроса:

1) каким образом два звука *x* и *y*, употребляемые в разных последовательностях, могут быть объединены в одну фонему (проблема «парадигматической идентификации») и

2) каким образом два рядом стоящих звука *x* и *y* в одной последовательности могут быть объединены в одну фонему (проблема «синтагматической идентификации»).

И та и другая проблема связаны с минимизацией: но при парадигматической идентификации речь идет о минимизации алфавита, а при синтагматической идентификации — о минимизации кодовой цепочки и, как мы увидим, часто обе проблемы оказываются тесно связанными.

При этом проблема «синтагматической идентификации» оказывается наиболее трудной. Фактически можно исходить лишь из некоторой гипотетической сегментации. Так и поступают, как правило, в фонологии, не отмечая, однако, что речь идет не о данности, а о гипотезе, которую надо обосновать. Поэтому мы примем следующий порядок изложения: сначала в главе II обсудим предварительные вопросы, связанные с сегментацией, а затем в связи с вы-

¹² Ср. различие между полной релевантностью (full relevance) и неполной релевантностью в работе: Krámský, 1967, с. 1085—1086.

движением тех или иных критериев будем возвращаться к специальным вопросам ресегментации.

То, что сегментация стоит в качестве вопроса № 1 на повестке дня теоретической фонологии, явствует хотя бы из следующих примеров.

Разделяя мягкие и смягченные согласные в современном болгарском языке, Ст. Стойков следующим образом характеризует их: «Меките съгласни, в сравнение със съответните твърди, винаги имат по-висок характеристичен шум, който се образува при помалкия им устен резонатор. При тяхното учленение обикновено се чува и особен й-виден или х-виден призвук. . . При другия вид смекчени съгласни допирът на езика до твърдото небце се явява второ допълнително учленително място (втори фокус), защото главното учленително място (първият фокус) изобщо не може да се премести върху твърдото небце. Такива са съгласните n' , b' , m' , f' , v' с главно учленително място (първи фокус) на устните и съгласните s' , z' , z' с главно учленително място на алвеолите и зъбите. Характерстичният шум на тия съгласни е по-висок от тоя на съответните твърди и обикновено е примесен с особен й-виден призвук» (Стойков, 1952, с. 9). Далее Стойков говорит о том, что одни языковеды анализируют эти звуки как единые, а другие «излизайки предимно от учленителните им особености, ги смятат за съчетание (комбинация) от твърда съгласна и й» (там же).

Стойков показывает, что в связи с такой неоднозначностью возможны три разных фонологических системы для описания болгарского языка:

1) в болгарском языке 6 гласных фонем (a , ъ , o , u , e , i) и 34 согласных (т. е. для каждой твердой имеется мягкий коррелят);

2) в болгарском языке 17 согласных (только твердые), но зато 10 гласных (палатализация относится к гласному и получают противопоставления $o-o'$, $\text{ъ}-\text{ъ}'$, $e-\varepsilon$, $a-a'$, $u-u'$);

3) в болгарском языке 6 гласных фонем (как в первой возможности) и 17 гласных (как во второй), но зато признак палатализации выделяется в специальную фонему, например, слово *бял* есть четырехфонемное сочетание $bja\ell$.

Мы еще остановимся на фонологических особенностях соответствующей группы звуков (неупотребление их в конце слов и перед согласным) в некоторых славянских

языках, здесь же нам существенна чисто фонетическая неоднозначность разложения соответствующей цепи.

Спор вызывает и статус r' , b' , f' , v' , m' в польском языке, которые, например, по мнению Трейджера, должны рассматриваться как сочетания (Trager, 1939, стр. 178—188). Аналогичные споры ведутся и для чешского языка¹³.

Вопрос о статусе этих же звуков в украинском языке мы специально рассмотрим в связи со спорами о фонологическом статусе y и i (см. III. 5). Вообще для украинского языка существует еще больше разных инвентарей фонем, чем для болгарского языка. Мы изложим сводку имеющихся описаний, пользуясь работой Ф. Т. Жилко (Жилко, 1963). Сам Жилко считает, что в современном литературном украинском языке 38 фонем, из них 6 гласных и 32 согласных. Близкой точки зрения придерживается П. П. Коструба (Коструба, 1962), также выделяющий 32 согласных фонемы. С другой стороны Г. Ф. Шило (Шило, 1948) выделяет 45 согласных фонем, И. П. Сунцова (Сунцова, 1952) — 41 согласную фонему, а Н. Ф. Наконечный (Наконечный, 1951) — 44 согласных фонемы.

Такой разницей в системе согласных связан не только с решением вопроса о палатализованных губных и некоторых других, но также и с однофонемной (Москаленко, 1947; Шило, 1948; Наконечный, 1951; Сунцова, 1952) или двуфонемной (Жилко, 1963; Коструба, 1962; а также Леков, 1960) трактовкой долгих согласных. Неясен статус и аффрикат z , $ž$ в тех языках, где они есть (например, в том же украинском). Наиболее интересное свидетельство неоднозначности критериев сегментации представляет известный спор о фонологической системе румынского литературного языка (см. Дукельский, 1959). Спор этот связан с трактовкой так называемого «*i finale*» в словах типа *lupi* [*lup*¹] — мн. число от *lup* 'волк', *pantofi* — мн. число от *pantof* 'ботинок' и сегментации слов, содержащих дифтонги после согласных, например, *toată* 'вся', *beată* 'красивая'. По традиционной точке зрения система румынского языка представлена 20 согласными, из ко-

¹³ Подробный анализ фонологической стороны вопроса применительно ко всем славянским языкам имеется в работе: Калынь, 1961.

торых 15 в конце слова имеют мягкие варианты, причем мягкость на письме обозначается *i* (Graur и Rossetti, 1938). Фонологически такая точка зрения непоследовательна, поскольку чередование твердого и мягкого не зависит от позиции и, больше того, играет смыслоразличительную роль. В этой ситуации есть два возможных пути, и по одному из них последовательно пошли Аврам (Avram, 1957), Россетти (Rossetti, 1957), а по другому — Петрович (Petrovici, 1956). По мнению первых, в слове [lurⁱ] четыре фонемы, где «призвук мягкости *i*» — самостоятельная фонема (самостоятельная с точки зрения сегментации, что касается возможности ее объединения с другими в одну фонему, то здесь позиции этих трех авторов расходятся). Петрович же считает, что в слове [lurⁱ] три фонемы и что признак палатализации (диэзная тональность) является дифференциальным. Здесь он не очень расходится с традиционным взглядом, но для того чтобы преодолеть сложность системы описания, в которой палатализованные фонемы встречаются только в одной позиции (конец слова), Петрович построил стройную систему, в которой палатализованные фонемы встречаются в любой позиции, но не признается наличие дифтонгов *ia*, *ea* в румынском языке. В словах типа *beát* 'пьяный', по Петровичу, фонемная сегментация должна производиться так: *b' | a | t*. Таким образом, Петрович сокращает на две фонемы общее число гласных фонем, но зато вдвое увеличивает число согласных фонем, доводя его до 40. Поскольку, однако, такая система обладает еще одной непоследовательностью: наличием дифтонга *oa*, например в *toatǎ*, то Петрович вводит еще одно противопоставление: между лабиализованными и нелабиализованными согласными фонемами, например, *t^o—t* и сегментирует звуковой поток для *toatǎ* следующим образом: *t^o | a | t | ǎ*. Таким образом, общее число согласных фонем увеличивается до 70.

Итак, по одной концепции, мы имеем в словах типа *beát* членение *b | ea | t*, а по другой — *b' | a | t*. Аврам и Василиу придерживаются членения *b | e | a | t*, считая неслоговое *e* вариантом другой фонемы. Вообще, как верно отметил Л. Тамаш, в романской фонологии вопрос о бифонематической или монофонематической оценке дифтонгов вызывает многочисленные дискуссии (Tamas, 1959, с. 70—71).

Таким образом, один и тот же физический сигнал в принципе может сегментироваться человеком по-разному. Не следует, однако, думать, что сегментация, производимая человеком, не меняет физического сигнала. Разумеется, данный конкретный (индивидуальный) сигнал не меняется в зависимости от сегментации его, но последующее воспроизведение его существенно зависит от ранее принятой сегментации. Так, *j*-образный призвук, имеющийся при произнесении мягких губных, при такой сегментации, которая выделяет его в отдельный сегмент, произносится гораздо четче. Поэтому чисто физический критерий оказывается в фонологии весьма существенным. Однако отсутствие пороговых физических характеристик не дает возможности решить этот вопрос однозначно. И именно поэтому основную роль продолжают играть функциональные критерии.

Итак, теоретическая фонология столкнулась с серьезными трудностями. Преодоление их, как оно намечено в I.2, требует существенного изменения основных предпосылок фонологического описания.

Необходимо вернуться к истокам фонологии. Победа фонологии над традиционной фонетикой — связанная с тем, что фонология предложила подлинно научный и, как оказалось, весьма современный аппарат описания, а именно теорию оппозиций, не привела к освоению всего понятийного богатства, накопленного традицией. В частности, столкновение фонологического и традиционно-лингвистического мышления объяснялось тем, что в последнем столь важную роль играют промежуточные явления и принцип непрерывности, отбрасываемые в теории фонологических оппозиций.

Необходимо поэтому построить теорию, не отказываясь от достижений фонологии и в то же время могущую соперничать с традиционным языкознанием и в тех вопросах, в которых оно наиболее сильно.

Это тем более необходимо, что именно сейчас, как мы видели, стал очевидным глубокий кризис теоретико-множественного подхода. Одно время казалось, что выход из этого кризиса состоит в замене жестких логических критериев статистическими¹⁴. Однако на самом деле

¹⁴ Таков смысл предложений, сделанных автором в работе: Ревзин, 1963а.

это мало что дает. Самое главное препятствие для такой замены состоит в следующем. Статистическая точка зрения является лишь обобщением теоретико-множественной: она предлагает ту же первоначальную ситуацию, когда для каждого элемента класса известно, относится ли элемент к данному классу или нет. Разница состоит в том, что теоретико-множественный подход знает лишь одну альтернативу между существованием хотя бы одного элемента (квантор существования) в классе или принадлежностью всех элементов к классу (квантор всеобщности), а статистический подход исследует и все промежуточные возможности. Поэтому все ранее сказанное об ограниченности теоретико-множественного подхода относится и к статистическому. Это не означает, что статистика вообще неприменима к языкознанию. Наоборот, после того как с помощью всех имеющихся в распоряжении лингвиста средств определены классы и зафиксировано их членство, статистика становится удобным вспомогательным инструментом дальнейшего исследования¹⁵.

Есть еще один момент, затрудняющий переход на статистическую точку зрения (по крайней мере в ее теперешнем виде). Предположим, что выбрана сегментация, установлены признаки, решена проблема индивидуального сегмента и его класса и т. п. Применение статистического аппарата опирается на гипотезу однородности, стационарности, т. е. на то, что в разных выборках действуют одни и те же законы распределения. В действительности, однако, такая однородность на фонетическом уровне, как, по-видимому, и на других отсутствует¹⁶. Таким образом, и здесь возникает та же проблема, какая встала перед нами при применении чисто логических представлений: необходимость построения нового аппарата, более приспособленного к языковой реальности.

В настоящей работе мы, как уже говорилось, будем исходить из теоретико-множественных представлений, но для каждого лингвистически значимого понятия будет

¹⁵ Ср. выступление Р. М. Моро (Moreau) на коллоквиуме по лингвистической статистике в Страсбурге (Colloque, 1966, с. 128). Моро также подчеркивает неприменимость теоретико-множественного подхода к языку и необходимость — в связи с этим — предварительного лингвистического анализа.

¹⁶ Ср. очень интересные замечания Н. Савицкого (Savický, 1967),

строиться целая совокупность критериев, которые логически, вообще говоря, могут быть независимы или достаточно мало связаны.

Отсюда принципиальная неопределенность, возникающая как итог (но не исходный пункт!) описания: та или иная сегментация может считаться более или менее вероятной, но теория не дает однозначного ответа, является ли данная сегментация единственно возможной. То же относится к вопросу об отнесении двух сегментов к одной или нескольким фонемам.

Эта неопределенность, возникающая в итоге описания, проводимого теоретико-множественными средствами, вполне соответствует концепции о множественности механизмов порождения на данном уровне описания — при их эквивалентности относительно следующего уровня, т. е. такой, когда разные механизмы создают одинаковую систему фонетических слов и т. д.

Теория порождающей грамматики — до возникновения гипотезы неединственности — исходила из концепции, что для каждого языка L имеется одна и только одна «истинная система», эффективно перечисляющая все фразы языка (а за этим стояло представление, что имеется только один механизм, фактически производящий фразы языка L). Такому подходу к порождающей грамматике естественно соответствовал аналитический подход, основанный на теоретико-множественной концепции и тех ее предпосылках, о которых говорилось в I.2. Представление о неопределенности аналитического описания наоборот естественно согласуется с концепцией неединственности порождения. В основе этой последней лежит представление о речевых механизмах как достаточно сложных ансамблях речепроизводящих устройств — неединственных для каждого данного уровня, хотя и эквивалентных относительно более высокого.

Тем самым создается возможность выработать для современной лингвистики концепцию индетерминизма, сильно отличающуюся от индетерминизма статистического, господствующего в современной физике. Такая концепция интересна с той точки зрения, что язык, будучи средством массовой коммуникации, отражает какие-то специфические свойства организации и функционирования человеческих коллективов.

Если уж говорить об аналогии с физикой, то можно указать на сходство кризисных ситуаций, возникших в результате столкновения разных систем мышления. Как тонко отметил В. Гейзенберг, «вероятно, в порядке общего предположения можно сказать, что в истории человеческого мышления наиболее плодотворными часто оказывались те направления, где сталкивались два разных способа мышления» (Гейзенберг, 1963, с. 159).

Предлагаемая концепция индетерминизма является попыткой примирить два разных способа мышления, которые столкнулись сейчас в современной фонологии: с одной стороны, в фонологии господствует теория оппозиций, являющаяся крайним полюсом дискретного мышления, с другой стороны, большое число фактов (например, касающихся сегментации, а также супrasegmentных средств, как интонация) описываются на основе подхода к языку как к зыбкой, подвижной и непрерывной реальности. С одной стороны, большинство фонологов настаивает на операционности своих определений, а с другой стороны, более или менее явно используются исходные данные, определяемые интуитивно, причем роль интуиции осознается как все более важная. С одной стороны, фонологические факты трактуются как безостаточно инкорпорированные в общую систему языка, а с другой стороны язык рассматривается как система связанных, но не лишенных внутренней автономии систем (откуда, в частности, и вытекает право на существование особого фонологического уровня).

В этих (и других затронутых ранее) противопоставлениях речь идет не столько о направлениях исследования, сколько об общих подходах к языку вообще, о «парадигмах» в смысле Т. Куна (Кун, 1975). Как известно, парадигмой Т. Кун называет совокупность научных представлений об определенной предметной области, эффективность которых «была достаточно беспримерной, чтобы притягивать постоянную группу приверженцев» и которые «обладают достаточной степенью открытости, чтобы оставить надолго новой группе специалистов всевозможные проблемы для решения» (Кун, 1975). Разные фонологические «парадигмы», связанные с именами Л. В. Щербы, Н. С. Трубецкого—Р. О. Якобсона, московской фонологической школы и, наконец, Н. Хом-

ского—М. Халле как раз обладают указанными свойствами.

Период сосуществования разных парадигм предшествует — по Куну — смене «парадигм», т. е. научной революции. В такие периоды в науке повышается значение анализа используемого ею языка, т. е. значение моделирования.

Если в грамматике интерес к моделированию значительно понизился в последние годы, что связано отчасти и с достигнутым уточнением аппарата¹⁷, то в фонологии, как представляется, именно сейчас методы моделирования особенно актуальны.

П р и м е ч а н и е. Появление теории моделей языка в принципе также можно было бы рассматривать как появление новой парадигмы, а ее неприятие многими учеными как обычную реакцию на новую парадигму. Однако скорее речь идет просто о совершенствовании языка, поскольку, как представляется, моделирование совместимо с любой парадигмой.

¹⁷ После работ такого ранга, как книга А. А. Зализняка «Русское именовое словоизменение» (Зализняк, 1967), вряд ли целесообразно строить модели рода, падежа и т. п., хотя несомненно, что без обсуждения проблем моделирования соответствующие разделы книги А. А. Зализняка были бы гораздо беднее. В области синтаксиса центр тяжести переместился от конструирования порождающих моделей и сравнения их порождающей силы (типичная проблема моделирования) к описанию отдельных проблем взаимодействия семантики и грамматики в рамках языка, соединяющего аналитические и генеративные модели представления — так могут трактоваться работы постхомскианцев.

Глава II

Речевые цепи и их первоначальная сегментация

II.1. Речевая цепь, высказывание и речевая последовательность

Понятие речевой цепи является исходным понятием любого фонетического описания. Каждое такое описание покоится на какой-либо фиксации речи — либо субъективной (в памяти исследователя), либо субъективно-объективной (при помощи некоторой системы транскрипции, которая, однако, уже отражает как восприятие исследователя, основанное на ряде неосознанных или полуосознанных операций, так и его теоретические установки (см. Аванесов, 1956а, Смирницкий, 1949) — но при этом отражает таким образом, что имеется некоторая объективированная данность, которая может служить исходной базой для последующего исследования), либо наконец, объективной (в виде записей на магнитной ленте или кривой осциллограммы или на спектрографе типа «видимая речь» и т. п.).

Сегментация речевой цепи, производимая при субъективной и субъективно-объективной фиксации, должна быть обоснована в фонологии, поэтому фонология не может обойтись и без параллельного рассмотрения объективной фиксации.

Единственная сегментация, которая сразу же может быть принята без кривотолков — это сегментация речевой цепи на минимальные речевые цепи или высказывания, а именно речевые цепи, находящиеся между двумя соседними паузами.

Итак в любой фонологической модели нам задано множество минимальных речевых цепей или высказываний Δ . Это множество и представляет на фонетическом уровне данный язык (или диалект) L .

Очевидно, что на выбор этого множества налагается ряд дополнительных условий, сводящихся к тому, что эта совокупность высказываний должна:

а) представить язык достаточно полно;

б) не содержать вкраплений чужих языков или диалектов¹;

в) отражать более или менее стандартизованное произношение (т. е. орфоэпическую норму в случае литературного языка и по крайней мере тщательное произнесение — в случае диалекта);

г) относиться ко времени одного поколения, т. е. не различаться между собой более чем на 20—25 лет. Разумеется, любое из этих требований может быть снято для специальных целей. Однако обычная ситуация, по-видимому, соответствует описанной. Следующее требование мы выделяем особо, поскольку с ним связан один принципиальный вопрос фонологического анализа;

д) естественно считать, что все заданные нам речевые цепи осмыслены, причем для любых двух последовательностей мы знаем, имеют ли они одинаковое значение или разное.

Иначе говоря, мы считаем, что на множестве речевых цепей определено отношение смыслового тождества R , которое также задано нам извне. Заметим, что все споры о возможности и границах применения смысловых критериев в фонологии не затрагивают сделанного допущения, без которого вряд ли вообще можно строить какую-либо теорию.

Первая (и пожалуй самая трудная) задача теоретической фонологии состоит в том, чтобы дать критерии, по которым каждая речевая цепь разбивается на определенные отрезки с тем, чтобы каждую речевую цепь представить как последовательность в конечном и даже весьма ограниченном алфавите (как правило, алфавите транскрипционных знаков), в то время как Δ , вообще говоря, бесконечно или во всяком случае велико.

В теории фонологических моделей и исходят не из множества Δ , а из множества последовательностей θ в некотором алфавите E , где каждый элемент из Δ представлен как элемент из θ . Итак любая модель уже предполагает некоторую первоначальную сегментацию (хотя бы гипотетическую).

¹ Таким образом, мы здесь исключаем (кроме специально оговоренных случаев) вопрос о контакте фонологических систем, а также о сосуществующих фонетических системах.

Такая трактовка весьма удобна. Нам задан алфавит M и мы рассматриваем множество M^∞ всевозможных последовательностей в этом алфавите. Далее имеется некоторое собственное подмножество этого множества $\theta \subseteq M^\infty$. Производным от понятия речевой последовательности (т. е. элемента из θ) является понятие допустимой последовательности (θ^* — есть множество допустимых последовательностей).

О.П.1. Говорим, что последовательность f ($f \in M^\infty$) есть допустимая последовательность, если существуют такие последовательности g_1 и g_2 , что $g_1 f g_2$ есть элемент из θ .

Иначе говоря, любой сплошной участок, вырезанный из осмысленной последовательности, является допустимой последовательностью.

II.2. Макросегменты и их роль в сегментации.

Понятие контраста

Каким же способом может быть произведена первоначальная сегментация речевых цепей? Большинство фонологов исходят из процедуры, которую мы опишем здесь, следуя Н. С. Трубецкому (Трубецкой, 1960, с. 40 и сл.)². Н. С. Трубецкой назвал первоначальную сегментацию текста разложением на фонологические единицы и описывал ее на таких примерах. Рассмотрим в немецком языке последовательности *Mähne* [mɛ : nɐ] и *gähne* [gɛ : nɐ]. Поскольку они имеют разное значение и отличаются только тем, что в одной выступает *m*, а в другой *g* и в то же время нет последовательностей, которые отличались бы от данной только частью *m* или частью *g*, то *m* и *g* суть элементарные фонологические единицы. Итак, мы имеем дело с понятием, которое можно определить следующим образом.

Представим себе, что у нас имеется инструмент, который может вырезать часть некоторой речевой цепи и заменять ее частью, вырезанной из другой речевой цепи³. Обозначим через $\rho_{x,y}^{(h)}$ речевую цепь $h_1 \in \Delta$, полученную путем замены в речевой цепи $h \in \Delta$ части x на часть y .

² Из позднейшей литературы можно назвать: Pilch, 1964, с. 88—91.

³ Такая процедура была фактически осуществлена Дукельским (1962).

О.П.2. Будем говорить, что z есть речевой сегмент, если существуют $h, h_1 \in \Delta$ и $v \in \theta^*$ такие, что неверно $h R h_1$ и $h = \rho_{z, \vartheta}^{(h_1)}$ или $h_1 = \rho_{z, \vartheta}^{(h)}$. Всякий минимальный речевой сегмент назовем фонологической единицей. Каждую речевую цепь h представим как последовательность x_1, \dots, x_n , где x_i есть фонологическая единица.

На самом деле такое определение дает не очень много. В примере Трубецкого отрезок, соответствующий ähne, будет зафиксирован автоматами по-разному в цепи, соответствующей Mähne, и цепи, соответствующей gähne. С другой стороны m в Mah, Mähne, Miene — акустически разные сегменты и идентификация их не есть нечто самоочевидное ⁴.

Здесь весьма существенно, какой смысл вкладывается в понятие тождественности или нетождественности двух индивидуальных речевых цепей. Вероятность того, что тождество (имеющееся с точки зрения восприятия) будет зафиксировано аппаратами, чрезвычайно мала. Поэтому в большинстве экспериментов по сегментации тождество устанавливается на основе восприятия некоторого числа аудиторов. При этом для сегментов, соответствующих отдельным звукам, почти никогда не бывает полного согласия между аудиторами, причем процент отождествлений подвержен значительным колебаниям.

Так, в экспериментах, проведенных Э. Фишер-Йергensen (Fischer-Jørgensen, 1956), при замене начального f на s перед i и a был достигнут высокий процент опознаваемости, наоборот при замене b на d перед a и u, g на d перед a, d на b перед a процент опознаваемости был достаточно низким.

Дело в том, что звуки оказывают внутри слога весьма значительное влияние друг на друга (см. Schatz, 1954) и только при пересадке целых слогов можно надеяться на однозначные ответы аудиторов. Поэтому, если подходить к критерию Трубецкого с позиций современной экспериментальной фонетики, то следует признать, что он во многих случаях даст сегментацию на довольно крупные блоки, которые естественнее всего (имея в виду не формальную структуру определения, а фактическое положение

⁴ На нетривиальность соответствующей проблемы обратил внимание Мартине (Martiné, 1943, с. 4).

ние дел) называть макросегментами. Так мы и будем поступать в дальнейшем.

Макросегменты дают максимальную длину элементарного сегмента, который должен быть установлен в фонологии⁵. Отсюда, в частности, следует, что при определении сегментов, соответствующих фонемам, мы не можем переходить границ макросегментов.

Этот принцип четко сформулировал уже сам Трубецкой: «Реализацией одной фонемы можно считать только сочетание звуков, составные части которого в данном языке не распределяются по двум слогам» (Трубецкой, 1960, с. 63). Иначе говоря, слоговая граница обязательно является границей макросегмента. Один из примеров Трубецкого на действие этого правила таков: в русском, польском и чешском языках сочетание «гласный +j» обладает тем свойством, что j присоединяется к следующему согласному, т. е. отходит к другому слогу, ср. чешск. *куру-je*, в то время как в немецком языке j в таких сочетаниях всегда относится к тому же слогу. Отсюда следует, что соответствующие польские и чешские сочетания «гласный +j» двухсегментны. Но делать какие-либо выводы о немецких дифтонгах было бы преждевременно (ср. Могсінес, 1958).

Мы видим, что один и тот же участок речевой цепи с точки зрения физической может получить различную сегментацию, в зависимости от того, проходит ли внутри него слогораздел (или по критерию который будет разбираться в V.5, — морфемный стык).

Однако этот принцип действителен именно в тех случаях, когда тождественный участок речевой цепи попадает в разные слоговые (или морфемные) условия. Один из основных, хотя и явно не сформулированных постулатов сегментации гласит: тождественные участки речевой цепи должны получать в тождественных слоговых (соответственно морфемных) условиях тождественную сег-

⁵ Макросегмент в нашем понимании, по-видимому, соответствует сегменту в терминологии Н. И. Дукельского, ср.: «Тот факт, что граница между отрезками речевого потока, соотносимыми с отдельными фонемами, в большинстве случаев не совпадает с границей между сегментами, а проходит внутри сегмента, свидетельствует о том, что сегменты являются составной частью отрезка речевого потока, соответствующего не отдельной фонеме, а слогу» (Дукельский, 1962, с. 44).

ментацию. Если бы этот принцип не действовал, то распознавание речи было бы чрезвычайно затруднено.

Продемонстрируем действие этого принципа на споре о статусе губных мягких в славянских языках. Почему возможна (хотя, разумеется, и не обязательна, и нуждается в дополнительных обоснованиях для каждого из языков) сегментация отрезка r' в виде rj в болгарском, польском, украинском языках, в то время как для русского языка никто такой сегментации не предлагает? Дело в том, что в русском языке отрезок, соответствующий r' , появляется не только перед гласными, но и в конце слова. Поэтому, если представлять *пять* как $rjat'$, то соответственно нужно поступать и в конце слова, например, представлять слово *топь* как $topj$. Но такое представление противоречит другому принципу сегментации, гласящему, что отдельный сегмент может выделяться лишь при том условии, что ухо может выделить присущее ему звучание. Мы уже говорили о том, что само физическое прояснение соответствующего сегмента может объясняться чисто фонологическими причинами. Но именно поэтому тот факт, что никакой носитель русского языка не отмечает особого элемента после r' в слове *топь*, свидетельствует против подобной сегментации. Но тогда нельзя отрезок r' рассматривать как rj в слове *пять*, хотя в аффиктированной речи и возможно произношение $rjat'$ (характерно, что так слышат иностранцы). Другое положение в польском, украинском и литературном болгарском языках, где губные мягкие встречаются только в позиции перед гласным. Итак, приходится признать, что акустико-физиологические соображения играют очень существенную роль. По-видимому, чисто физический характер имеет и понятие контраста, введенное чешским фонологом Б. Трнкой (Trnka, 1954) и развитое далее в работе известного чешского фонолога Вахека (Vachek, 1962, 1968)⁶. Вахек выдвигает критерий вставки промежуточного звука, не искажающего восприятие слова. Как показал П. Г. Богатырев, такие вставки широко практикуются в народной песне (Богатырев, 1963). Материалы П. Г. Богатырева могут, в частности, служить косвенной аргументацией в решении вопроса о сочетании «соглас-

⁶ О понятии контраста как элемента сегментации см. подробнее: Ревзин, 1977, с. 78—80 (прим. сост.).

ный +j», который часто толкуется в разных славянских языках по-разному, без участия чисто физических соображений. О применимости критерия синтагматического контраста в этих случаях свидетельствуют следующие примеры П. Г. Богатырева: «В былинах: *n(ы)ет* вместо разговорного *ньет, сем(ы)я* два раза, но встречаем и *сем(и)я, д(ы)якона*. В южнорусской песне: *са-ло-в(ы)-юшку*, дальше два раза *са-ло-вьюшку*» (Богатырев, 1963, с. 381).

Правда, в русском языке сочетания *pj, mj, vj* никто не интерпретирует как *p', m', v'*, так как имеются соответствующие противопоставления типа *s'emja — s'em'a* и т. п. Однако в принципе подобные толкования встречаются и здесь, поэтому тест на вставку может оказаться полезным.

Возможность вставки после любого согласного, закрывающего слог, объясняют чисто силлабическими причинами⁷. Но не менее оправданно считать, что в основе потенциальной открытости слова в славянских языках лежат чисто физические механизмы. Критерий вставки возвращает нас, таким образом, к слоговому критерию Трубецкого при распространении его и на потенциальный слог. Точнее, критерий Вахека можно толковать как расширение принципа Трубецкого, включающее потенциальную слоговость.

Интересные результаты дает применение метода контраста к дифтонгам. Сам Вахек его к дифтонгам явным образом не применяет, но пользуется методом, который, как нам кажется, сводится к тому же самому. Он считает, что если между компонентами дифтонга имеется переходный участок с суженной артикуляцией, то мы заведомо имеем дело с двуфонемным сочетанием (Vachek, 1968a). Тем самым однофонемными могут быть лишь скользящие дифтонги (ср. второе правило Трубецкого, опирающееся, кстати, на раннюю публикацию Вахека (Vachek, 1933). Но если довести правило Вахека до его логического завершения, то мы получим тот же критерий контраста. В самом деле, для разделения согласных использовался про-

⁷ «До падения слабых глухих гласных в древнерусском языке устный эпический стих сохранял силлабический характер, и после падения глухих вставка паразитического гласного сперва служила восстановлению распатанной силлабической сетки. Таким образом, первоначально вставной гласный мог быть стихотворным субститутутом утраченных еров» (Якобсон, 1962, с. 89).

межуточный элемент с признаком несогласности. Здесь же, если довести критерий до конца, используется возможность вставки негласного элемента *j* или *w*. Тем самым и здесь имеем дело с потенциальной двуслоговостью и возвращаемся к первому правилу Трубецкого, что подчеркивает его ведущее место (при данном нами обобщении правила).

Надо сказать, что сам Вахек не всегда пользуется своим правилом. Так, он, вопреки мнению Трубецкого, считает чешское *ou* двуфонемным сочетанием, хотя это типичный скользящий дифтонг и более того имеются признаваемые самим Вахек системные соображения в пользу признания *ou* однофонемным. Мы еще вернемся к этому вопросу, а здесь заметим, что в фонологии очень часто смешивают понятия критерия и условия. Критерием называется признак, необходимый и достаточный для отнесения явления к какому-либо разряду. Ни один из признаков Трубецкого (также как и их развитие в теории контраста) не является критерием: мы имеем дело с признаками достаточными, но не необходимыми.

II.3. Задание слогоразделов и границ слов

С помощью метода, описанного в II.1, получают единицы, не превосходящие слога. Это еще не значит, что при его помощи можно провести все слогоразделы. Это значит лишь, что слогораздел не будет проходить внутри макросегмента. Наоборот, возможна ситуация, когда один слог разобьется на несколько макросегментов (в некоторых опытах по замене одного сегмента другим, например, опытах, описанных Дукельским Н. И., макросегменты хорошо соответствуют отдельным фонемным сегментам). Таким образом, макросегмент оценивает минимальные границы слога: слог не может быть меньше макросегмента, но ничего не говорит о его максимальных границах. Вторую оценку границ слога можно получить, получив членение на фонетические слова. Этим мы займемся дальше. Здесь же отметим, что, имея оценки «сверху» и «снизу», мы уже можем применять имеющиеся в фонологии критерии, в частности объединять макросегменты в дозволенных пределах фонетического слова.

В сущности, на наличии таких оценок «сверху» и «снизу» основан распространенный в фонологии принцип слоговой сегментации, состоящий в следующем.

О.П.3. Пусть нам дана речевая последовательность $x_1x_2 \dots x_n$. Говорим, что между x_i и x_{i+1} проходит слого-раздел, если x_i и x_{i+1} относятся к разным макросегментам и существуют слова f и g такие, что f кончается на группу $x_{i-2}x_{i-1}x_i$, а g начинается с группы $x_{i+1}x_{i+2}x_{i+3}$, где первый или последний сегмент может быть пустым.

Этот критерий мы и примем, хотя и признаем его недостаточным. Дело в том, что он не дает однозначных слого-разделов. Но и другие используемые в фонологии критерии, в частности принцип восходящей звучности слога (см. Аванесов, 1956, с. 41—58), не дают однозначных решений. Можно допустить, что наш критерий используется вместе с критерием восходящей звучности, но и это теоретически не приведет к однозначности.

Поскольку в данной работе допускается неединственность фонологических решений, то мы допускаем, что одному фонетическому слову может быть приписано несколько разных систем слогоразделов⁸. Дело в том, что в дальнейшем при использовании слога для определения фонетической позиции, как правило, несущественно, в каком именно месте (например, в случае скопления согласных) проходит слогораздел, существенно лишь число слогов, отделяющих данный сегмент от места ударения и т. п. Что же касается деления на фонетические слова, то оно, как нам кажется, обязательно должно даваться для каждого данного высказывания (в пределах данного текста с данным значением!) единственным образом.

Возможны разные системы определения фонетических слов. Ниже мы изложим одну из них. В II.1. мы пользовались понятием высказывания как отрезка между двумя соседними паузами. Поскольку паузы распределены достаточно случайно, то определенное в II.1. индивидуальное высказывание, вообще говоря, не соответствует слову или словосочетанию и поэтому определения слова, сводящиеся к тому, что слово есть минимальное высказывание (таковы, в сущности, определения представителей дискриптивной лингвистики), достаточно односторонни и не дают, например, надежды отграничить слово от слога. Мы изложим здесь способ определения слова, принадлежащий

⁸ Ср. обоснование такой неединственности: М. И. Лекомцева, 1968, с. 189.

польскому лингвисту Яссему (Jassem, 1960) с некоторыми несущественными модификациями.

О.П.4. Пусть $f \in \theta$ и $f = \#x_1 \dots x_n y_1 \dots y_m \#$. Говорим, что $x_1 \dots x_n$ и $y_1 \dots y_m$ суть квазислова относительно f , если существуют $g_1 \in \theta$ и $g_2 \in \theta$ такие, что $\#g_1 y_1 \dots y_m \# \in \theta$ и $\#x_1 \dots x_n g_2 \# \in \theta$ и $g_1 g_2 \in \theta$.

Будем говорить, что g_1 и g_2 конгруэнтны (записывается $g_1 \approx g_2$), если выполнено хотя бы одно из двух условий:

а) для любых h_1 и h_2 из $h_1 g_1 h_2 \in \theta$ следует $h_1 g_2 h_2 \in \theta$ или $h_1 g_2 g_1 h_2 \in \theta$ или

б) для любых h_1 и h_2 из $h_1 g_2 h_2 \in \theta$ следует $h_1 g_2 g_1 h_2 \in \theta$ или $h_1 g_1 g_2 h_2 \in \theta$. Будем говорить, что g_1 и g_2 эквивалентны (записывается $g_1 \sim g_2$), если $h_1 g_1 h_2 \in \theta$ при любых h_1 и h_2 , тогда и только тогда, когда $h_1 g_2 h_2 \in \theta$.

Теперь определим понятие фонетического слова — по Яссему.

О.П.5. Пусть $f = g_1 w g_2$, где w — квазислово относительно f и $f \in \theta$. Говорим, что w есть потенциальное слово относительно f , если для любых v_1 и v_2 таких, что $g_1 v_1 g_1 \in \theta$ и $g_1 v_2 g_2 \in \theta$ верно $v_1 \approx v_2$ или $v_1 \sim v_2$. Пусть w есть потенциальное слово относительно f и w нельзя представить в виде $w = u_1 u_2$, где u_1 и u_2 суть потенциальные слова относительно f . Тогда w есть фонетическое слово относительно f .

Покажем теперь на русских примерах вместо польских, приведенных Яссемом, как выделяются слова.

Пусть у нас имеется последовательность *brat*. Она не делится, по-видимому, даже на два квазислова *br* и *at*, ибо хотя есть последовательности *bram*, *chlat*, нет, например, последовательности **chlom*. Приведем теперь пример последовательности, которая делится на квазислова, например, *radujiš*, а именно *radu-jiš* ср.:

radъ		jiš
pridlaga		ju
		jit
udira		jim
		jiti
		jut

Однако это не слова, так как ни в правой, ни в левой колонке соответствующие элементы не эквивалентны и не конгруэнтны (ср. невозможность **on radъju* или *on pridlajit dom*, но не **on radъjit dom*).

Приведем теперь пример деления на слова. Последовательность #čítáju knigu# делится на #čítaju = knigu#, ср.:

čítaju		knigu
pišu		bumagu
		stat'ju
abjz's'n'aju		čaržšo
		plochъ

В самом деле, элементы в левой колонке эквивалентны, в то время как в правой колонке эквивалентны три первых между собой и две последних между собой. Кроме того, первые три последовательности и последние две конгруэнтны, например, stat'ju и plochъ, ср. čítaju stat'ju plochъ.

Ясно, что применение критерия Яссема еще должно пройти проверку на практике (возможно, нужно ввести еще какие-то уточнения), но в целом он представляется удобным. Несколько более сложным является понятие основных речевых единиц (ОРЕ), предложенное автором в другом месте (см. Ревзин, 1962, с. 56—57); существенно, однако, что сегментацию на слова можно получить чисто формальными процедурами (в отличие, например, от морфем, для получения которых мы далее воспользуемся смысловыми критериями).

Единственное, что действительно требуется для произведения указанных операций — это возможность воспроизведения звуковых последовательностей, т. е. переход от индивидуальных звуковых последовательностей к абстрактным. Далее мы и хотим изложить относящиеся сюда вопросы.

II.4. Отношение фонетической близости. Понятие минисегмента

Экспериментальная фонетика дает два разных ответа на вопрос о сегментации речевого потока. Первый принадлежит одному из ее основателей и гласит: «Нет никаких четко выраженных разграничений последовательных звуков. Речь нельзя рассматривать как составленную из отдельных элементов, последовательно расположенных подобно буквам. Выделить в потоке речи определенные части в качестве отдельных звуков столь же обоснованно, как проводить четкую грань между началом равнины и

концом холма» (Scripture, 1902, с. 446). Введение таких средств описания, как спектрографы, подготовило другой, более оптимистичный ответ на этот вопрос: «Большое количество информации содержится в спектрограммах, получаемых методами «видимой речи», в этих спектрограммах выявляются как непрерывные, так и скачкообразные изменения спектрального состава речи. Это дает естественное членение акустической картины речи на отрезки, соответствующие звуку речи или части звука речи» (Фант, 1964, с. 23). Эти выводы были восприняты двояко. С одной стороны, Н. И. Дукельский (не пользующийся, впрочем, спектральным анализом) полностью оспаривает этот вывод и опирающиеся далее на него системы противопоставления признаков. Он утверждает, что «речевой поток это континуум, а не совокупность признаков», и «дихотомия к нему совершенно неприменима» (Дукельский, 1962, с. 126).

С другой стороны, некоторые авторы восприняли это свидетельство Фанта слишком оптимистично как дающее возможность исходить при моделировании из уже существующей сегментации речи⁹. Наиболее существенно здесь то, что объективно выделяются — вопреки Скрипчеру — некоторые порции, дающие возможность разделить речевую цепь на какие-то части. Соответствие между границами этих частей и фонологической сегментацией не может приниматься на веру. Дело не только в том, что отдельные признаки одной фонологической единицы, например, способа и места образования могут проявляться не одновременно, но и в том, что свойства, приписываемые одним звукам, могут проявляться в каких-то отрезках других звуков. Это было продемонстрировано, например в исследованиях Труби (Truby, 1959, с. 113 и сл.). Он показал, что в сочетании kw в словах типа *Quine* лабиализация предшествует взрыву, продолжается в момент взрыва и продолжается после него. В слова типа *play*, т. е. в сочетании pl латеральность l осуществляется одновременно со взрывом. Сравнение сонограмм (т. е. спектрограмм «видимой речи») для *pe* и *ple* показывает резкую разницу между двумя *p*, это можно объяснить физиологически лишь тем, что язык принимает позицию, необходимую для произнесения латерального, раньше, чем осуществляется

⁹ Не избежал этого упрощения и автор (Ревзин, 1962а, с. 81).

взрыв. Это и было подтверждено параллельно снятыми кино-рентгенограммами. Сходные наблюдения были сделаны у нас Чистович (Чистович, 1960, 1961) и получили близкое обоснование. Для логического моделирования из всего этого можно сделать следующий вывод: вполне можно принять, что существуют индивидуальные минимальные сегменты и что границы между ними проводятся однозначным способом (хотя эти границы могут не соответствовать записи и восприятию, так k^w из приведенного выше примера может быть зафиксировано как $w_1 k^w w_2$).

В сущности, каждый индивидуальный минимальный сегмент неповторим. В фонетике мы имеем дело не с индивидуальными сегментами, а с классами сегментов, объединяемых на основе того, что они звучат одинаково или почти одинаково.

Поэтому мы будем считать, что на множестве индивидуальных минимальных сегментов задано отношение фонетической близости Φ (ср. Кузнецов, 1959). В соответствии со сказанным в II.2 это отношение можно интерпретировать по-разному. Мы рассмотрим три таких отношения, причем каждое последующее включает в себя в качестве частного случая предыдущее: Φ_1 — отношение фонетической близости, основанное на некоторой совокупности объективных физических критериев (таких как формантная структура); Φ_2 — отношение фонетической близости, основанное на восприятии опытного фонетиста, т. е. два звука фонетически близки, если их не различает ухо фонетиста; Φ_3 — отношение фонетической близости, основанной на восприятии неискушенного в фонетике рядового носителя языка.

Отношению фонетической близости приданы два свойства¹⁰: 1) рассматривается двухместное бинарное отношение Φ ; 2) объединение по принципу фонетической близости не должно противоречить смысловоразличительному принципу. Это последнее свойство будет сформулировано в виде основной фонетической гипотезы (ср. основную фонологическую гипотезу — Ревзин, 1977, с. 110—112).

Т.П.1. Если имеет место $x\Phi y$, то не существует таких последовательностей f и g , что 1) $fxg \in \theta$ и $fyg \in \theta$, 2) неверно $fxg R fyg$.

¹⁰ Об этом подробнее см.: Ревзин, 1977, с. 80—81 (прим. сост.).

Два минимальных индивидуальных сегмента могут быть фонетически близкими в одном языке и не обладать этим свойством в другом языке, если существуют последовательности, различающиеся при их помощи.

Все множество индивидуальных минимальных сегментов разбивается на подмножества, содержащие фактически близкие сегменты.

О.П.6. Класс разбиения, обладающего тем свойством, что внутри каждого из классов находятся лишь фонетически близкие индивидуальные минимальные сегменты, называется абстрактным сегментом, или минисегментом.

Фонетически близкие единицы могут попасть и в разные классы, целесообразно поэтому перенести отношение фонетической близости на множество минисегментов.

О.П.7. Минисегмент x фонетически близок минисегменту y , если для любых индивидуальных минимальных сегментов ξ из x и η из y верно, что $\xi \Phi \eta$.

В дальнейшем в качестве посылки принимается, что для каждого индивидуального сегмента объединены все фонетически близкие с ним и каждая последовательность представлена как последовательность абстрактных минисегментов.

II.5. Понятие сегмента и сегментной фонетики.

Возможность различного сегментирования для разных лексических пластов

Итак, мы получили определенное множество минисегментов. Мы предположим, что это множество конечно и нам задан конечный алфавит минисегментов.

Таким образом, мы можем зафиксировать следующие понятия:

- 1) M — алфавит минисегментов;
- 2) мы обозначили через M^∞ множество всех последовательностей над M , нам задано некоторое подмножество θ множества M^∞ , θ есть множество осмысленных последовательностей;
- 3) на множестве θ задано отношение эквивалентности R , отношение R интерпретируется как отношение смысловой равнозначности.

Для удобства будем считать, что у нас имеется нулевой минисегмент \emptyset , т. е. $\emptyset \in M$ и нулевая последовательность $\#$, т. е. $\# \in M^\infty$. Разница между нулевым минисегментом

и нулевой последовательностью не только формальная, но и содержательная (т. е. в лингвистической интерпретации). Нулевая последовательность — это пауза, в то время как нулевой минисегмент есть конструкт, вводимый лингвистом для более удобного описания фактов¹¹ (один из примеров применения этого понятия будет дан уже в следующем параграфе).

В дальнейшем во всех определениях (если специально не будет оговорено противное) выражение «для любых последовательностей f и g » подразумевает и пустые последовательности, а выражение «для любого минисегмента x » («для любых минисегментов x и y ») включает и пустой минисегмент.

Кроме того, мы будем считать, что множество M включает в себя нулевые минисегменты, соответствующие слогоразделу и границе слова.

О.П.8. Назовем квазифонетикой языка L совокупность объектов (M, V, θ, R) , где M включает пустой минисегмент и знаки слогоразделов и слогоразделов (и в каждой последовательности из θ проставлены соответствующие символы), отношение V — есть отношение фонетической близости на множестве M , а отношение R на множестве θ есть отношение смыслового тождества.

Предположим, что некоторый минисегмент x встречается только в сочетании xu . Тогда очевидно, что он не может нести в языке никакой функциональной нагрузки, так как вычеркивание x из любой последовательности не нарушит никаких содержательных отношений между последовательностями.

Поскольку, однако, мы имеем дело не с искусственной конструкцией, а с естественным языком, то вычеркивание такого сегмента невозможно. Фактически, как правило, происходит другое, а именно, интеграция последователь-

¹¹ Впрочем, возможна и такая интерпретация нулевого сегмента, как отсутствие сегмента, обычно присутствующего в данном месте, ср. «Некоторые фонетические элементы могут не только варьировать, но присутствовать или отсутствовать без изменения целого» (Śyżewski, 1931, с. 18). Якобсон и Лотц вводят специальное различие между фонетическим нулем (отсутствием звука) и фонологическим нулем, который может репрезентироваться, и звуками, как e muet во французском языке, ср. Jakobson, Lotz, 1949, с. 151—158. Ясно, что это различие не может быть проведено на данной, предварительной стадии анализа.

ности zu и ее восприятие как единого элемента z . От специфических условий зависит, будет ли z отличен от y или же совпадет с y . Во втором случае (если $z=y$) исходный алфавит может уменьшиться на единицу, в первом (если $z \neq y$) он во всяком случае не увеличится (ибо будет введен новый символ z , но зато исключен x).

Этот принцип используется в фонологии повсеместно, хотя и получает самые разные обоснования. М. В. Панов приводит следующий пример (Панов, 1967, с. 16—17). В словах *von*, *von* в русском языке мы не слышим сегмента y , хотя при обратном прослушивании магнитофонной записи ясно слышно *touv*, *toum*. «Звук не слышен, — говорит М. В. Панов, — потому, что он всегда налицо в данном окружении, между губным согласным и следующим [o], он неизбежен, он единственно возможен, т. е. образует в данной позиции «систему» из одного звука. Поэтому говорящие не замечают его: он не выполняет функций отдельного речевого звука». Именно этим принципом может быть объяснено и восприятие последовательности w_1kw_2 как kw , о чем мы говорили в связи с экспериментами Труби: поскольку последовательности kw всегда предшествует w -образный призвук, то носители языка его и не слышат. Тот же принцип лежит в основе требования Н. С. Трубецкого (Trubetzkoy, 1929) признавать монофонемным дифтонгом лишь такую группу «сонант + гласный» или «гласный + сонант», где один из элементов (имеется в виду, разумеется, сонант) не встречается в аналогичном сочетании. Это требование нельзя признать необходимым для монофонемной трактовки дифтонга.

В качестве примера приведем ситуацию с дифтонгом *ou* в современном чешском языке. Вахек (Vachek, 1968) отказывает ему в монофонемности на том основании, что есть в чешском языке *au* и *eu*, с которыми *ou* естественно соотносится. Однако, во-первых, *au* и *eu* встречаются лишь в иностранных и эмоционально окрашенных словах и принцип оптимизации кода может по-разному действовать для *au*, *eu*, с одной стороны, и *ou* — с другой. Во-вторых, даже наличие таких дифтонгов в лексике одного стилистического пласта еще не требовало бы логически рассмотрения их как двуфонемных. В самом деле, применение такого же критерия для аффрикат привело бы к тому, что *tš*, *ts* и т. п. всегда рассматривались бы как двуфонемные.

В фонологии, к сожалению, достаточные требования часто смешиваются с необходимыми. Указанный критерий не является необходимым. Но он, разумеется, достаточен для признания сочетания однофонемным (так же как ранее обсуждавшийся критерий контраста не необходим, но достаточен для признания сочетания двухфонемным). Так, в упоминавшийся уже в I.3 дискуссии о системе фонем современного украинского языка значительное место занимает вопрос о статусе дифтонгов $i\hat{e}$, \ddot{o} в некоторых диалектах, например в полесских, и вообще северных говорах.

Как подчеркивает Ф. Т. Жилко (Жилко, 1963, с. 16—17), опираясь на экспериментальные исследования В. Н. Брахнова (Брахнов, 1963), компоненты этих двоезвучий не совпадают с сегментами i , \acute{e} , \acute{u} , \acute{o} , встречаясь только в этих сочетаниях. В частности, подчеркивается признак напряженности \ddot{o} , отсутствующий у \acute{u} и \acute{o} . Уже этого соображения достаточно для рассмотрения их в качестве единых сегментов.

Разумеется, объединены могут быть и несколько стоящих подряд сегментов. Этот принцип мы и положим в основу определения сегмента.

О.П.9. Сегментом называется:

1) последовательность минисегментов $x_1 \dots x_n$ такая, что для любого i либо x_i встречается в любой последовательности с x_{i+1} либо x_{i+1} в любой последовательности встречается с x_i ;

2) любой минисегмент, не входящий по пункту 1) в какой-либо сегмент.

Два сегмента различны, если хотя бы один из минисегментов на соответствующем месте отличается от другого. Любая последовательность f представляется теперь как последовательность сегментов. Ясно, что мощность алфавита при переходе к сегментам не увеличивается, в то время как длина некоторых последовательностей сокращается.

Теперь естественно перенести отношение фонетической близости на полученные сегменты, а именно считать, что сегменты $x = u_1 v_1$ и $y = u_2 v_2$ фонетически близки, если u_1 фонетически близко u_2 , а v_1 фонетически близко v_2 (аналогично для случая, когда сегмент составлен из n минисегментов). Отношение R на множестве последовательностей сохраняется естественным образом.

О.П.10. Определим понятия сегментной фонетики как совокупности объектов E, Φ, θ, R , где E -множество сегментов, Φ -отношение фонетической близости, θ -множество осмысленных последовательностей, а R -отношение смыслового тождества.

Отдельные признаки, как правило, не выделяются в качестве отдельных сегментов (хотя возможно, например, выделение «глайдов»). Дело здесь не только в частичном наложении признаков друг на друга, но и в избыточности возможного алфавита признаков. Спорные вопросы сегментации должны, очевидно, решаться в свете разумного компромисса между требованиями минимальности алфавита, сокращения числа ограничений на возможные последовательности элементов, уменьшения длины каждой цепочки. В связи с обсуждением вопроса о представлении сегментов как последовательности признаков¹² введем дополнительное понятие факультативного сегмента.

О.П.11. Назовем последовательность минисегментов u_1, \dots, u_n факультативным сегментом, если ни в одной допустимой последовательности не встречается ни одна последовательность, составленная из тех же самых элементов, но в некотором другом порядке. Этот принцип спорадически употребляется в фонологии в связи с разными вопросами (ср. хотя бы Deeters, 1939, с. 137), но всегда в сочетании с какими-либо другими принципами, ибо само по себе оно, по-видимому, не обеспечивает соответствия интуитивным критериям.

Так, во-первых, если считать, что минисегмент соответствует признаку, то следует иметь в виду, что существуют признаки, например палатальность, которые обладают некоторой подвижностью. С другой стороны, хотя, например, нам хотелось бы, чтобы ts был единым сегментом (ср. обсуждение вопроса о ts в III.3), имеется последовательность st . Наоборот, в случае \check{s} , по поводу которого есть основания сомневаться в однофонемности, нет обратной последовательности \check{s} . Тем не менее в сочетании с другими условиями принцип может быть полезен.

В II.V. мы сделали первую попытку применить соображения, касающиеся сочетаемости и частоты, для установления некоторых принципов сегментации. При этом мы

¹² См.: Ревзин, 1977, с. 83—85.

исходили из довольно элементарных предпосылок теории оптимального кодирования.

Другой и, пожалуй, более общей предпосылкой является та, что частые сообщения следует кодировать как можно короче, и наоборот, редкие сообщения могут быть достаточно длинными. В лингвистике эта закономерность проявляется в виде «закона» (или «законов») Ципфа, однако ее непосредственное влияние на сегментацию вряд ли имеет место. Как уже говорилось ранее, статистика лишь косвенно и весьма опосредствованно проявляется в структурных чертах. Поэтому вряд ли было бы верно выдвигать такой критерий сегментации: очень частые сочетания кодируются одним сегментом, а редкие — двумя отдельными сегментами (в ряде случаев это заведомо не так, например, сочетание *st* имеет во всех славянских языках очень высокую встречаемость, во много раз превосходящую встречаемость *s* с другими звуками¹³, тем не менее интуитивно это всегда двусегментное сочетание).

Однако косвенно подобные соображения, очевидно, проявляются в следующем. Как фонологический состав, так и сегментация, по-видимому, по-разному производится для слов терминологических, в особенности до сих пор воспринимаемых как заимствования (в эту же группу можно включить и эмоционально окрашенную лексику, ср. Vachek, 1968), с одной стороны, и исконно своих слов разговорной речи. Косвенно здесь, несомненно, проявляется указанная статистическая закономерность: слова первой группы, вообще говоря (хотя могут быть и исключения), выступают достаточно редко, в то время как вторые выступают часто. Но статистический принцип и здесь, как и вообще в языке, не является основным принципом организации лексики (и вообще языкового материала), он подстраивается под стилевой принцип, который и ощущается как основной.

То, что для разных лексических пластов могут действовать разные принципы сегментации (а, стало быть, мы имеем дело, строго говоря, с сосуществующими фонологическими системами), демонстрируется следующими примерами. Известно¹⁴ (и мы постараемся в дальнейшем установить для этого основания), что сочетания *ts* и *tʃ* в целом ряде случаев трактуются как однофонемные.

¹³ Ср. данные, прилагаемые к статье: Зиндер, 1958.

В таких языках, как русский или чешский, в качестве вариантов тех же фонем, т. е. опять-таки как однофонемные сегменты трактуются и звонкие соответствия тех же сочетаний, например *dž* в *n'iprodžbu* 'не прочь бы'.

Однако то же *dž* в словах типа *джем, джунгли, Джон, джигит* всегда трактуется как двуфонемное сочетание. Более того, как утверждает Вахек, в соответствующих чешских словах имеется даже контраст между *d* и *ž*. Как правильно отмечает тот же Вахек, причина этого в маргинальности, «периферийности», соответствующей лексики. Вахек сопоставляет эту трактовку с трактовкой сочетаний *au* и *eu* в иностранных и эмоционально окрашенных словах типа *automat, neugosa, kauce* как двуфонемных. Действительно, как мы увидим ниже (и здесь мы уже несколько расходимся с Вахеком), сочетания «гласный + сонант» в обычной лексике при отсутствии слогового или морфемного стыка между ними скорее следует рассматривать как однофонемные. Таким образом, уже при первоначальной сегментации мы сталкиваемся с тем, что один и тот же сегмент *x* может входить в разные сегментные фонетики (а именно различающиеся множеством θ) и в связи с этим получать различную характеристику. Далее мы увидим, что элемент входит не только в разные сегментные фонетики, но и в фонетики, уже не являющиеся только сегментными, и это также меняет его характеристику.

Глава III

Фонема в сегментной фонетике

III. 1. Дополнительное распределение.

Поля сегментов

О.Ш.1. Мы будем говорить, что x и y находятся в отношении дополнительного распределения, и писать xDu , если для любых последовательностей f и g , включая пустые, fxg есть допустимая последовательность тогда и только тогда, когда fyg — недопустимая последовательность. Если x и y не распределены дополнительно, то мы будем говорить, что x и y распределены контрастно.

Понятие дополнительного распределения является основным в американской дескриптивной лингвистике, где оно используется для парадигматического объединения сегментов в фонемы. Наряду с «истинными» парами, распределенными дополнительно, возникают «лишние», «не-нужные». Иначе говоря, соответствующий критерий может быть использован для подтверждения гипотезы «фонемности», высказанной на основе других критериев, но не для формирования подобной гипотезы, ибо нет формальной процедуры, позволяющей выбрать «истинные пары» и отбросить остальные. Часто для этого используется критерий фонетической близости. При этом предполагается, что отношение фонетической близости есть отношение, по крайней мере, трехместное: для любых трех сегментов x , y и z мы знаем, верно ли, что y ближе к x или z ближе к x . Тогда «истинные» пары подбираются следующим образом: для каждого x из всех y , дополнительно распределенных с x , выбирается y , наиболее близкий к x . Например, среди звуков русского языка, выступающих между твердыми согласными и между мягкими согласными, для звука e из всех, дополнительно распределенных с ним, а именно y , ϵ , a , o , u выбирается ϵ как наиболее близкий к e . Таким образом, получается «истинная пара» ϵ — e . Однако, во-первых, здесь мы вышли за пределы сегментной фонетики, ибо использовали не

то отношение фонетической близости, которое задано в ней (ср. II. 4), а во-вторых, имеет место следующее утверждение:

Т. III.1. Отношение образовывать «истинную пару» не-транзитивно.

Для доказательства достаточно рассмотреть случай, когда все сегменты одинаково близки друг к другу. Таким образом, даже этим методом пары, находящиеся в отношении дополнительного распределения, вообще говоря, получаются неоднозначно. Есть и другая трудность, состоящая в том, что даже при однозначном выделении пар они могут вступать в противоречие с интуицией. Для иллюстрации обратимся к часто дебатированному вопросу о соотношении *i* и *j* в славянских языках. П. С. Кузнецов (Кузнецов, 1968, с. 208 и сл.) предложил, ссылаясь на устные высказывания В. Н. Сидорова, рассматривать *i* и *j* (*i*) как одну фонему на том основании, что они не встречаются в одной и той же позиции, т. е. в наших терминах, распределены дополнительно. Тут же сам П. С. Кузнецов указал на трудности, возникающие при трактовке имеющихся в русском языке сочетаний *ji* и *ij*. Вопрос этот в сущности столь же старый, как и проблема фонемы.

В своей работе по словацкой фонологии Р. Якобсон (Jakobson, 1931a) высказал утверждение, что *ji* и *i* следовало бы в этом языке считать одной фонемой (поскольку они не употребляются в одинаковых позициях), если бы не было различных сочетаний *ji* и *ij*. Этот вопрос в общем виде поднимается в «Проекте фонологической терминологии», где говорится: «Если группа из двух звуков и группа, где те же звуки выступают в обратном порядке, могут выступать в тех же фонологических условиях, причем противопоставление этих двух групп звуков способно различать значения слов, то каждый из этих звуков является реализацией отдельной фонемы» (Projet, 1931, с. 311—312). Далее приводится пример из русского языка — противопоставление форм 'lis'ij и 'lis'ji, 'kel'ij и 'kel'ji. Заметим, что эти примеры никак не нарушают отношения дополнительного распределения, ибо нет групп *ii* и *jj*. Доводы Якобсона интуитивно столь убедительны, что дальнейшая полемика о статусе *i* и *j* в словацком языке (Pauliny, 1961, 1967), а также в чешском языке (Vachek, 1968, с. 43 и сл.) шла лишь вокруг реальности и разли-

чительной способности сочетаний ji и ij . Й. Вахек в указанной работе обращает внимание на то, что ji и ij в современном чешском языке — в отличие от русского — встречаются в разных условиях, ибо ji встречается лишь в начале морфем, ср.: jih , $jist\dot{y}$, $rozjit\ddot{it}$, а ij — лишь в конце морфем, например, kyi , $zmi|j|e$. Паулини же считает, что в фактическом произношении словацких слов типа $zmi|ja$, $\dot{s}i|ja$ звук j вообще отсутствует, а в других случаях он заменяется удлинением гласного, например, по его наблюдениям, $pr\dot{i}jmen$ произносится как $pr\dot{i} : men$. На этом основании Паулини приходит к выводу, что i и j варианты одной фонемы. Мы еще вернемся в другой связи к отношению между i и j в славянских языках. Хотя принцип дополнительного распределения и неудобен в силу приведенных соображений для объединения двух сегментов в одну фонему, он привел к построению достаточно содержательной теории дистрибутивного фонологического анализа, которая находит целый ряд применений. Речь идет о теории фонологических полей, разработанной в известной работе Хэрари и Пейпера (Хэрари и Пейпер, 1964).

О.Ш.2. Назовем α -полем сегмента x (обозначается через αx) совокупность сегментов y таких, что yx допустимая последовательность (т. е. α -поле x есть множество звуков, предшествующих x хотя бы в одной значимой последовательности); β -полем сегмента x (обозначается через βx) называется совокупность сегментов y таких, что xy есть допустимая последовательность; F -полем сегмента x называется множество $\alpha x \cup \beta x$. В этих терминах дополнительное распределение можно сформулировать так: $x D_y = (\alpha x \cap \alpha y = \emptyset) \vee (\beta x \cap y = \emptyset)$. Если x

и y распределены контрастно, то существует элемент, входящий в $\alpha x \cap \beta y$, и элемент, входящий в $\beta x \cap \alpha y$. Число таких элементов измеряет, так сказать, силу контрастности распределения.

Лучше всего представить поля следующей таблицей: в первом столбце и первой строке выписываются все звуки. Если пара xy допустима, то ставится плюс на пересечении строки, содержащей x , и столбца, содержащего y . Зафиксируем x . Тогда совокупность плюсов в столбце, помеченном x , соответствует его α -полю, а совокупность плюсов в строке, помеченной y , соответствует его β -полю.

III. 2. Отношения вариации

О.Ш.3. Мы будем говорить, что сегмент x парадигматически подчинен сегменту y и будем записывать этот факт через $y \rightarrow x$, если для любых f и g из $fxg \in \theta$ следует $fyg \in \theta$. Мы будем говорить, что сегмент x парадигматически сверхподчинен сегменту y и записывать этот факт через $y \Rightarrow x$, если для любых f и g из $fxg \in \theta$ следует $fyg \in \theta$ и $fxg Rfyg$. Мы будем говорить, что x и y находятся в отношении варьирования, если имеет место $x \rightarrow y$ и $y \rightarrow x$, и x , и y находятся в отношении свободного варьирования (записывается $x \mu y$), если имеет место $x \Rightarrow y$ и $y \Rightarrow x$.

Все утверждения, которые мы будем делать относительно свободного варьирования, действительны и для варьирования. Отношение $x \rightarrow y$ было впервые введено чешским математиком Л. Небеским¹. Очевидно, что если $x \rightarrow y$, то имеют место следующие соотношения:

- 1) $\alpha y \subseteq \alpha x$
- 2) $\beta y \subseteq \beta x$
- 3) $\tau y \subseteq \tau x$

Обратное, очевидно, необязательно. Возможно положение, когда $\alpha y \subseteq \alpha x$ или $\beta y \subseteq \beta x$ и неверно $x \rightarrow y$. Возьмем, например, сегменты a, \acute{a}, \ddot{a} , в словацком языке. По-видимому, здесь выполняется $\beta \ddot{a} \subseteq \beta \acute{a} \subseteq a$, но разумеется, между этими сегментами нет отношения подчинения. Поскольку отношения варьирования суть отношения эквивалентности, то на их основе легко возникают соответствующие классы.

О.Ш.4. Классом вариации элемента x (обозначается $V(x)$) называется множество элементов y таких, что $x \rightarrow y$ и $y \rightarrow x$, классом свободной вариации элемента x (обозначается $V_i(x)$) называется множество элементов y таких, что $x \Rightarrow y$ и $y \Rightarrow x$.

Приведем примеры использования отношения парадигматического подчинения. В чешском языке любая отмеченная последовательность, начинающаяся с гласного, в принципе может начинаться и с твердого приступа?, ср. náušňi произносится [ˈna : usnˈi:] и [ˈna:ʔ usnˈi] и т. п. Таким образом, всюду, где есть твердый приступ, возможен и нулевой сегмент, в то время как обратное,

¹ См.: Небески, 1966. При другой интерпретации множеств E и θ это отношение было введено еще в работе: Добрушин, 1957.

разумеется, неверно. Итак, имеет место $\emptyset \rightarrow \text{?}$. Следующий пример весьма характерен для применения метода свободного варьирования и его оценки. Многие ученые (см., например, Doroszewski, 1962, с. 349) считают, что в польском языке звуки [ɫ] — твердое л и [ɥ] — неслоговое и — могут заменять друг друга в любом слове. Так, слово *łuszka* может произноситься [ɫuʂka] и [ɥuʂka], слово *biały* может произноситься [b'aɫy] и [b'aɥy] и т. д. Итак [ɫ] и [ɥ] как будто находятся в отношении свободного варьирования. Такая трактовка, однако, вызвала возражения В. Яссема (Jassem, 1956, с. 26); он указывает, что [ɫ] действительно можно везде заменить на [ɥ], но что обратное неверно. Существует слово *auto* [auto], но не существует в польском языке слово *aɫto*, т. е. на самом деле имеет место лишь [ɥ] \rightarrow [ɫ]. Ясно, что таких слов не очень много и что все они заимствования. Возникает поэтому весьма важный вопрос о применимости чисто логического критерия (требующего проверки абсолютно всех контекстов) и о желательности каких-либо других статистических или чисто лингвистических оценок. Мы в дальнейшем не раз будем сталкиваться с подобным положением. Этот пример демонстрирует и зависимость определений от выбранного множества θ . Интересная особенность этого отношения состоит в следующем. Устанавливая для какой-то пары звуков x и y , что имеет место $x \rightarrow y$, мы исходим из синхронного состояния языка (из зафиксированного множества θ). Однако часто отношение $x \rightarrow y$ может быть истолковано исторически, а именно оно свидетельствует о том, что звук x начинает вытеснять звук y .

Так, в нашем примере отношение [ɥ] \rightarrow [ɫ] фиксирует постепенное вытеснение прежнего [ɫ] новым звуком [ɥ]. О том, что соответствующее отношение целиком зависит от языка (т. е. фиксированного множества θ) говорит следующий пример. В английском языке также имеются звуки [ɫ] и [ɥ]. Однако они не находятся в отношении свободного варьирования, ср. слова *lent* [ɫɛnt] и *went* [ɥɛnt]. Точно также отношение $\emptyset \rightarrow \text{?}$ в современном чешском языке свидетельствует о постепенном исчезновении твердого приступа, который становится в современном языке скорее признаком эмоциональной речи ².

² Вопрос о падении твердого приступа в современном чешском языке с подробным разбором литературы хорошо освещен в монографии Вахека (Vachek, 1968, с. 123 и сл.).

Иногда отношение $x \rightarrow y$ фиксирует чисто позиционные изменения. Так, неслоговое $\dot{\text{ı}}$ в русском языке всегда может заменяться на j , ср. два варианта произнесения слова *край*, а именно $\text{'kra}\dot{\text{ı}}$ и $\text{'kra}\text{j}$, связанные с ослаблением произношения j .

Вообще говоря, отношение $x \rightarrow y$ не дает разбиения на классы. Однако во всех известных случаях действует ограничение, которое легче всего изложить следующим образом. Отношение \rightarrow естественным образом переносится на классы вариации (соответственно: свободной вариации).

О.Ш.5. Говорим, что класс $V(x)$ парадигматически подчинен (соответственно: сверхподчинен) классу $V(y)$ и записываем этот факт через $V(y) \rightarrow V(x)$ (соответственно $V(y) \Rightarrow V(x)$), если существует $y' \in V(y)$ и $x' \in V(x)$ такие, что $y' \rightarrow x'$ (соответственно $y' \Rightarrow x'$).

Говорим, что сегментная фонетика является вариационно регулярной, если для любых x , y и z из того, что $V(y) \rightarrow V(x)$ и $V(z) \rightarrow V(x)$ следует, что $V(y) = V(z)$. Класс $V(x)$ называется начальным, если для любого y из $V(y) \rightarrow V(x)$ следует $V(y) = V(x)$.

Возьмем некоторый начальный класс и все подчиненные ему и назовем получившееся множество расширенным классом вариации. Очевидно, что в вариационно регулярной сегментной фонетике расширенные классы вариации образуют разбиение. Естественно интерпретировать расширенные вариационные классы как входящие в одну фонему. Поэтому мы и будем интерпретировать все случаи отношения $x \rightarrow y$ как случаи реализации одной фонемы. Так, мы будем считать, что t и c в польском языке составляют одну фонему.

Ясно, что расширенных классов вариации недостаточно для получения аналогов фонемы. В дескриптивной лингвистике критерий варьирования часто сочетается с критерием дополнительного распределения, т. е. проверяется, имеет ли место хотя бы одно из двух отношений μ или D (иначе говоря, строится новое отношение, являющееся объединением отношений μ и D). Этот прием вызван вполне понятными причинами: применение одного только принципа свободного варьирования в очень многих ситуациях, когда желательно объединить два звука (соответственно сегмента), не приводит к желаемым результатам. Так хотелось бы считать, что звук γ в сочетаниях типа *подох бы* относится в русском языке к той же

фонеме, что и *sh*. Они действительно в стандартной форме русского языка распределены дополнительно, но ни в коем случае не находятся в отношении свободного варьирования (последнее не имеет места даже у тех носителей нестандартного произношения, у которых эти звуки не распределены дополнительно, так как γ замечает взрывное [g], ср. *год* [ɣot] и *ход* [chot]). Объединение отношения свободного варьирования с отношением дополнительного распределения формулируется следующим образом:

О.Ш.6. Говорим, что x и y находятся в отношении ($\mu \cup D$), если для любых последовательностей f и g выполнены следующие условия: 1) из $fxg \in \theta$ следует, что $fyg \in \theta$ или $fyg \in \theta$ и $fxgRfyg$; 2) из $fyg \in \theta$ следует, что $fxg \in \theta$ или $fxg \in \theta$ и $fygRfxg$.

Легко заметить, что та часть, которая относится к варьированию, формируется следующим образом: ($\mu \cup D$) всегда выполняется, если из $fxg \in \theta$ и $fyg \in \theta$ следует $fxgRfyg$. Назовем это новое отношение отношением ограниченной вариации. Как показал Маркус (Marcus, 1967), это отношение так же нетранзитивно, как и отношение дополнительного распределения.

Между тем оно весьма часто используется для построения фонемы. Дистрибутивным аналогом для этого отношения является следующее: очевидно, что два звука x и y такие, что $x \rightarrow y$ и $y \rightarrow x$, находятся в отношении контрастного распределения. Но интересны именно те случаи контрастного распределения, где варьирование отсутствует.

О.Ш.7. Говорим, что два сегмента x и y находятся в отношении правильного контраста, если они контрастно распределены и не имеет места ни $x \rightarrow y$, ни $y \rightarrow x$.

Так, по-видимому, понимал фонему Джоунз, писавший: «Если два звука языка могут встречаться в одной и той же позиции по отношению к окружающим звукам, то они, по определению, относятся к разным фонемам» (Jones, 1931, с. 77). Если понимать это определение буквально (не включая условия о вариации), то, по определению, будут относиться к разным фонемам разные звуки, свободно варьирующие друг с другом (это было тонко подмечено Э. Фишер-Йоргенсен—Fisher-Jørgensen, 1956, с. 143). Этот недостаток определения Джоунза был исправлен Яссемом (Jassem, 1956), который дал определение, по существу соответствующее нашему.

III.3. Фонологический базис и фонологические конфигурации

Вернемся теперь к проблеме сегментации.

О.Ш.8. Пусть $X \subseteq M^\infty$, т. е. есть некоторое множество последовательностей. Множество X называется базисом, если существует множество $Y \subseteq \theta^*$, обладающее следующими свойствами:

1) каждый элемент из Y может быть представлен как последовательность элементов из X ;

2) ни один из элементов X не может быть представлен как последовательность элементов из Y , состоящая более чем из одного элемента;

3) пусть f — произвольная последовательность из θ , тогда существует $f' \subseteq Y$, такая что $f' \mu f$, т. е. f' является вариантом некоторой последовательности из Y .

Понятие фонологического базиса предложено Кангером (Kanger, 1964), который понимал под Y множество слов, образцово произнесенных, с помощью которых и должен, по его мнению, определяться фонемный состав языка. Очевидно, однако, что понятие базиса определено слишком широко. В самом деле, пусть M , т. е. множество минисегментов, имеет вид $M = \{e, a, o\}$, а $\theta = \{vaovav, vava\}$, причем никакие две последовательности не являются вариантами. Легко видеть, что требованию базиса удовлетворяют как множество одноэлементных последовательностей: $X_1 = \{e, a, o\}$, так и множество θ : $X_2 = \{vaovav, vava\}$; кроме того, имеется целый ряд других базисов, например $X_3 = \{va, o, e\}$. Маркус предлагает называть фонологическим базис, содержащий наименьшее число элементов. Как показывает наш пример, это, вообще говоря, не очень удобно. Мы постараемся в дальнейшем привести лингвистически более значимые критерии выбора базиса.

Мы уже знакомы, в сущности, с рядом случаев перехода от одного фонологического базиса к другому (все случаи укрупнения сегментов). Сейчас мы хотим ввести еще один способ объединения сегментов, воспользовавшись аналогией с синтаксисом. В синтаксисе конфигурацией называется последовательность слов, которая во всех окружениях без нарушения правильности может быть заме-

вена одним словом и обратно³. На фонетическом уровне такой критерий оказывается слишком сильным. Однако с помощью понятия поля можно ввести достаточно удобный аналог данного термина. Расширим понятие α -поля, β -поля и τ -поля на произвольную последовательность $f \in \theta^*$, а именно обозначим через αf совокупность всех сегментов, которые непосредственно предшествуют f в хотя бы одной значимой последовательности, через βf совокупность всех сегментов, которые следуют непосредственно за f в хотя бы одной значимой последовательности, и через τf объединение $\alpha f \cup \beta f$.

О.Ш.9. Назовем последовательность $f = xy$, не содержащую внутри себя ни одного слогораздела, комплексом с основой y , если $\alpha f \subseteq \alpha y$, и комплексом с основой x , если $\beta f \subseteq \beta x$. Смысл этого определения состоит в следующем. Очевидно, что в любом случае $\alpha f \subseteq \alpha x$ и $\beta f \subseteq \beta y$. Мы же требуем, чтобы $F(f) \subseteq F(x)$ либо $F(f) \subseteq F(y)$. Иначе говоря, один из членов комплекса (а именно тот, который не является основой) как бы не имеет своей собственной дистрибуции: она целиком включена в дистрибуцию основы.

В частности когда имеет место отношение $\emptyset \rightarrow x$, то естественно, что рядом стоящий звук образует комплекс с x (какой это будет звук, зависит от места, опускаемого сегмента). Этим обобщается принцип объединения сегментов, выдвинутый в II.5. В частности, сочетание «р + гласный» в чешском языке, по этому определению, является комплексом, где гласный составляет основу. Поскольку мы хотим трактовать комплекс как единый сегмент, то это означает, что принятая нами система определений заставляет считать твердый приступ в чешском языке лишь частью фонемного сегмента.

Более сложным является вопрос о комплексном характере дифтонгов. Поскольку сонанты имеют заведомо более ограниченную дистрибуцию, чем гласные, то пара «гласный + сонант» или «сонант + гласный» должна рассматриваться как комплекс, а стало быть, как единый фонемный сегмент. Это кажется разумным, например, для чешских или словацких дифтонгов. Однако в ряде случаев уже раньше могло произойти объединение i с j

³ Именно таков смысл определения, данного О. С. Кулагиной (1958).

или α с w по критерию свободной вариации, а тогда дистрибуция i (j) уже не вкладывается в дистрибуцию гласных. Возникает конфликтная ситуация, чрезвычайно характерная для фонологии, а именно неопределенность в отношении порядка применения критериев. С подобными вещами мы неоднократно столкнемся в дальнейшем.

Критерий комплексности — не единственный критерий, который можно предложить на основе дистрибуции для объединения сегментов. По-видимому, еще более удобен другой, достаточно близкий критерий, который мы назовем, пользуясь аналогией с синтаксисом, критерием конфигурационности.

О.Ш.10. Назовем последовательность f , насчитывающую более одного сегмента и не содержащую внутри себя слогораздела, фоноконфигурацией, если существует сегмент x такой, что $\alpha x = \alpha f$ и $\beta x = \beta f$. Это определение ничего не говорит об отношении между элементами фоноконфигурации. Однако легко показать, что по этому определению в одну фоноконфигурацию не могут войти, например, звонкий шумный и глухой шумный или шумный гласный или сонорный, т. е. члены фоноконфигурации, должны быть близкими по своим физическим свойствам. В самом деле, если выбрать по таблице сочетаний для словацкого языка (Buzássyová, 1966) лишь столбцы и строки, соответствующие «простым» звукам (т. е. вычеркнуть дифтонги и аффрикаты, что необходимо, ибо нас как раз интересуют способы их формирования), то мы увидим, что сразу же выделяются классы звуков:

I. $b, d, z, d', \dot{z}, g, h, z$, а именно все x такие, что $\neq \bar{\epsilon} \beta x$, т. е. те, которые не стоят перед паузой;

II. p, t, s, t', \dot{s}, k , а именно пересечение α -полей всех звуков, которые не могут следовать после звуков первого класса.

III. Остальные звуки.

Есть более тонкие законы распределения, позволяющие отделить сонорные от гласных, выделить в специальный класс звук v и т. п. (Панов, 1967, с. 198—199). Нас здесь интересует лишь тот факт, что если два звука имеют разные поля, то они не могут входить в состав фоноконфигурации⁴. Это показывает, что фоноконфигу-

⁴ Впрочем, может быть, вообще следует ограничиться перечисленными тремя классами, допустив возможность трактовать при вы-

рация настоящий аналог интуитивного понятия, ибо составные части дифтонгов и аффрикат относятся всегда к одному классу.

Правда, в реальной действительности существенно не столько равенство дистрибуции пары звуков с одним звуком, сколько близость этой дистрибуции, и именно с этой точки зрения мы будем оценивать нижеследующие примеры. Кроме того, следует учитывать, что фоноконфигурационность лишь один из факторов, обуславливающих однофонемную или двухфонемную трактовку двойного сегмента.

Если учитывать эти ограничения, то все же следует признать, что мы имеем дело с весьма полезным инструментом сегментации. Во-первых, он гораздо более строг, чем принцип наличия пар таких, что в одной употребляется двусегментное сочетание, а в другой один сегмент (ср. далее обсуждение принципа коммутации). Как верно заметил Л. Р. Зиндер⁵, из наличия пар типа *сток* и *ток* в русском языке, никак нельзя сделать вывода, что *ст* есть однофонемный сегмент. Однако заметим, что если во всех случаях, где возможно *ст*, было бы возможно и *т* (в частности, для всех предшествующих окружений), то мы бы признали *ст* однофонемным сегментом (в силу определения сегмента в II.4). Фоноконфигурационность есть понятие промежуточное между ситуацией, рассмотренной в II.4, и гипотетическим примером одного совпадения, рассмотренным Л. Р. Зиндером, и в этом его несомненная полезность.

В сущности, понятие конфигурации есть одно из возможных уточнений известного принципа Трубецкого, состоящего в том, что двусегментное сочетание следует рассматривать как однофонемное, если его дистрибуция приближается к дистрибуции отдельного сегмента, уже признанного фонемным (правило 5-е). В самом деле, смысл фоноконфигурации в том, что принимается посылка о нетождественности сочетательных возможностей одного

полнении соответствующих условий — в качестве фоноконфигураций последовательность «гласный плюс сонорный», ср. спор об однофонемной или двухфонемной трактовке носовых гласных в старославянском, а также в современном польском языке.

⁵ Зиндер, 1968, с. 205. — О неприемлемости данного критерия специально в споре о фонетической природе [š:] в русском языке см.: Зиндер, 1963.

сегмента и пары сегментов. Если же эти возможности оказываются тождественными, то двусегментное сочетание считается однофонемным отрезком.

Например, в проблеме мягкого долгого [š':] в русском языке, как мы говорили, метод подстановки одного сегмента мало что дает. Гораздо существеннее представляется тот факт, что [š':] не встречается перед согласными, в то время как возможны, например, сочетания: št, šv, šk, šn, šl, šg, šp и т. п. Это существенный довод в пользу двуфонемного анализа [š':] (наряду с критерием контрастности из II.2).

Еще более важен этот критерий при оценке статуса долгих, возникших в результате контракции. Так, в современном македонском языке в случаях типа *викаат*, *викаа*, *траам*, *умаам* возможно толкование соответствующих гласных как двойных, либо долгих (Конески, 1957, с. 71—72). Показательно, что потенциально соответствующий отрезок распадается на два слога, что проявляется в стихах, например:

Собраа ми се, набраа
до седумдесет момчиња

(Конески, 1957, с. 72). С. Б. Бернштейн правильно подчеркивает, что о едином долгом гласном можно говорить лишь в том случае, когда соответствующий отрезок распределяется на один слог (Бернштейн, 1968, с. 30—31). Уже в силу этого соответствующие сегменты следовало бы считать двуфонемными. Но С. Б. Бернштейн допускает возможность того, что соответствующие отрезки односложны.

Нам кажется все же, что и в этом случае вопрос не имеет однозначного решения, ибо условие, выдвинутое С. Б. Бернштейном, необходимо для однофонемной трактовки, но не достаточно для такой трактовки.

И здесь большую помощь может оказать критерий фоноконфигурационности. Поскольку сегмент, соответствующий *aa* (либо *a:*), встречается лишь перед ограниченным числом согласных: перед *t*, *d*, *n*, а также перед $\#$, в то время как *a* встречается перед всеми согласными, то их поля существенно различаются, а значит *aa* не выдерживает проверки на фоноконфигурационность. Отсюда — и в случае односложного характера сегмента —

мы должны заключить, что *aa* ведет себя скорее как дву-
сегментное сочетание.

Интересно в этой связи рассмотреть точку зрения, по которой в указанных случаях (применительно к соответствующим болгарским диалектам) мы имеем дело не с фонологической, а с позиционной долготой (Стойков, 1961, с. 141). Разумеется, долгота вызвана не фонетической позицией. Однако можно оправдать такую терминологию следующим рассуждением. Поскольку сегмент *a*: воспринимается как единый долгий ⁶ и в то же время ведет себя как двусегментное сочетание, то в целях удобства описания можно ввести пустой сегмент \emptyset (не путать с \neq !) как фонологически значимый элемент. Тогда, например, слово *викаа* получит запись *вика: \emptyset* .

Далее можно заключить, что долгота появляется только перед \emptyset и можно назвать ее позиционной. Смысл проведенного рассуждения в том, что при строго синхронном описании вводится пустой элемент, который соответствует когда-то присутствовавшему здесь *x*. Это *x* исчезло, но оставило след в дистрибуции ⁷, отвергающей гипотезу о фоноконфигурационности.

Этот критерий может помочь обосновать некоторые интуитивные решения, принимаемые для аффрикат и дифтонгов. Так, привлекательность сегментации, при которой румынские дифтонги рассматриваются как единые сегменты, скорее всего в том, что их *F*-поля совпадают с *F*-полями простых гласных. Наоборот, в словацком языке дифтонги *ia*, *ie*, *iu* имеют, судя по таблице, τ -поля, отличные от простых гласных, и, может быть, поэтому их рассматривают как двуфонемные сегменты.

Соответствующие критерии играют очень большую роль в споре о славянских аффрикатах и, в частности, *ts*. Г. Якобссон, аргументируя двуфонемную природу *ts* в русском языке, указывает на то, что в начале слова после *ts* появляются лишь *v* и гласные (т. е. исследуется β -поле последовательности $\neq ts$), в то время как другие согласные в последовательности \neq *Cons* имеют более богатые возможности (т. е. большее β -поле). (Jakobsson, 1966; с. 86—87).

⁶ Ср. написания *викат* и т. п. у необразованных людей (Конески, 1957).

⁷ Ср. близость приведенного рассуждения с восстановлением ларингалов для индоевропейского языка.

Здесь, однако, необходимы более четкие критерии. С точки зрения конфигурационности нужно посмотреть, насколько α -поле и β -поле для ts совпадает с соответствующими полями простых сегментов, например, t или s . В словацком языке: $ats \subseteq at$ и $\beta ts \subseteq \beta s$. Определим число членов, не входящих в оба поля, т. е. симметрическую разность соответствующих полей. Получаем

$$\alpha ts = \{p, m, f, v, t, n, s, \check{s}, k, ch, l, \acute{l}, l', r, r', j\}$$

$$\alpha t = \{p, f, n, s, \check{s}, k, ch, l, l', r, r', j\}$$

Если добавить в at все сегменты, встретившиеся в ats , то увидим что $at \otimes ats = \{l\}$

$$\beta ts = \{p, m, v, t, n, t', n', k, l, l', r'\}$$

$$\beta t = \{m, v, t, n, n', \check{s}, k, ch, l, l', r, r'\}$$

$$\beta ts \otimes \beta t = \{p, n', t, \check{s}, ch, r\}$$

Мы видим, что в соотношении ts и t симметрическая разность α -полей минимальна, для β -полей она несколько больше, но все же достаточно мала. Близкие результаты получаются и для других славянских языков. Таким образом, критерий конфигурационности заставляет скорее считать ts единым сегментом, хотя и не дает однозначного решения вопроса. Мы хотим поэтому ввести еще один критерий, близкий к конфигурационному, т. е. также связанный с изучением дистрибуции.

О.Ш.11. Мы будем называть двухсегментную последовательность $f = xy$ разделимой, если для любой трехсегментной последовательности вида zxy и xuz можно, не нарушая допустимости, заменить x на x' такой, что $\alpha x = \alpha x'$ и $\beta x = \beta x'$ или y на y' такой, что $\alpha y = \alpha y'$ и $\beta y = \beta y'$. Практически достаточно потребовать, чтобы заменяющие элементы x' и y' соответственно относились к одному классу (имеются в виду классы, рассмотренные в данном параграфе). Изучим с точки зрения этого критерия поведение ts в польском языке⁸. Возьмем трехсегментную последовательность fts из $wcale$. Мы можем заменить s на g (ср. $wtra\acute{c}a\acute{c} \acute{s}ie$) или на \acute{l} (ср. $wtra\acute{c}za\acute{c}$), но как g , так и \acute{l} относятся к другому классу, имея резко

⁸ Автор пользовался данными, приводимыми в работе: Толстая, 1968, стр. 46—59.

отличную дистрибуцию, т. е. *ts* — неразделимая последовательность: эти же примеры показывают, что сочетания *tr* и *tʃ* разделимы, ибо *r* и *ʃ* принадлежат к одному классу. Еще более показательны сочетания *xts* (из *chce*), *tsm* (*smokać*), *tsf* (*swany*), где *s* вообще не заменяемо. Аналогичные соотношения видны из сочетаний *tsl* (*clo*), *tsl* (*clić*), *tkl* (*tkliwy*), *tsn* (*cny*) и *tsn'* (*cni mi się*), *tkn* (*tknać*), *tkn'* (*tknie*). Единственная группа, где возможны более свободные замены — это *sts* (*scedić*), ибо здесь есть не только *str*, *stʃ*, *stl*, но и *stf* (*stwora*), *stf'* (*stwierdzać*), *stx* (*stchórzyc*). Однако эта группа явно стоит особняком (из-за наличия внутри нее морфемной границы).

Мы брали начальные группы. В конечных группах неразделимость абсолютная: ни в одной из групп *jts* (*leic*), *rts* (*kwarc*), *lts* (*walc*), *pts* (*szepc*), *fts* (*szewc*) вообще нельзя заменить *s* или *t* на другой сегмент.

В чешском языке даже в начальных группах степень заменяемости для *ts* гораздо меньше. Если отвлечься от замены *s* на *š* после *t*, где мы также имеем дело с потенциально единым сегментом *č*, то *s* (соответственно *š*) или вообще незаменяемо, ср. *xts* (*chci* от *chtíti*), *tsk* (*ckání*), *tsť* (*ctíti*) или заменяется только на сонорный, ср. *fts* (*vcelku*) и *ftr* (*vtrousiti*), *ftl* (*vtlačiti*), *ftm* (*vtmeliti*), *ftv* (*vtvoriti*) или *sts* (*scediti*) и *str* (*stradati*), *stl* (*stlačiti*), *stm* (*stmeliti*), *stv* (*stvol*). Особняком стоит возможность замены *t* на *k* (из того же класса!) в случаях *tsl* (*clo*) и *tkl* (*tkliwy*), а также (в конечных группах) замена *t* на *p* и *k*, ср. *tst* (*dvanáct*) и *pst* (*zabst*), *kst* (*tekst*). Очевидно, что если мы потребуем (в соответствии с лингвистической интуицией), чтобы в случае высокой степени неразделимости (как в приведенных примерах), неразделимость выступала наряду с конфигурационностью критерием однофонемности, то *ts* в польском и чешском языках следует рассматривать как однофонемные сегменты. Это допускает и Г. Якобссон в цитированной работе, в которой, вообще говоря, *ts* для славянских языков рассматривается как двуфонемное сочетание.

III. 4. Коммутация

Мы подошли теперь к понятию, играющему чрезвычайно важную роль в сегментной фонетике, а именно к понятию коммутации, которое мы, как представляется

в полном соответствии с духом (но не буквой) глоссематической теории Ельмслева будем понимать как отношение (функция Ельмслева).

О.Ш.12. Говорим, что сегменты x и y находятся в отношении коммутации K и пишем xKy , если существуют последовательности f и g такие, что $fxg \in \theta$, $fyg \in \theta$ и неверно $fxg R fyg$, т. е. x и y входят в последовательности, различающиеся только ими и имеющие разный смысл. Отношение, дополнительное к коммутации, мы будем называть антикоммутацией и обозначать через A . Во всех фонологических концепциях, начиная с Щербы, действует постулат, что если x и y коммутируют или, иначе говоря, если имеется минимальная пара, то x и y должны относиться к разным фонемам. Таким образом, «истинная фонемность» несовместима с коммутацией. Все же при применении этого принципа возможны колебания, связанные с идентификацией соответствующих окружений. Так, в споре о соотношении y и i в русском и других славянских языках обе стороны ссылаются на принцип минимальных пар, например, А. Н. Гвоздев (Гвоздев, 1953, с. 51—52) привел фразы типа *отнеси к Ире* [k'ýg'i], *отнеси куре* [k'íg'i]; сюда же следует прибавить возможное произношение первого сочетания как [k'ýg'i] в качестве доказательства фонематичности противопоставления $i—y$. А. А. Реформатский (Реформатский, 1957, с. 101—102), признавая ценность примера, счел, что условия здесь неравноправны ввиду разных позиций. Понятие позиции, несовместимое с сегментной фонетикой, будет рассмотрено нами позднее. Однако уже здесь отметим, что вся теория коммутации чрезвычайно осложняется нововведениями А. А. Реформатского, которые, сколько известно автору, и не привились. Гораздо проще потребовать, в соответствии с духом московской фонологической школы, чтобы последовательности fxg и fyg , о которых говорится в определении О.Ш.12., были морфемами. Но понятие морфемы также чуждо сегментной фонетике. Тем не менее, и здесь сегментная фонетика способна доказать, что способом, предложенным Гвоздевым, гипотеза о фонемности противопоставления $i—y$ не подтверждается. Дело в том, что в сегментной фонетике каждая последовательность при проверке на коммутацию уже представлена как сегментированная на слова (ср. II.3. и II.4.). Фигурирующие в упомянутом

споре последовательности просто не дают одинаковых окружений, ибо должны иметь вид $\#k\#y'g'i$, $\#k\#i'g'i$ (с одним значением) и $\#k'i'g'i$ (с другим). А они для коммутации не годятся.

Надо иметь, однако, в виду, что хотя коммутация, если она имеет место, действительно указывает на различие фонем, обратное не имеет места. Факта антикоммутации явно недостаточно для признания двух сегментов принадлежащими одной фонеме. Это связано с некоторыми особенностями антикоммутации. К изучению свойств антикоммутации мы и переходим.

Т. III.2. а) если xKy , то $\tau x \cap \tau y = \emptyset$; б) если $x \mu y$ или xDy , то xAy .

Докажем сначала а). Пусть xKy . Тогда существуют две последовательности fxg и fyg . Если f непуста, то $f=f'u$ и $u \in \alpha x \cap \alpha y$, если же g непуста, то $g=vg'$ и $v \in \beta x \cap \beta y$. Наконец, если f пуста и g пуста, то $\# \in \alpha x \cap \alpha y \cap \beta x \cap \beta y$. Переходим ко второму утверждению. Пусть $x \mu y$ или xDy . Предположим, что имеет место xKy . Тогда существуют f и g такие, что 1) $fxg \in \emptyset$ и $fyg \in \emptyset$ и 2) неверно $fxg R fyg$. Но первое противоречит допущению, что xDy , а второе несовместимо с отношением μ . Теорема доказана. Однако антикоммутация не исчерпывается случаями дополнительного распределения и свободного варьирования.

Т. III.3. Существует сегментная фонетика (E, θ, R) , в которой имеет место xAy и не имеет места ни $x \mu y$, ни xDy .

О. III.13. Будем говорить, что сегменты x и y находятся в отношении слабой антикоммутации, если существуют последовательности f, g, u и v такие, что 1) $fug \in \emptyset$ и $fv g \in \emptyset$ и неверно $fv g R fug$; 2) $u = u_1 \dots u_n, v = v_1 \dots v_n$ и для любого i ($1 \leq i \leq n$) $u_i = y$ или $u_i = x$ и $v_i = x$ или $v_i = y$. Очевидно, что это отношение есть обобщение отношения антикоммутации (последнее автоматически получается для случая, когда $n=1$). Тем не менее, (в отличие от О. III.1.) имеет место следующий факт:

Т. III.4. Два сегмента x и y могут быть дополнительно распределены и находиться в отношении слабой антикоммутации.

Примером может служить соотношение i и j (ср. III.1.). Мы указывали, что в русском языке имеются пары слов, различающиеся только вхождением i и j : *лисий* и *лисьи*. Здесь дополнительное распределение в строгом смысле не нарушено, соответствующие слова, однако, разли-

чаются, стало быть, i и j находятся в отношении слабой антикоммутации.

Т.Ш.5. Отношение антикоммутации нетранзитивно.

В русском языке i находится в отношении дополнительного распределения с y . Стало быть, имеет место iAy , одновременно имеет место yAe . Между тем имеются пары $p'it'$ и $p'et'$, а значит, i находится в отношении коммутации с e . Лингвистические возражения по поводу применения отношения антикоммутации в качестве средства парадигматической идентификации были высказаны Л. Р. Зиндером (Зиндер, 1960, 1963, с. 28), а также В. Яссемом (Jassem, 1956). Однако практически в процессе нахождения фонемы и в особенности на первом этапе его, т. е. при формулировании гипотезы, принцип минимальных пар играет огромную роль.

III.5. Минифонемы и максифонемы.

Пример парадигматической неединственности

Мы можем попытаться теперь построить формальный аналог интуитивного понятия фонемы в терминах сегментной фонетики⁹. Начнем с установления того, какие два сегмента обязательно входят в одну фонему.

О.Ш.13. Два сегмента x и y относятся к одной минифонеме, если имеет место $x\Phi y$, где Φ — отношение фонетической близости, или xry .

О.Ш.14. Разбиение Q множества E называется согласованным с системой минифонем, если любые два сегмента x , y , не имеющие общей минифонемы, относятся к разным классам разбиения Q .

О.Ш.15. Разбиение Q называется разбиением на правильные минифонемы, если оно согласовано с системой минифонем и для любого Q и для любого разбиения Q , согласованного с системой минифонем, верно $Q'(x) \subseteq Q(x)$. Заметим, что одна и та же система допускает несколько разных систем правильных минифонем.

Определим верхний предел множества, соответствующего фонеме.

О.Ш.16. x и y относятся к одной максифонеме, если x и y находятся в отношении антикоммутации.

⁹ Комментарий к определениям минифонемы и максифонемы и доказательства теорем см.: Ревзин, 1977, с. 88—91.

О.Ш.17. Разбиение Q называется согласованным с системой максифоном, если любые два сегмента, не попадающие в одну максифоному, относятся к разным классам этого разбиения. Классы разбиения Q называются в этом случае потенциальными максифономами.

Можно доказать следующую теорему.

Т.Ш.5. Для любого сегмента x и любой правильной минифономы $\bar{Q}(x)$ существует потенциальная максифонома $Q(x)$ такая, что $\bar{Q}(x) \subseteq Q(x)$.

О.Ш.18. Разбиение Q называется почти фонематическим, если 1) его классы суть потенциальные максифономы; 2) для любого разбиения \bar{Q} на правильные минифономы и для любого x верно $\bar{Q}(x) \subseteq Q(x)$.

О.Ш.19. Классы разбиения Q называются правильными максифономами, если разбиение Q — почти фонематическое и для любого x и любого почти фонематического разбиения Q' верно $Q'(x) \subseteq Q(x)$. Поскольку структура определения Ш.19 полностью аналогична О.Ш.17, то сразу же становится очевидным следующее утверждение.

Т.Ш.6. Одна и та же сегментная фонетика допускает разные системы правильных максифоном (ср. Успенский, 1964).

Итак, один и тот же язык может описываться в терминах двух разных систем фонем — причем эта неединственность вовсе не обязательно возникает из-за разной сегментации. Этот вид неединственности — в отличие от синтагматической неединственности, возникающей из-за разных сегментаций, — мы будем называть парадигматической неединственностью.

Принято считать, что имеется одно и только одно истинное решение фонологической проблемы. Если оставаться в пределах сегментной фонетики, то приходится признать одно из двух: либо средствами сегментной фонетики нельзя получить истинной системы фонем, либо таких истинных систем может быть несколько. Более совершенные средства описания (см. ниже) также не гарантируют единственности, поэтому второй вывод становится достаточно вероятным.

Впрочем, для славистов этот результат не является сколько-нибудь неожиданным, ибо для целого ряда языков, в частности, для болгарского, польского, белорусского и украинского — при одних и тех же теоретических

предпосылках — получаются разные фонематические разбиения в зависимости от трактовки *i* и *y* и одновременно тесно связанной с ними трактовки палатализованных некомпактных *p'*, *b'*, *m'*, *v'*, *k'*, *g'* и некоторых других.

Этот вопрос стал предметом обсуждения на IV съезде славистов в докладе П. Зволинського (Zwoliński, 1958, с. 52—60) и в выступлениях Лекова, Штибера, Станкевича, Якобсона, Комарка, Дейны (см. IV съезд, 1962, с. 303, 305, 307, 308, 312, 314). К сожалению, как сам Зволинский, так и его оппоненты исходили из презумпции, что только одно фонематическое разбиение является истинным, а все остальные должны быть отвергнуты, хотя можно предположить, что указанные языки (одни с большим основанием, другие с меньшим) допускают несколько систем фонем, из которых ни одной, оставаясь в круге приведенных определений, нельзя отдать предпочтение.

Особенно характерным представляется положение в украинском языке, и неслучайно поэтому, что именно для этого языка впервые была четко осознана эквивалентность разных систем фонологического разбиения. Мы имеем в виду чрезвычайно содержательную работу А. А. Медведева (Медведев, 1966), материалами которой мы и воспользуемся.

Мы будем исходить из следующего инвентаря звуков: согласные = {b, p, m, v, f, t, d, n, s, z, c, ʒ, č, ʃ, š, ž, l, r, k, g, γ, ch, ch', j, p', b', m', v', f', t', d', n', s', z', c', ʒ', ʃ', š', ž', l', r', č', k', g'}; гласные = {a, o, u, e, y, i}. Мы отвлекаемся здесь от так называемых долгих, которые многими рассматриваются как двуфонемные сочетания. В качестве разных слов, которые подлежат фонемной репрезентации возьмем следующие, которые удобно расположить парами.

1. byj	b'ij	10. cym	c'im
2. puv	p'iv	11. lys	l'is
3. myg	m'ig	12. koryv	kor'iv
4. vyščyj	v'iščij	13. kyrka	k'irka
5. tyk	t'ik	14. gyrka	g'irka
6. dym	d'im	15. chyba	ch'iba
7. gnyj	gn'ij	16. tam	t'am
8. sypaty	s'ipaty	17. tykati	t'ikati
9. zyr	z'ir	18. topati	t'opati

19. pjat	pjat'	28. sak	s'ak
20. popadu	popad'u	29. soma	s'oma
21. lad	lad'	30. kvas	kvas'
22. kolu	kol'u	31. perelaz	perelaz'
23. s'yl	s'yl'	32. zukaty	z'ukaty
24. ras	r'as	33. lap	l'ap
25. dona	don'a	34. lotom	l'otom
26. donu	don'u	35. rys	rys'
27. stan	stan'	36. druk	dr'uk

Можно предложить следующие разбиения, согласованные с системой максифоном.

I. $V_1 = \{a\}$, $V_2 = \{o\}$, $V_3 = \{u\}$, $V_4 = \{e\}$, $V_5 = \{y, i\}$
 $C_1 = \{b\}$, $C_2 = \{b'\}$, $C_3 = \{p\}$, $C_4 = \{p'\}$, $C_5 = \{m\}$, $C_6 = \{m'\}$,
 $C_7 = \{v\}$, $C_8 = \{v'\}$, $C_9 = \{k\}$, $C_{10} = \{k'\}$, $C_{11} = \{g\}$, $C_{12} = \{g'\}$,
 $C_{13} = \{ch\}$, $C_{14} = \{ch'\}$, $C_{15} = \{t\}$, $C_{16} = \{t'\}$, $C_{17} = \{d\}$, $C_{18} =$
 $= \{d'\}$, $C_{19} = \{n\}$, $C_{20} = \{n'\}$, $C_{21} = \{s\}$, $C_{22} = \{s'\}$, $C_{23} =$
 $= \{z\}$, $C_{24} = \{z'\}$, $C_{25} = \{c\}$, $C_{26} = \{c'\}$, $C_{27} = \{l\}$, $C_{28} = \{l'\}$,
 $C_{29} = \{r\}$, $C_{30} = \{r'\}$, $C_{31} = \{j\}$, $C_{32} = \{z}$, $C_{33} = \{z'\}$, $C_{34} =$
 $= \{z}$, $C_{35} = \{z'\}$, $C_{36} = \{f\}$, $C_{37} = \{f'\}$, $C_{38} = \{\gamma\}$.

Пусть уже доказано, что для всех гласных, кроме y и i , существуют минимальные пары и что, кроме того, минимальные пары приведены для всех случаев, кроме соответствия твердого и мягкого звука (это сделано в работе Медведева). Тогда очевидно, что данное разбиение фонематическое. В самом деле, пары получают такую запись:

$$\begin{array}{l} 1. C_1 V_5 C_{31} \quad C_2 V_5 C_{31} \\ 2. C_3 V_5 C_7 \quad C_4 V_5 C_7 \text{ и т. д.} \end{array}$$

Между тем то же множество слов допускает иное разбиение.

II. $V_1 = \{a\}$, $V_2 = \{o\}$, $V_3 = \{u\}$, $V_4 = \{e\}$, $V_5 = \{y\}$, $V_6 =$
 $= \{i\}$, $C_1 = \{b\}$, $C_2 = \{p\}$, $C_3 = \{m\}$, $C_4 = \{v\}$, $C_5 = \{k\}$,
 $C_6 = \{g\}$, $C_7 = \{ch\}$, $C_8 = \{t\}$, $C_9 = \{t'\}$, $C_{10} = \{d\}$, $C_{11} = \{d'\}$,
 $C_{12} = \{n\}$, $C_{13} = \{n'\}$, $C_{14} = \{s\}$, $C_{15} = \{s'\}$, $C_{16} = \{z\}$, $C_{17} =$
 $= \{z'\}$, $C_{18} = \{c\}$, $C_{19} = \{c'\}$, $C_{20} = \{l\}$, $C_{21} = \{l'\}$, $C_{22} = \{r\}$,
 $C_{23} = \{r'\}$, $C_{24} = \{j\}$, $C_{25} = \{z}$, $C_{26} = \{z'\}$, $C_{27} = \{\gamma\}$, $C_{28} = \{f\}$.
Эта система также дает различное фонемное представление для наших пар, например:

$$\begin{array}{l} 1. C_1 V_5 C_{24} \quad C_1 V_6 C_{24} \\ 2. C_2 V_5 C_4 \quad C_2 V_6 C_4 \text{ и т. д.} \end{array}$$

Вторая система не является укрупнением первой, так же как и первая не является укрупнением второй. Правда, вторая система насчитывает значительно меньшее число классов¹⁰, но зато в ней отсутствует симметричность противопоставления по признаку твердости—мягкости. Заметим, что полное устранение данного признака делает разбиение нефонематическим. В самом деле, если во II разбиении $C_8 = \{t, t'\}$, $C_{10} = \{d, d'\}$, $C_{12} = \{n, n'\}$, $C_{13} = \{s, s'\}$, $C_{14} = \{z, z'\}$, $C_{15} = \{c, c'\}$, $C_{16} = \{l, l'\}$ и $C_{17} = \{r, r'\}$, то мы получим совпадение фонемного представления в парах 16—36.

Зволинский пытался достичь стройности системы за счет рассмотрения b' , p' , m' , v' (в польском языке, где имеется соответствующая картина) выступающих перед a , o , u , e как бифонемных групп b_j , p_j , m_j , v_j , и именно это вызвало критику (хотя, как мы увидим в IV.3, для этого есть определенные основания). Сам же факт наличия двух систем для одного языка сомнений не вызывает. Таким образом, мы можем утверждать, что система украинского языка является системой, на которой теорема Т. III.6 демонстрируется самым очевидным способом.

III.6. Сегментная фонемность

Как мы уже говорили в I главе, нашей задачей вовсе не является нахождение одного логического критерия. Наоборот, сформулировав в теоретико-множественных терминах ряд критериев, мы хотели определить фонемность в сегментной фонетике как свойство, которым сегменты могут обладать в большей или меньшей степени. Прежде всего все делавшиеся в этой главе утверждения относились к фиксированному множеству θ . Как мы видели, однако, в конце главы II при переходе от модели к конкретному языку (особенно в случае достаточно богатого литературного языка) мы вынуждены рассматривать ряд множеств $\theta_1, \theta_2, \dots, \theta_n, \dots$, таких, что $\theta_{i+1} \supseteq \theta_i$, причем этот ряд, вообще говоря, бесконечен.

В качестве примера возьмем опять чешский язык, в котором «сосуществующие фонетические системы» изучены лучше всего (Ки́сера, 1958, 1961). Если брать только

¹⁰ И именно поэтому выбирается в ряде фонологических работ, например: Лекомцева и др., 1963, с. 456.

исконную чешскую лексику; то относительно нее звуки *k* и *g* распределены дополнительно и поэтому никак не могут контрастировать, т. е. относиться к разным фонемам, ибо *g* выступает лишь в случаях *gde*, *gdy*, *gdo* и т. п. (пишется *kde*, *kdy* и т. п.), где *k* выступать не может. Если же брать и заимствованную лексику, то можно подобрать пары типа *golem*—*kolem*, *gral*—*kral* и т. п., где имеет место отношение коммутации. Разное поведение этой пары относительно разных множеств θ_i отражает неустойчивое маргинальное положение фонемы *g* в чешском языке — в отличие от таких, например, пар, как *b*—*p*, которые ведут себя стационарно относительно всех множеств θ_i . Близкое положение к *g* занимает в чешском языке *f* (Vachek, 1968, с. 63 и сл.), хотя *f* встречается в довольно употребительных словах, таких, как *doufat*. Если обозначить через $\theta(x, y)$ множество, достаточное для признания *x* и *y* разными фонемами, то, по-видимому, для противопоставлений *b*—*p*, *t*—*d*, *k*—*g*, *f*—*v* в чешском языке имеют место следующие соотношения: $\theta(b, p) = \theta(t-d) \subset \theta(f-v) \subset \theta(k-g)$, где \subset означает строгое включение.

В этой связи возникает следующий вопрос: в какой мере некоторый стиль языка может быть охарактеризован при помощи введенных в данной главе формальных средств. Для этого можно воспользоваться моделью, исследованной автором в другом месте применительно к грамматическим проблемам. Говорим, что $\theta' \subseteq \theta$ есть правильный фрагмент, если для любых *x* и *y* из $x \xrightarrow{\theta} y$ следует $x' \xrightarrow{\theta'} y'$. В свою очередь фрагмент θ' можно считать стилистически выделенным, если он правильный и существуют *x* и *y* такие, что $x \xrightarrow{\theta'} y$, но в то же время неверно $x \xrightarrow{\theta} y$.

Так, разговорно-просторечный фрагмент чешского языка, не содержащий эмоциональной и неассимилированной заимствованной лексики, является стилистически выделенным, ибо он является грамматически правильным и, кроме того, на нем, в частности, любое [ě] может заменяться на [i], ср. *dobří mlíko* вместо *dobré mléko*, т. е. имеет место $\bar{i} \rightarrow \bar{e}$.

От места и значимости отдельных стилистически выделенных фрагментов зависит и определение фонемности, ибо мы условились в случаях $x \xrightarrow{\theta} y$ относить *x* и *y* к одной фонеме. Для фиксированного множества мы также не по-

лучаем однозначного разбиения на фонемы. Мы можем лишь сказать, что, например, *a* и *ā* в русском языке скорее относятся к одной сегментной фонеме, чем *a* и *č*, хотя *a* и *č* могут относиться к одной максифонеме. Звуковой тип сам построен на идее фонетической близости, и могут быть различные градации и по этому понятию: например, *i* и *y*, скорее, принадлежат к одной сегментной фонеме, чем *i* и *č*. Очевидно, что применение теоретико-множественных критериев приводит к системе, где атрибут фонемности может применяться уже гораздо более свободно.

Еще сложнее положение с критериями сегментации. Мы ввели два разных независимых свойства конфигурационности и неразделимости (см. рис. 1).

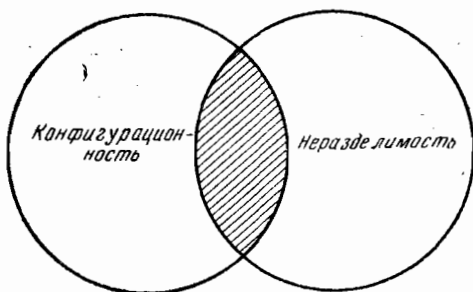

Рис. 1

Чем ближе двухсегментная последовательность к заштрихованной области, тем скорее мы будем считать данное сочетание единой фонемой. Наоборот, если сочетание далеко от конфигурационности и неразделимости, мы скорее будем считать его двуфонемным. Так, если физически возможно представить польское [ā] как сочетание [an] (что вообще спорно), то мы скорее будем считать, что здесь две фонемы, ибо, во-первых, это сочетание имеет резко отличную дистрибуцию от гласного и тем более от [n], а что касается неразделимости, то этот критерий не дает однозначного результата (ср. возможность подстановки [b] вместо [n]). Таким образом, и здесь мы получаем неоднозначный, хотя и значимый ответ: [ā] скорее двуфонемное сочетание, чем однофонемное (ср. обсуждение польского ринезма и библиографию вопроса: Толстая, 1966).

Фонетические позиции
и фонетические признаки.
Фонема в признаковой фонетике

IV.1. Сегментные и суперсегментные признаки.
Понятие позиции

Используемые в фонологии признаки делятся на два класса:

а) сегментные признаки, т. е. признаки, приписываемые отдельным сегментам и

б) суперсегментные признаки, приписываемые последовательностям (как правило, фонетическим словам).

Это означает, что к кругу исходных понятий, обсуждаемых в II.4 добавляются еще следующие:

- 1) множество сегментных признаков m ;
- 2) разбиение P этого множества на классы;
- 3) множество суперсегментных признаков;
- 4) разбиение этого множества на классы;
- 5) функция φ , определенная на множестве сегментов и приписывающая каждому сегменту x множество признаков $\varphi(x)$;

- 6) функция σ , определенная на множестве последовательностей, входящих в θ и приписывающая каждой такой последовательности f другую последовательность f' , имеющую вид gah , где $f=gh$, а a — определенный суперсегментный признак, относящийся ко всей последовательности, хотя и зафиксированный на определенном месте. По поводу этих исходных понятий надо сделать следующие замечания.

Что касается сегментных признаков, то логически каждый из них может быть представлен как множество сегментов, т. е. можно было бы считать, что (после проведения сегментации) нам наряду с множеством сегментов задана определенная система подмножеств этого множества (например, множество глухих сегментов, звонких сегментов, палатализованных сегментов и т. п.). С логической точки зрения понятия признака и сегмента, по-видимому, равноправны, хотя в последнее время (особенно в связи с раз-

видием дихотомической теории и ее использованием в теории порождающих грамматик) делаются попытки строить теорию целиком в терминах признаков. Разбиение множества сегментных признаков, также признаваемое исходным (а в теории Т. Батуга даже основным исходным понятием), — это группировка этих признаков в классы, внутри которых возможно противопоставление (например, глухость—звонкость, открытость—закрытость и т. п., см. Batóg, 1967, с. 31—32).

Множество суперсегментных признаков состоит из признаков, которые физически нельзя или же теоретически нецелесообразно приписывать определенным сегментам. Это ударение (иногда рассматриваемое, правда, как сегментный признак), мелодия, пограничные сигналы. Некоторые из них могут быть впоследствии получены путем исследования сегментных признаков (таковы некоторые пограничные сигналы), другие же должны быть заданы (например, как полученные экспериментальной фонетикой). Здесь мы будем считать, что все они заданы (фактически нам понадобится лишь противопоставление ударности и неударности и вопрос о месте ударения). Даже если некоторые суперсегментные признаки (в первую очередь, именно ударность) и могут рассматриваться как сегментные, их отличает от сегментных то, что противопоставление двух сегментных признаков значимо парадигматически, но не синтагматически, в то время как два суперсегментных признака одного класса разбиения всегда противопоставлены друг другу в пределах последовательности, причем нет ни одной многоэлементной (во всяком случае более чем однослоговой) последовательности, в которой не было бы противопоставления по каждому из классов разбиения суперсегментных признаков. Выдвинутый нами принцип разграничения сегментных и суперсегментных признаков в принципе не очень отличается от того, как предложили различать суперсегментные (просодические) признаки от сегментных (в их терминологии — инхерентных) Р. Якобсон, Г. Фант и М. Халле (Якобсон и др., 1962), которые определяли суперсегментные признаки как относящиеся к временным рядам. Однако представляется, что в нашей формулировке это противопоставление приобретает более общий характер. В частности, оно учитывает справедливые замечания П. С. Кузнецова (Кузнецов, 1966, с. 210), что просодические признаки сле-

дует относить не только и не столько к слога́м, но и к некоторым значимым единицам (не менее слова).

С этой точки зрения промежуточное положение занимают такие признаки гласных, как долгота—краткость, например, в чешском языке, и долгота—краткость+тоновые противопоставления, например, в словенском и сербо-хорватском языках.

Оба эти противопоставления тесно связаны со структурой слога и даже слова (ср. невозможность двух долгих гласных в одном слове в словенском языке, а также аналогичные, хотя и более сложные правила в современном чешском языке (Тгнка, 1966), ср. также правила, регулирующие соотношения между долготой и тоном в разных слогах одного словенского слова).

Особый характер противопоставления по долготе—краткости выражается и в том, что долгие гласные можно трактовать как группы двух кратких, т. е. наличие или отсутствие противопоставления зависит от сегментации. Кроме того, если говорить, например, о чешских долгих, то, во-первых, как показал Вахек (Vachek, 1968, с. 43—44), разложение долгих, как будто подкрепляемое совпадением i, j и трактовкой групп ij и ji как ii , вызывает трудности при описании дистрибуции, а во-вторых, противопоставления по долготе—краткости в чешском языке сопровождаются противопоставлением по протяженности—ненапряженности (Тгнка, 1966).

Обозначим через $\varepsilon(x)$ некоторую совокупность признаков сегмента x , т. е. $\varepsilon(x) \subseteq \varphi(x)$, причем если $x \neq \#$, то $\varepsilon(x) \neq \emptyset$. Через $\sigma(x)$ обозначим значение ударности соответствующего слога.

О.IV.1. Мы будем называть правой позицией сегмента x в последовательности f и обозначать через $\pi^{(d)}(f, x)$ пару объектов $(\sigma(x), \varepsilon(y))$, где y сегмент, непосредственно следующий за x в f . Мы будем называть левой позицией сегмента x в последовательности f и обозначать через $\pi^{(s)}(f, x)$ пару объектов $(\sigma(x), \varepsilon(z))$, где z сегмент, непосредственно предшествующий x в последовательности f . Мы будем называть позицией сегмента x в последовательности f (обозначается $\pi(f, x)$) тройку объектов $(\sigma(x), \varepsilon(y), \varepsilon(z))$. Мы будем называть полным правопозиционным набором сегмента x множество объектов $\pi^{(d)}(f_i, x)$, где f_i — последовательность, включающая x . Аналогично опре-

деляется полный левопозиционный набор и полный позиционный набор.

Понятие полного правопозиционного (левопозиционного) набора есть обобщение понятия α -поля (β -поля). В самом деле, α -поле представляет собой такой полный левопозиционный набор, в котором для каждой позиции значение ударности $\sigma(x)$ не учитывается, а $\varepsilon(z) = \varphi(z)$, т. е. берутся все признаки, характеризующие предшествующий сегмент. Удобство понятия позиции (и полного позиционного набора) в том, что оно дает возможность отразить разные типы позиций, используемых в фонологии, например позицию перед гласными, позицию конца слова, позицию перед непрерывными согласными (ср. разную трактовку носового [ã] перед прерывными и непрерывными согласными в польском языке) и т. п. В терминах полей эти позиции не отражаются (их, разумеется, можно отразить, введя понятие подполя, но тогда надо все равно иметь систему признаков).

С другой стороны, преимущество понятия позиции в том, что здесь учитываются не только сегментные, но и суперсегментные признаки. Разумеется, $\sigma(x)$ в принципе может отражать не только ударность, но и любые другие суперсегментные признаки, которые могут понадобиться.

Может показаться, что включение в позицию каждого сегмента показателя ударности излишне и что естественнее сначала выявить гласные и негласные, а лишь затем определить позиции гласных (так, как мы их определили), а позиции негласных определить проще через понятие правого или соответственно левого соседа. Но, во-первых, такое представление лишило бы нас общности изложения, а, во-вторых, для согласных вхождение в ударный слог может быть весьма существенным. Достаточно напомнить, что твердые согласные (разумеется, кроме \check{s} , \check{z}) не могут выступать в русском языке перед [ɛ] в ударном слоге.

IV.2. Системы фонетических признаков. Критерий Маркуса

Позиция сегмента x определяет его синтагматическую характеристику. Теперь мы переходим к изучению фонетических признаков, определяющих парадигматическую

характеристику сегмента. Это не означает, что эта парадигматическая характеристика не связана с синтагматикой, но роль синтагматики здесь скорее отрицательная (мы будем избавляться от некоторых характеристик, целиком определяемых синтагматикой).

Фонетические сегментные признаки могут задаваться разными способами, но фактически используются лишь две системы: система традиционной фонетики (обозначим ее Σ_1) и система Р. Якобсона (Σ_2). Сравнительная характеристика двух систем дана в табл. 1. Предпочтение, оказываемое сейчас системе Σ_2 , связано скорее всего с принципом дихотомичности, ибо акустический характер признаков в ряде случаев, к сожалению, носит весьма условный характер. Фонетисты еще не научились читать спектрограммы с той же точностью, с какой изучены типы

Таблица 1*

		Система	
		традиционной фонетики (Σ_1)	Якобсона (Σ_2)
Используемые признаки	Артикуляторные	+	
	Перцептивно-акустические		+
	Локально-определяемые (отдельно для гласных и согласных)	+	
	Интегрально-определяемые (каждый признак значим для любого сегмента)		+
	Бинарные (дихотомические)		+
	Небинарные	+	

* Содержательное обсуждение проблем, связанных с двумя системами фонетических признаков, см.: Ревзин, 1977, с. 91—100 (прим. сост.).

артикуляции, и еще неизвестно, возможна ли вообще такая однозначность прочтения. Поэтому многие авторы начинают подчеркивать, что акустические признаки не имеют преимуществ перед артикуляционными (ср., например, Бондарко и Зиндер, 1966). Хоккетт прямо пишет: «В настоящее время мы все еще не знаем, сколько параметров имеет речевой сигнал и каковы они в действитель-

ности. Утверждая обратное, мы выдавали бы желаемое за достигнутое. Поэтому эмпирические фонологические исследования конкретных языков должны и впредь в основном проводиться в артикуляционных терминах» (Nesckett, 1967, с. 131).

В некоторых использованиях дихотомические признаки вообще принимают абстрактно-логический характер. Если, например, признак яркости (резкости) — неяркости в акустических терминах определяется как противопоставление высокой интенсивности низкой (с учетом длительности шума), то у некоторых авторов этот признак, используемый обычно для различения аффрикат и смычных, принимается условно-логически как обозначающий любой звук, состоящий из разных сегментов (Леконцева и др., 1963, с. 429). Мы постараемся в дальнейшем использовать в системе Σ_2 признаки, по возможности, непосредственно извлекаемые из анализа спектра¹ (хотя и не однозначные и частично «вчитываемые» в него), однако в некоторых случаях оказывается необходимым вводить признаки, еще не получившие точной спектральной характеристики (ср. подобный подход у Паулини: Pauliny, 1966).

Для удобства сопоставления обеих систем ниже мы дадим таблицу согласных (табл. 2) в системе Σ_2 с теми видоизменениями, которые предложены Е. Паулини, и при этом в форме записи, принятой для системы Σ_1 . Рядом будет дана та же таблица (табл. 3) в системе Σ_1 .

По поводу табл. 2 необходимо сделать следующие замечания. Противопоставление звонкости и незвонкости проводится нами только для звуков, имеющих значение негласности. Для сонантов незвонкость может быть только позиционной и поэтому в дифференциальные признаки не входит. На таблице не нашлось удобного места для h и $ʔ$ (твердый приступ в начале чешских слов), которые характеризуются признаком несогласности. Эти h и $ʔ$ противопоставлены всем остальным звукам в таблице, которым приписан признак согласности. Место $ʔ$ определяется рядом с h условно, так как h — непрерывный, а $ʔ$ — прерывистый. Характеристика h и $ʔ$ как негласных и несогласных восходит к Якобсону. Позднее Халле

¹ Ср. уточнения признаков системы Σ_2 в работе: Фант, 1964, с. 206—216.

Таблица 2

Гласность		Негласность		нососовость		превращенность		непрерывность		Диффузные		Компактные					
										низкие		высокие				низкие	
										недизонность	дизонность	недизонность	дизонность	недизонность	дизонность	недизонность	дизонность
	нососовость	превращенность	непрерывность	неяркость	незвонкость	p	p'	t	t'	ʈ	ʈ'	k	k'				
					звонкость	b	b'	d	d'	ɖ	ɖ'	g	g'				
					незвонкость	f	f'	s	s'	ʃ	ʃ'	ch	ch'				
					звонкость	v	v'	z	z'	ʒ	ʒ'	ɣ	h				
	нососовость	превращенность	непрерывность	яркость	незвонкость			c	c'	č	č'						
					звонкость			ɟ	ɟ'	ʝ	ʝ'						
					незвонкость	w				j		ɥ					
					звонкость	ɥ				i							
нососовость	превращенность	непрерывность	неяркость	незвонкость			l	l'	r	r'							
						m	m'	n	n'								
												ɟ					

(ср. также Stankiewicz, 1956) прибавил к этой группе *j* в русском языке. Как убедительно показал М. Ромпортл (Romportl, 1962, с. 118—119), *j* в русском языке ведет себя с дистрибутивной точки зрения, не говоря уже о его антропофонической характеристике, как согласный. Вахек (Vachek, 1968a, с. 192—194) обратил внимание на то, что подобная характеристика *j* не дает возможности отразить разницу между чешским (и особенно словацким *j*), с одной стороны, и русским *j* — с другой. Как мы видели в III.1, в чешском и особенно в словацком языке происходит процесс слияния *i* и *j* в одну фонему. Это не могло не отразиться на физических характеристиках звука (ср. I.3). Еще в тридцатые годы Якобсон (Jakobson,

Таблица 3

		Язычные													
		Губные		переднеязычные						среднеязычные	заднеязычные				
				губногубные		губнозубные		зубные		небнозубные		средне-небные	задне-небные		
		тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.				
Шумные	смычные	гл.	p	p'			t	t'	t̥	t̥'			k	k'	
		зв.	b	b'			d	d'	d̥	d̥'			g	g'	
	аффрикаты	гл.					c		č	č'					
		зв.					ʒ	ʒ'	ʒ̥	ʒ̥'					
	щелевые	гл.			f	f'	s	s'	ʃ	ʃ'			ch	ch'	
		зв.			v	v'	z	z'	ʒ	ʒ'			ɟ		
		зв.			ʝ								j		
	Сонорные	смычнопроходные	носовые	гл.	ɱ				ɲ						
				зв.	m	m'			n	n'				ɳ	
боковые		гл.					l	l'							
		зв.					l	l'							
дрожание		гл.							ɾ						
		зв.							ɾ	ɾ'					

1931a) обратил внимание на то, что в отличие от русского j, который произносится как фрикативный согласный, в чешском и словацком языках j произносится скорее как полугласный, т. е. как i̯. В нашей схеме j описывается как согласный. По признаку гласности—негласности различаются не только j и i̯, но и w-билабиальный щелевой и ɱ.

Не отражен на схеме и звук ɾ в чешском языке, который отличается от r по признаку яркости (и, может быть,

по признаку негласности²). Не отражены и противопоставления по напряженности—ненапряженности. В русском языке они несущественны, но важны, например, для словенского языка.

В этой схеме мы в основном ориентировались на противопоставления, имеющиеся в русском языке. По ходу дела в дальнейшем будут вводиться изменения, которые необходимо ввести в эту схему для адекватного отображения положения в других славянских языках (в частности, по-другому будет трактоваться противопоставление $t-t'$, $d-d'$, $n-n'$ в чешском языке).

Соответствующая схема (вернее ее основной участок: для простоты не учитываются фарингальные и не проводится разделение υ и w (соответственно i и j), которое, разумеется, возможно), в артикуляционных терминах (см. Аванесов, 1956, с. 145) дана в табл. 3.

Обычно в системе Σ_2 пользуются матрицами. Матрицу из таблиц получить очень просто (табл. 4).

Однако, поскольку недихотомическая система Σ_1 не допускает матричного представления, то в этом виде система Σ_2 плохо сопоставима с Σ_1 . Зато сравнение двух табличных представлений сразу же показывает, что признаки системы Σ_2 грубее, чем признаки системы Σ_1 . В частности, в ней не отражается разница между губно-губными и губно-зубными, а также между небно-зубными и среднеязычными. Поэтому шести грациям по месту образования (по пассивному органу): губно-зубной, губно-губной, зубной, небно-зубной, среднеязычный, заднеязычный соответствуют в системе Σ_2 только четыре возможности: низкий диффузный, высокий диффузный, высокий компактный и низкий компактный. Однако такое упрощение во многих случаях облегчает описание возможных переходов. Так, в системе Σ_1 j и \check{z}' разнятся несколькими признаками, а в системе Σ_2 только одним (ср. частый переход $j \rightarrow \check{z}$ во многих языках, например, в романских). Весьма сильно различаются в Σ_1 звуки l и υ , в то время как в системе Σ_2 они различаются всего одним признаком (низкой—высокой тональностью). Это соответствует отношению $\upsilon \Rightarrow l$, имеющемуся в польском

² Как показал Вахек (Vachek, 1968, с. 92—102), фонема g не ведет себя как сонант и отличается от сонантов дистрибутивно (отсюда возможность совпадения с \check{z} , которое и произошло в свое время в польском языке).

Таблица 4

Признак	р	р'	б	б'	т	т'	д	д'	т	ч	ч'	з	з'	ж	ж'	г	г'
1. Компактность	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2. Низкая тональность	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
3. Диезность	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	-	+	-	-	-	+
4. Гласность	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5. Носовость	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6. Прерванность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
7. Яркость	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
8. Звонкость	-	-	+	+	-	-	+	+	-	+	+	+	+	-	-	+	+
Признак	л	л'	в	в'	с	с'	ш	ш'	ч	ч'	з	з'	ж	ж'	г	г'	
1. Компактность	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	+
2. Низкая тональность	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
3. Диезность	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-
4. Гласность	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5. Носовость	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6. Прерванность	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7. Яркость	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
8. Звонкость	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+

Таблица 4 (окончание)

Признак	щ	й	ц	ш	ш'	р	п'	р	п'	л	л	л	л'	г	г'	з	з'	ж	ж'	
1. Компактность	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	+	+	+	+
2. Низкая тональность	+	-	+	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3. Диезность	-	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	+
4. Гласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
5. Носовость	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6. Прерванность	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7. Яркость	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
8. Звонкость	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+

языке. Также l и g различаются в Σ_1 двумя признаками, в то время как в Σ_2 их разделяет только один признак (ср. неразличение этих звуков в некоторых языках, например японском, в детской речи). Таким образом, сближение с дихотомической системой Σ_2 может действительно привести к совершенствованию системы Σ_1 .

Пусть множество признаков зафиксировано. Оно разбито на непересекающиеся классы M_1, M_2, \dots, M_n , причем это разбиение задано извне. В терминах системы Σ_1 в один класс попадут те признаки, которые характеризуют способ образования, место образования, степень раствора и т. д. В системе Σ_2 это просто пара противопоставленных признаков: низкая тональность — высокая тональность и т. д.

О. IV. 2. Потенциальной фонетической системой (см. Marcus, 1967, с. 46) называется совокупность объектов m, P, E, φ , где m есть множество признаков, P — разбиение на классы признаков, E — множество сегментов и φ — отображение, ставящее в соответствие каждому сегменту x некоторую совокупность признаков $\varphi(x)$. Потенциальная фонетическая система удовлетворяет критерию Маркуса, если для любого сегмента x и для любого класса признаков M_i пересечение M_i с $\varphi(x)$ состоит из одного и только одного признака и почти удовлетворяет ему, если это пересечение пусто, или содержит ровно один признак. Легко проверить, что системы Σ_1 и Σ_2 почти удовлетворяют критерию Маркуса. Для обеих систем имеет также смысл понятие фонетической подсистемы, в которую включаются лишь такие признаки, которые принимают разные значения хотя бы для двух сегментов, входящих в нее. Две главные фонетические подсистемы — это подсистема согласных и подсистема несогласных³.

³ Весь ход формализации понятия фонемы в признаковой фонетике, начиная с критерия Маркуса и вплоть до определения фонемы в морфологически обусловленной фонетике, представлен в данной главе по необходимости в схематизированном виде. Поэтапное изложение процесса формализации, с дополнительной содержательной интерпретацией см.: Ревзин, 1977, раздел 3.2 (прим. сост.).

*IV.3. Типы отношений между признаками.
Свойства признаков,
инвариантные относительно ресегментации*

Между признаками p и q , входящими в один класс разбиения, возможны самые разные отношения. Выделим главные из них.

1. Совместимость $(p \cup q) \subseteq \varphi(x)$ —несовместимость. Совместимые признаки вместе, соответствуют одному сегменту.

2. Однородность $(\varphi(x) \setminus \varphi(y) = p$ и $\varphi(y) \setminus \varphi(x) = q$ — неоднородность. Признаки однородны, если замена p на q в $\varphi(x)$ приводит к признакам сегмента y , а замена q на p в $\varphi(y)$ приводит к признакам сегмента x .

T.IV.1. Если p и q совместимы, то они принадлежат разным классам заданного разбиения, если p и q однородны, то принадлежат одному классу заданного разбиения.

Понятие несовместимости может иметь значение для типологии славянских языков.

С одной стороны, можно выделить универсальные принципы, т. е. несовместимости, имеющиеся во всех языках. Сюда относится несовместимость признака гласности с признаком глухости при избранной нами системе представления сонантов. Другим примером является известный тезис Якобсона о несовместимости ударности—неударности с долготой—краткостью.

С другой стороны, имеются несовместимости, характерные для одних языков и нехарактерные для других.

Так, если согласиться с нашей трактовкой j , то для русского языка признак негласности несовместим с признаком несогласности, ср. отсутствие h и $ʔ$, в то время как для чешского языка эти признаки совместимы. Правда $ʔ$ не является, как мы установили в III.1, самостоятельным сегментом, но h — отдельная фонема в чешском языке. Любопытно мнение ряда ученых (Ки́сег, 1961, Vachek, 1968, с. 69—70), по которому h в чешском языке является звонким соответствием ch , т. е. занимает место γ (а γ и h суть варианты одной фонемы). Тогда h следует трактовать как согласный, а, стало быть, несовместимость негласности и несогласности имеет тенденцию стать универсальной закономерностью славянских языков.

Из несовместимостей, характерных явно для отдельных языков и даже подязыков, можно привести следующие. Б. Трка⁴ обращает внимание на тот факт, что в чешском языке (вернее в том его подязыке, который не содержит заимствованных и эмоционально окрашенных слов, ср. II.5), губность и задненебность несовместимы со звонкостью, ибо нет противопоставлений типа $g-k$ и $v-f$. На языке системы Σ_2 это формулируется гораздо проще: низкая тональность несовместима со звонкостью.

Если включать в число сегментных признаков и ударность, то в русском языке «неударность + гласность» несовместимы с центральностью. Для чешского языка, если в число сегментных признаков включается долгота, в том же самом подязыке, о котором шла речь выше, «центральность + гласность» несовместимы с долготой⁵.

3. Сопряженность — несопряженность. Признаки p и q сопряжены относительно x , если а) они оба входят в $\varphi(x)$, б) замена только p или только q на признак того же класса первоначального разбиения не приводит к $\varphi(y)$, соответствующих некоторому звуку y , в одновременная замена p и q на p' и q' дает совокупность признаков, поставленную в соответствие некоторому звуку данного языка. Объединение всех признаков, сопряженных в данном звуке, дает обобщенные признаки, которые далее не разлагаются.

4. Связанность и позиционная связанность признаков.

O.IV.3. Будем говорить, что признак p связан в x справа признаком q , если в любой допустимой последовательности xfy (где последовательность f может быть и пустой) сегмент y устроен таким образом, что $q \in \varphi(y)$. Будем говорить, что признак p абсолютно связан справа, если он связан и любой признак p' из того же класса разбиения является связанным справа.

Аналогично определяется признак, связанный слева, и признак, абсолютно связанный слева. Будем говорить, что признаки p и q взаимосвязаны, если p связан справа признаком q и q связан слева признаком p , или p связан слева признаком q и q связан справа признаком p . Ана-

⁴ Трка, 1958, с. 864. Трка называет такие случаи парадигматической нейтрализацией.

⁵ Необходимо различать несовместимость физическую и несовместимость функциональную, о ней шла речь в примерах. Логический анализ типов несовместимости см.: Лекомцева, 1968, с. 36 и сл.

логично определяются абсолютно взаимосвязанные признаки.

О.IV.4. Мы будем говорить, что признак p ($p \in \varphi(x)$) правопозиционно связан относительно пары (f, x) , если $\pi^{(d)}(f, x) = (\sigma(x), \varepsilon(x))$ и не существуют признак q , сегмент y и последовательность f' , такие, что:

1) $(\varphi(x) \setminus p) \cup q = \varphi(y)$, т. е. признак q однороден с p ;

2) $\pi^{(d)}(f', y) = (\sigma(y), \varepsilon(y))$, где $\sigma(y) = \sigma(x)$. Аналогично определяется понятие левопозиционной связанности и позиционной связанности. Признак p позиционно связан для x , если он позиционно связан для любой пары (f, x) , такой, что x принадлежит f . Признак p позиционно свободен относительно пары (f, x) , если он не является ни правопозиционно связанным, ни левопозиционно связанным относительно (f, x) . Признак p позиционно свободен в x , если он не является позиционно связанным в x .

5. Дифференциальность, смыслоразличительность, релевантность признаков.

О.IV.5. Пусть $p \in \varphi(x)$. Мы будем говорить, что p дифференциален относительно пары f, x , если существуют признак q и сегмент y такие, что y получен из x заменой p на q и y входит в последовательность g такую, что неверно fRg . Дифференциальность признака может, кроме того, определяться позицией. Признак является правопозиционно (соответственно левопозиционно) дифференциальным, если он не является правопозиционно (соответственно левопозиционно) связанным и используется для различения значимых последовательностей. Если понятие дифференциальности просто переводит на язык признаков принцип коммутации, то позиционная дифференциальность учитывает такие случаи, где нет минимальных пар. Этот признак часто используется в практике фонологического описания. Так, Ф. Т. Жилко (Жилко, 1963) для доказательства дифференциальности признака прерывности в украинском языке приводит пару $katy$ — $chamy$, не являющуюся минимальной. Этот же признак проходит через всю книгу Л. Э. Калнынь, посвященную признакам мягкости—твердости, ср. приводимые ею пары для доказательства дифференциальности признака мягкости, приписываемого звуку \ddot{r} в чешском языке: ret — $\dot{r}ec$, $rize$ — $\dot{r}idnouti$, rab — $\dot{r}ad$, kur — $kov\dot{a}\check{r}$ (Калнынь, 1961).

Менее жестким по сравнению с дифференциальностью является свойство смысловразличительности признака. Признак смысловразличителен для данного звука в данной последовательности, если существует такой набор признаков (т. е. такой выбор некоторых признаков), что наличие данного признака способно отграничить эту последовательность от другой, не совпадающей с ней по смыслу, а его замена на некоторый другой признак того же класса — при данном выборе признаков — ведет к совпадению этих двух последовательностей.

О.IV.6. Будем говорить, что p смысловразличителен для x , если существует последовательность f такая, что p смысловразличителен относительно пары (f, x) . Будем говорить, что p смысловразличителен, если существует сегмент x такой, что p смысловразличителен относительно него.

T.IV.2. Всякий дифференциальный признак смысловразличителен.

Однако не всякий смысловразличительный признак дифференциален. Признак p является фактически дифференциальным, если он смысловразличителен и существуют f и x такие, что p не является ни правопозиционно связанным относительно (f, x) , ни левопозиционно связанным относительно $f(x)$.

Таким образом, каждый новый критерий углубляет наше представление о возможных связях признаков, позволяя, наконец, прийти к определению релевантного признака.

О.IV.7. Признак p называется релевантным, если он смысловразличителен, либо позиционно свободен хотя бы относительно одной пары (f, x) .

Понятие релевантного признака позволяет перейти к понятию фонемы в признаковой фонетике, но прежде следует сказать несколько слов о значении отдельных свойств признаков для фонологической ресегментации.

Как в главе III, так и в последующих главах мы часто имеем дело с ситуацией, когда один сегмент представляется в виде двух или, наоборот, один сегмент разбивается на два.

Естественно поставить вопрос о том, что происходит при этом с приписанными сегменту признаками и какие из свойств признаков, названных выше, остаются неиз-

менными, т. е. инвариантными относительно ресегментации. Введем следующее вспомогательное определение.

О.IV.8. Пусть имеется критерий χ ,⁶ по которому некоторые из сегментов объединяются в данной последовательности f с непосредственно предшествующими или непосредственно следующими сегментами. Тогда получившееся новое сегментное представление будет называться χ -представлением, а соответствующие новые сегменты χ -сегментами. Понятие χ -сегмента соответствует понятию unit length-segment в дескриптивной лингвистике⁶. Детальный логический анализ понятия проведен в цитированной работе Батуга. Батуг принимает, что каждый χ -сегмент содержит не более трех сегментов. Такое ограничение, по-видимому, не расходится с имеющимися фактами и весьма удобно — поэтому мы также будем следовать этому условию.

Очевидно, что для исследования χ -сегментов нужно переопределить функцию φ , приписывающую каждому сегменту определенную совокупность признаков. Мы сделаем это следующим образом. Прежде всего упорядочим признаки в каждом множестве $\varphi(x)$ таким образом, что на i -том месте стоит признак из i -того класса разбиения. Будем считать при этом, что система почти удовлетворяет критерию Маркуса, т. е. для любого u множество $\varphi(u)$ упорядочивается в кортеж $\bar{\varphi}(u) = \{p_1, \dots, p_n\}$, где некоторые p_i могут быть пусты (если система удовлетворяет критерию Маркуса, то ни одно из p_i не пусто).

О.IV.9. Пусть xyz есть χ -сегмент; $\bar{\varphi}(x) = \{p_1 \dots p_n\}$, $\bar{\varphi}(y) = \{q_1, \dots, q_n\}$, $\bar{\varphi}(z) = \{r_1, \dots, r_n\}$ и пусть имеются еще признаки l_1, \dots, l_n такие, что ни для одного $u \in E$ неверно $l_i \in u$. Определим новое отображение следующим образом:

$$\varphi_\chi(xyz) = \{m_1, \dots, m_n\}, \quad \text{где } m_i = \begin{cases} p_i, & \text{если } p_i = q_i \text{ и } r_i = \emptyset \text{ или } p_i = r_i \\ & \text{и } q_i = \emptyset \text{ или } p_i = r_i = q_i \text{ или } q_i = \emptyset \\ & \text{и } r_i = \emptyset \\ q_i, & \text{если } p_i = \emptyset \text{ и } q_i = r_i \text{ или } p_i = \emptyset \text{ и} \\ & r_i = \emptyset \\ r_i, & \text{если } p_i = q_i = \emptyset, l_i \text{ в остальных} \\ & \text{случаях, причем } l_i \neq p_i, q_i, r_i \end{cases}$$

⁶ См.: Harris, 1951, с. 42—44. — Ср. также понятие сложной фонемы (compound phoneme) как оно определяется в словаре американской лингвистической терминологии Э. Хэмпа.

Эту процедуру можно описать и следующим образом. Нам дан x -сегмент xuz и мы рассматриваем множество $\varphi(x) \cup \varphi(y) \cup \varphi(z)$. Если в получившемся множестве имеется только один признак из i -того класса разбиения, то этот признак вводится и в $\varphi_x(xuz)$. Если же в этом множестве появляется два или даже три разных признака из i -того класса разбиения (в противоречии с критерием Маркуса), то вместо этих двух (или трех) признаков x -сегменту ставится в соответствие новый признак, который теперь вводится в i -тый класс разбиения множества E_x наряду с имевшимися признаками. Из этого рассуждения сразу же следует такое утверждение:

Т. IV.3. Если потенциальная фонетическая система (m, P, E, φ) почти удовлетворяла критерию Маркуса, то потенциальная фонетическая система $(m_x, P_x, E_x, \varphi_x)$, где m_x — множество признаков, а φ_x — функция, полученная в соответствие с определением IV.10, P_x — соответствующее разбиение, а E_x — множество x -сегментов, также почти удовлетворяет критерию Маркуса.

Мы будем пользоваться следующей терминологией. Пусть $p \in \varphi(x)$, p входит в i -тый класс разбиения множества признаков и пусть имела место ресегментация. Мы будем обозначать через p^x тот признак l_i , который ставится в соответствие новому сегменту функцией φ^x по определению IV.9. Соответственно сегмент, в который входит x , будет обозначаться через x^x . Можно указать еще на одно свойство, инвариантное относительно ресегментации.

Т. IV.4. Если два признака p и q совместимы, то p^x и q^x также совместимы. В самом деле. Пусть существует звук x такой, что $p \cup q \subseteq \varphi(x)$ и пусть образовался новый сегмент ux . По определению IV.9 существуют новые признаки p^x и q^x , поставленные в соответствие ux . Это и означает, что $p^x \cup q^x \subseteq \varphi(x^x)$. Что касается свойства однородности, то оно не сохраняется. Поэтому не сохраняются и все свойства, так или иначе использующие однородность, например, позиционная связанность, позиционная дифференциальность, дифференциальность и смысловозначительность. Фактически это не так, ибо в фонологии допускаются лишь некоторые типы ресегментации, причем все они, по-видимому, сохраняют по крайней мере все свойства признаков, относящиеся к смысловозначительности.

Таким образом, можно выдвинуть следующий критерий ресегментации.

O.IV.10. Ресегментация по критерию x называется фонологической, а сам критерий x правильным, если для любого признака p и для любого сегмента x из дифференциальности (соответственно позиционной дифференциальности), признака p для x следует дифференциальность (соответственно позиционная дифференциальность) p^x для x^x . В частности, из этого определения следует такое условие фонологичности ресегментации.

T.IV.5. Для того чтобы ресегментация была фонологичной, необходимо, чтобы для любого сегмента x , и любого признака p при неравенствах $p \neq p^x$ и соответственно $x \neq x^x$ из существования последовательностей $f = u_1 \dots u_k x u_{k+1} \dots u_n$ и $g = u_1 \dots u_k y u_{k+1} \dots u_n$, где $\varphi(x) = (\varphi(y) \setminus p) \cup q$ следует, что при ресегментации $f = v_1 \dots v_l x^k v_{l+1} \dots v_m$ и $g = v_1 \dots v_l y^x v_{l+1} \dots v_m$, где $\varphi^x(y^x) = (\varphi^x(x^x) \setminus q^x) p^x$. В самом деле: если это условие будет нарушено, то признак p перестает быть дифференциальным. Пусть, например, для украинского языка первоначальная сегментация была d/z и t/s , а ресегментация привела к объединению ts без объединения d/z . Возьмем пару *цюра* $t's'uga$ 'собака' и *дзюра* $d'z'uga$ 'ключ, источник'. При представлении, отраженном в орфографии, ts противопоставлено d и признак аффрикативности в ts перестает быть дифференциальным, ибо противопоставление ts и d , во-первых, проводится по паре признаков: аффрикативность — неаффрикативность и глухость — звонкость, а, во-вторых, нарушается минимальность пары. Этот пример сразу же показывает смысл требования фонологичности: оно сводится к тому, чтобы изменения, производимые ресегментацией, были не локальными, а учитывали системные отношения между признаками.

IV.4. Фонема, архифонема, типы оппозиций,

O.IV.11. Мы будем называть признаковой фонетикой тройку следующих объектов: 1) потенциальная фонетическая система, 2) сегментная фонетика, 3) функция, сопоставляющая каждому сегменту набор его позиций.

Таким образом, к сегментной фонетике добавляется вся информация о признаках и позициях, изложенная выше. Теперь можно определить фонему и фонемность

в терминах признаковой фонетики. «Фонема — это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию» (Трубецкой, 1960, с. 45). По мнению самого Трубецкого, «в этом совершенно ясном и недвусмысленном определении ничего нельзя изменить» (там же, с. 50). Поэтому однозначная модель реляционно-физической теории фонемы представляется достаточно целесообразной.

О.IV.12. Рассмотрим множество пар вида $(x, \rho(x))$, где x — сегмент, а $\rho(x)$ — некоторое множество релевантных признаков. Будем говорить, что две пары $(x, \rho(x))$ и $(y, \rho(y))$ и соответственно x и y ρ -эквивалентны, если $\rho(x) = \rho(y)$. Назовем фонемой, ассоциированной с x , пару объектов $\bar{x} = (X, \rho(x))$, где X — множество сегментов, ρ — эквивалентных с x . Любой сегмент $y \in X$ будет при этом называться аллофоном фонемы x . Будем говорить, что разбиение E на классы эквивалентных элементов, порождено фонемами.

П р и м е ч а н и е. Следует обратить внимание на то, что фонема и аллофон — по принятой нами системе определений — понятия разных уровней, а именно аллофон это сегмент, а фонема есть пара объектов, состоящая из множества сегментов и множества релевантных признаков. Понятие аллофона помогает соотнести фонему в признаковой фонетике с фонемой в сегментной фонетике, а именно как максифонему, так и минифонему можно идентифицировать с множеством аллофонов ⁷.

О.IV.13. Мы будем говорить, что две фонемы $\bar{x} = (X, F(x))$ и $\bar{y} = (y, F(y))$ противопоставлены по p/p' , если $F(x) \setminus F(y) = \{p\}$ и $F(y) \setminus F(x) = \{p'\}$, где один из признаков p или p' может быть пустым. Если x и y противопоставлены, то совокупность $F(x) \cap F(y)$ называется архифонемой 1-го ранга. Пусть определено понятие архифонемы i -того ранга $A^{(i)}$. Некоторая непустая совокупность признаков $A^{(i)} \setminus P$ называется архифонемой $(i+1)$ -го ранга, если существует пара фонем z_1 и z_2 , противопоставленных по p/p' . Понятие архифонемы i -того ранга

⁷ Понятие фонемы может получить дальнейшее уточнение в зависимости от того, как избирается совокупность релевантных признаков. О выделении фонем 1-го, 2-го и 3-го рода и в связи с этим о минимизации числа фонемных признаков см.: Ревзин, 1977, с. 110—113 (прим. сост.).

тесно связано с понятием естественного класса, введенным М. Халле (Халле, 1965, с. 119). Пусть B — некоторое множество фонем $B = \bar{x}_1, \dots, \bar{x}_n$. Обозначим через $F(B)$ пересечение $F(x_1) \cap \dots \cap F(x_n)$, через $\text{card } F(B)$ — число признаков, входящих в $F(B)$, в частности, через $\text{card } F(x)$ обозначается число дифференциальных признаков фонемы x .

О.IV.14. Множество B называется естественным классом, если выполнены следующие условия: 1) для любой фонемы $x \in B$ верно $\text{card } F(x) > \text{card } F(B)$, 2) для любой фонемы z такой, что $F(B) \subseteq F(z)$, верно $z \in B$. Очевидно, что собрав все фонемы, имеющие общую архифонему i -того ранга, мы получим естественный класс. С другой стороны, всякий естественный класс однозначно определяет некоторую архифонему i -того ранга.

Определив понятие архифонемы, мы можем изложить теперь теорию противопоставлений (оппозиций) между фонемами. Мы уже говорили, что существует взаимно-однозначное соответствие между совокупностями признаков и множествами сегментов. Поэтому для каждой фонемы $x = F(X, F(x))$ второй член определяет множество элементов, противопоставленных любому элементу $x \in X$.

Трубецкой четко сознавал, что характеризуя релевантные признаки фонемы, мы тем самым характеризуем все другие фонемы, противопоставленные данной. Далее мы изложим типы этих противопоставлений, по Трубецкому (с той разницей, что понятие архифонемы вводится Трубецким позднее).

О.IV.15. Пусть \bar{x} и \bar{y} две фонемы, имеющие общую архифонему 1-го ранга A . Если не существует фонемы z такой, что $\bar{z} \neq \bar{x}$, \bar{y} и \bar{z} имеет с \bar{x} общую архифонему, то оппозиция (\bar{x}, \bar{y}) называется одномерной. В противном случае оппозиция (\bar{x}, \bar{y}) называется многомерной.

Оппозиция (\bar{x}, \bar{y}) называется привативной в пользу признака p , если $F(x) = p \cup F(y)$. Оппозиция (\bar{x}, \bar{y}) называется эквиполентной, если \bar{x} и \bar{y} имеют общую архифонему и существуют признаки p и q такие, что $F(\bar{x}) \setminus F(\bar{y}) = \{p\}$ и $F(\bar{y}) \setminus F(\bar{x}) = \{q\}$. Оппозиция (\bar{x}, \bar{y}) называется пропорциональной, если существует оппозиция (\bar{z}, \bar{w}) такая, что $F(\bar{x}) \setminus F(\bar{y}) = F(\bar{z}) \setminus F(\bar{w})$ и $F(\bar{y}) \setminus F(\bar{x}) = F(\bar{w}) \setminus F(\bar{z})$. Оппозиция (\bar{x}, \bar{y}) , не являющаяся пропорциональной, называется изолированной. Оппозиция (\bar{x}, \bar{y}) называется гомогенной, если существует цепочка $\bar{z}_1, \dots, \bar{z}_n$ таких, что

1) $\bar{z}_1 = \bar{x}$ и $\bar{z}_n = \bar{y}$; 2) для любого i ($1 \leq i \leq n$) оппозиция $(\bar{z}_i, \bar{z}_{i+1})$ является одномерной. Отсюда, в частности, следует, что всякая одномерная оппозиция является гомогенной. Если оппозиция (\bar{x}, \bar{y}) не является гомогенной, то она называется гетерогенной. Далее формализуем понятие нейтрализации.

О.IV.16. Пусть фонемы \bar{x} и \bar{y} противопоставлены по p/q , где $p \in F(x)$ и $q \in F(y)$ и пусть имеется правая позиция $\pi^{(d)}(f, x)$, такая, что для любого g неверно $\pi^{(d)}(f, x) = \pi^{(d)}(g, y)$. Тогда позиция $\pi^{(d)}(f, x)$ называется нейтрализующей справа для противопоставления p/q в пользу p . Пусть позиция $\pi^{(d)}(f, x) = (\delta(x), \varepsilon(z))$ является нейтрализующей справа для противопоставления p/q . Эта позиция называется собственно нейтрализующей справа для p/q в пользу p , если $p \notin \varepsilon(z)$. Аналогично определяются понятия позиции нейтрализующей (собственно нейтрализующей) слева для противопоставления p/q . Говорим, что позиция является нейтрализующей для p/q ; если она является нейтрализующей справа, либо слева. Иногда термин «нейтрализация» употребляется в другом смысле (ср. Marcus, 1967), а именно для обозначения свободного варьирования в данном фиксированном контексте.

Мы будем говорить в этом случае о свободной нейтрализации, определив это понятие следующим образом

О.IV.17. Пусть фонемы \bar{x} и \bar{y} противопоставлены по p/q , где $p \in \varphi(x)$ и $q \in \varphi(y)$. Пусть для любой последовательности f , включающей x , найдется последовательность g , включающая y , и такая, что $\pi^{(d)}(f, x) = \pi^{(d)}(g, y)$. Тогда мы будем говорить, что имеет место свободная нейтрализация для p/q в паре \bar{x}, \bar{y} в пользу q справа. Аналогично определяется свободная нейтрализация в пользу q слева.

Определим теперь полный аналог лингвистического понятия архифонемы.

О.IV.18. Мы будем называть некоторую совокупность признаков A^1 реализованной архифонемой 1-го ранга, если существуют фонемы \bar{x} и \bar{y} , противопоставленные по p/q и хотя бы в одной позиции имеет место нейтрализация (либо свободная нейтрализация) противопоставления p/q . Пусть понятие реализованной архифонемы i -того ранга $A^{(i)}$ определено. Мы будем называть реализованной архифонемой $(i+1)$ ранга совокупность признаков $A^{(i+1)}$ такую, что $A^{(i+1)} = A^{(i)} \cup p$, если существуют

фонемы \bar{x} и \bar{y} , противопоставленные по p/q , и хотя бы в одном контексте имеет место нейтрализация (либо свободная нейтрализация) противопоставления p/q . Как правило, мы имеем дело в славянских языках лишь с реализованными архифонемами 1-го ранга, тем не менее предложенное обобщение может оказаться полезным. Так, в болгарском языке реализована архифонема 2-го ранга в связи с имеющейся нейтрализацией перед \neq не только звонкости—глухости, но и твердости—мягкости.

Последнее из понятий классической фонологии, требующее формализации, — это понятие маркированности.

О.IV.19. Пусть \bar{x} и \bar{y} две фонемы, противопоставленных по p/q , и нет признака r , однородного с p или q и такого; что $p \neq r$ и $q \neq r$. Тогда противопоставление p/q называется бинарным. Очевидно, что в системе Σ_2 любое противопоставление бинарно. Итак, пусть противопоставление p и q бинарно. Тогда мы будем называть признак потенциально маркированным в противопоставлении p/q , а признак q потенциально немаркированным, если выполнено хотя бы одно из двух следующих условий:

- 1) если существует позиция, являющаяся собственно нейтрализующей для q ;
- 2) если существует контекст, в котором имеет место свободная нейтрализация в пользу q .

О.IV.20. Мы будем говорить, что признак p маркирован в противопоставлении p/q , а признак q немаркирован, если p потенциально маркирован, а q потенциально немаркирован.

Сущность маркированности, таким образом, в нахождении структурных ограничений для действия признака. Это позволяет уточнить характер произвольности в приписывании какому-то признаку свойства маркированности. Наблюдая над поведением звуков и их признаков, мы устанавливаем, какие признаки являются релевантными и далее фонемными, а затем, наблюдая над нейтрализацией и другими структурными ограничениями, устанавливаем, какие признаки мы будем называть маркированными. Лишь последний акт, а именно обозначение маркированного признака плюсом (или единицей) есть акт чистого произвола; все остальное — фиксация отношений в объективной реальности. Лишь в тех случаях, когда для единообразия противопоставлением нуля и единицы

пользуются без какой-либо опоры на маркированность, мы имеем дело по существу с чистым произволом.

Мы пытались показать, например, что имеется известная асимметрия в отношении между звонкостью и глухостью в славянских языках, ограничивающая употребление одного из признаков, и именно эту асимметрию фиксирует маркированность. Произвольное распределение положительного и отрицательного характерно скорее для тех противопоставлений в системе Σ_2 , которые получены из небинарных.

Эту интерпретацию маркированности целесообразно сопоставить с наблюдениями Й. Вахка (Vachek, 1968) над употреблением диакритического значка в чешской графике. Ниже мы будем говорить о причинах, по которым противопоставление $t-t'$, $d-d'$, $n-n'$ в современном чешском языке трактуется не как противопоставление по твердости—мягкости, а как противопоставление по месту образования — в терминах Σ_2 это противопоставление некомпактности—компактности, где маркированным является признак компактности (имеются факты нейтрализации $t-t'$ и т. п., например, перед суфф. -n-). По этому же признаку противопоставлены в чешском языке $s-\dot{s}$, $z-\dot{z}$ и $c-\dot{c}$. И вот оказывается, что во всех этих случаях добавочным диакритическим знаком снабжается член с маркированным признаком (этот же знак используется еще только в одном случае, а именно в противопоставлении $g-\dot{g}$, которое, однако, по мнению Вахка, вообще занимает изолированное положение в системе чешского консонантизма). Этот факт, по мнению Вахка, свидетельствует о высокой степени фонологического сознания создателей графики. Добавим, что он одновременно свидетельствует и о психологической реальности понятия маркированности.

Но именно с этой точки зрения, весьма мало оправданной становится трактовка положительного и отрицательного признаков в тех противопоставлениях системы Σ_2 , которые не соответствуют бинарным противопоставлениям системы Σ_1 и, в частности, не нейтрализуются в славянских языках.

Выбор единицы или нуля в этих случаях действительно условен, как показывают манипуляции с компактностью—диффузностью. Представляется, что понятие нейтрализуемого признака играет важную роль и во всех

вопросах ресегментации. Мы уже неоднократно рассматривали ситуацию с мягкими губными в славянских языках. Существенным моментом для сегментации участка звучания, соответствующего диземному губному, был факт его употребления или неупотребления в конце слова. В частности, говорилось, что p' может (но, разумеется, не должен) быть представлен как p_j лишь там, где p' не встречается в конце слова. Но в таких языках, как русский, звонкие диземные, например, v' никогда не встречаются в конце слова. Отсюда следует, что всю аргументацию относительно p' в украинском или болгарском языке можно было бы перенести на v' в русском языке. Однако очевидно, что здесь мы придем к вопиющему столкновению с интуицией носителей русского языка.

Очевидно, что мы должны принять следующий общий принцип: пусть признак $p \in \varphi(x)$ маркирован в противопоставлении p/q . Тогда любой критерий x , действующий при ресегментации и меняющий отнесенность p к сегменту x , должен одновременно проходить относительно немаркированного признака q и сегмента y таких, что $\varphi(x) = (\varphi(x) \setminus p) \cup q$. Представляется, что соблюдение этого принципа — одно из условий той фонологичности ресегментации, о которой говорилось в IV.2.

Здесь имеется некоторое отличие от Трубецкого. Трубецкой считал, что не каждой фонеме, включающей немаркированный признак, соответствует сочетание признаков, насчитывающее на один признак меньше, чем пучок, приписанный фонеме с маркированным признаком. Он по разному трактовал звук t в tom и тот же звук в mot . В первом случае, считал Трубецкой, представлена фонема t , которой, в частности, соответствует признак глухости, т. е. немаркированный признак, который может быть противопоставлен маркированному, ср. dom , во втором, по Трубецкому, представлена архифонема T , т. е. совокупность признаков: $\varphi(t) \setminus \text{глухость} = \varphi(d) \setminus \text{звонкость}$.

Таким образом, текст, согласно теории Трубецкого, представляет собой последовательность фонем и архифонем, причем условия их употребления определены контекстом. Теория архифонем, вернее возможности одноуровневого употребления фонем и архифонем, вызвала в свое время оживленные споры⁸.

⁸ Ср. роль понятия «смешанной фонемы» в дискуссии 1952—1953 гг.

Посмотрим, как может быть формализована в наших терминах так понимаемая архифонема. Очевидно, что здесь уже недостаточно понятия реализованной архифонемы, ибо так же, как фонема представляет собой не только набор релевантных для звука признаков, но и самый звук, т. е. тот физический субстрат, который представляет фонему в тексте, архифонема в этом понимании включает в себя по крайней мере два объекта, а именно звук и совокупность его позиционно свободных признаков.

Но вместо того чтобы таким образом определять архифонему, естественнее вообще каждому звуку в тексте поставить в соответствие такую тройку объектов, ибо и вне позиции нейтрализации каждый звук имеет свои позиционно свободные признаки. Тогда не нужно отменять термины «архифонема» в определенном выше смысле (в полном соответствии с буквой учения Трубецкого) и, кроме того, можно не сразу отказаться от столь трудного представления, что в тексте на равных правах используются фонемы и архифонемы⁹. Итак, мы примем следующее определение:

O.IV.21. Назовем индивидуальной правопозиционной фонемой тройку объектов $(x, \pi^{(d)}(x), P^{(d)}(x))$, где x — определенный звук, $\pi^{(d)}(x)$ — показатель его правой позиции, а $P^{(d)}(x)$ — совокупность признаков, свободных в $\pi^{(d)}(x)$. Аналогично определяется левопозиционная фонема. Назовем два сегмента x и y позиционно эквивалентными справа, если $\pi^{(d)}(x) = \pi^{(d)}(y)$ и $P(x) = P(y)$. Аналогично определяется позиционная эквивалентность слева. Назовем правопозиционной фонемой $\bar{x}^{(d)}$ тройку объектов $\bar{x}^{(d)} = (X, \pi^{(d)}(x), P^{(d)}(x))$, где X — класс сегментов, позиционно эквивалентных x справа. Назовем левопозиционной фонемой $\bar{x}^{(s)}$ тройку объектов $\bar{x}^{(s)} = (X, \pi^{(s)}(x), P^{(s)}(x))$. Мы на другом языке отразили концепцию, представленную в работе М. В. Панова «Русская фонетика». По существу разница между позиционной фонемой и «синтагмо-фонемой» Панова лишь в том, что первый член в его концепции формируется другим способом: к сово-

⁹ Это представление очень часто использовалось для обвинения Трубецкого в «идеализме». Вздорность этих обвинений хорошо показана М. В. Пановым, но нам хотелось бы обратить внимание на то, что это представление снимается уже достаточно последовательной формализацией.

купности $P^{(d)}(x)$ или $P^{(s)}(x)$ добавляется признак из позиционного окружения, считающийся распространенным на несколько звуков. Нам это различие представляется лишь терминологическим, в то время как фактические результаты Панова без всяких изменений могут быть изложены на языке позиционных фонем.

IV.5. О матричном представлении системы фонем

В дихотомической теории, где, как мы знаем, каждый признак принимает ровно два значения, принято обозначать положительное значение плюсом, отрицательное минусом (о произвольности этого выбора в некоторых, но не во всех случаях, мы уже говорили). Наряду с плюсом и минусом часто вводится еще нуль, значение которого бывает довольно различным.

Далее мы хотим исследовать различные возможные употребления нуля. Соответствующие таблицы, как правило, называются матрицами идентификации фонем. Поскольку по нашему определению каждая фонема x есть пара объектов $(X, F(x))$, где X — класс соответствующих сегментов, а $F(x)$ — совокупность фонемных признаков, поставленных в соответствие сегменту x , то, очевидно, для идентификации фонемы нужно две матрицы: одна должна соответствовать пересечению всех $\varphi_i(x)$, где $x \in X$ — эту матрицу мы будем называть φ -матрицей. Другая должна соответствовать $F(x)$ — эту матрицу мы будем называть F -матрицей. Обратимся к φ -матрице. Необходимость в третьем значении признака, обозначаемом нулем, может возникнуть лишь в том случае, когда один из элементов множества X соответствует положительному значению признака, а другой — отрицательному.

В качестве примера можно назвать звуки s и z в русском языке (ср. $ot' \acute{e} s$ и $ot' \acute{e} z d a l j i m u$). Поскольку s и z входят в одну фонему, то в φ -матрице нельзя для фонемы s проставить ни плюс, ни минус. Естественно в этом случае употребить на соответствующем месте φ -матрицы нуль. Подобное употребление нуля связано не только с так называемыми комбинаторными вариантами. Так, в юго-западных диалектах болгарского языка и в македонском языке не противопоставлены k' и \check{c} (ср. сербское \check{h}), физически различающиеся по признаку яркости, причем встречаются в свободном варьировании оба звука.

Соответствующая φ -матрица также должна содержать нуль в данном месте. Что касается F -матрицы, то в ней нули могут стоять не только там, где они имеются в соответствующей φ -матрице, но и на местах, где выступает, например, только положительное или только отрицательное значение признака. Например, для македонского языка и юго-западных болгарских диалектов (и для других славянских языков), если для гласных выбран в качестве дифференциального признака признак гласности, то признак согласности уже несуществен, и в F -матрице на соответствующем месте может быть поставлен нуль.

Следует обратить внимание на существенное отличие от нуля в F -матрице от нуля в φ -матрице. В φ -матрице нуль означает, что фактически признак принимает оба значения. В F -матрице это необязательно так: нуль по согласности, разумеется, не означает, что этот признак может принимать для гласных положительное значение. Нуль в этой матрице рассматривается как показатель того, что данное противопоставление неприменимо к данной фонеме. В наших терминах естественно отразить это предложение следующим образом: нуль в F -матрице означает, что признаки из соответствующей строки не входят в $F(x)$ для данной фонемы $x = (X, F(x))$.

Разное поведение нуля в φ -матрице и F -матрице объясняется тем, что мы имеем дело с разными множествами признаков, φ -матрица и F -матрица дополнительные, ибо соответствуют двум дополнительным аспектам: анализу и синтезу. Если F -матрица отражает интересы анализа, то φ -матрица учитывает и интересы синтеза, хотя и содержит избыточную — с точки зрения анализа — информацию.

Поскольку фонему (в нашем понимании) идентифицируют сразу две матрицы, то целесообразно предложить такой вид матрицы, который совмещает особенности обеих матриц. Это можно достигнуть, употребляя следующую систему знаков:

- отрицательное значение фонемного признака,
- + положительное значение фонемного признака,
- ⊖ отрицательное значение нефонемного признака,
- ⊕ положительное значение нефонемного признака,
- ± произвольное значение нефонемного признака.

Матрицу идентификации фонем, построенную по этой системе, можно назвать глобальной. Из предыдущего изложения следует, что возможен еще один вид матриц

идентификации, а именно π -матрицы, дающие совокупность позиционно свободных или позиционно дифференциальных признаков звука в данной позиции. Правда, при этом матрица каждый раз должна фиксировать позицию (как существенный компонент позиционной фонемы). Поэтому практически такая матрица полезна лишь тогда, когда она сопоставляется не системе, а тексту, т. е. определенной последовательности, в которой, разумеется, все позиции уже отражены. Именно как такие π -матрицы, соотношенные с текстом, могут трактоваться матрицы, систематически приводимые в книге Халле (Халле, 1962), где каждому звуку в тексте сопоставлены его позиционно дифференциальные признаки. На примере этих матриц Халле видно, что они без привлечения соответствующих φ -матриц дают весьма одностороннюю информацию (недаром мы определяли позиционную фонему как тройку объектов). В них еще меньше учитываются интересы синтеза. Особенно явно проступает точка зрения слушающего, когда анализируются примеры типа *rau*k. Поскольку из свода дистрибуционных ограничений — говорит Халле — известно, что после *a* внутри морфемы из гласных следует лишь *u*, то сочетание *au* может быть записано как совокупность следующих признаков:

вокальность	+	+	(у Халле ошибочно: —)
консонантность	—	—	
диффузность	—	0	
компактность	0	0	
двезность	0	0	
ударность	0	+	(у Халле ошибочно: + 0)

Предположим, что внутри морфемы в русском языке возможно только сочетание *au* и невозможно, например, *ai*. (По-видимому, это не так¹⁰, поскольку, например, слова *таинственный* и *паиышка* могут, в особенности первое, произноситься без всякого вставного *j*). Тогда данный способ действительно очень удобен для слушающего. Но говорящий должен иметь точные указания для каждого из признаков, иначе он произнесет недопустимое в русском языке сочетание.

¹⁰ Ср. таблицу возможных сочетаний гласных в кн.: Панов, 1967.

Способы представления системы фонем.
Фонема в морфологически
обусловленной фонетике

*V.1. Понятие системы фонем и «пустой клетки»
в системе*

В сегментной фонетике фонема является окончательной единицей анализа. Дальнейшее исследование фактически возможно лишь на синтагматической оси (изучение α -полей и β -полей, анализ структуры слога и слова). Поэтому в сегментной фонетике не возникает понятие системы фонем (и, как известно, в дескриптивной лингвистике вовсе не исследуется парадигматика фонем). Там же, где фонемы формируются на основе признака, естественно возникает понятие фонетической системы, и поэтому после формирования фонем можно перейти к рассмотрению классов фонем и отношений внутри этих классов.

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что как обычные в фонетической литературе таблицы, так в сущности и F -матрицы представляют каждую фонему как объединение признаков. В сущности мы имели дело с представлением каждой фонемы через набор ее координат, причем каждая координата определяется значением соответствующего признака (Cherry, 1956). С этой точки зрения система Σ_2 обладает тем преимуществом, что каждая координата имеет ровно два значения: нуль и единицу. Ниже мы остановимся на некоторых вопросах, связанных с геометрической интерпретацией такого представления системы фонем, а сейчас заметим следующее. Увлечение дихотомической системой Σ_2 оттеснило на второй план представление фонологической системы в форме обычных таблиц, например, в табл. 5 представлена подсистема шумных русского языка (несколько упрощенно).

Между тем подобное представление обладает — с точки зрения наглядности — определенными преимуществами. В первую очередь, в такой форме наглядно демонстрируется понятие пустых клеток, играющее столь важную

Таблица 5

		Губность		Передне-язычность		Средне-язычность		Задне-язычность	
		глухость	звонкость	глухость	звонкость	глухость	звонкость	глухость	звонкость
Смычность	твердость	p	b	t	d			k	g
	мягкость	p'	b'	t'	d'			k'	g'
Щелийность	твердость	f	v	s	z	š	ž	ch	
	мягкость	f'	v'	s'	z'	š'	ž'		
Аффрикативность	твердость			c					
	мягкость					č			

роль в ряде фонологических концепций (Мартине, 1960). В таблице пустые клетки сразу же бросаются в глаза, например, отсутствие фонем, объединяющих признаки среднеязычности, звонкости и аффрикативности в русском языке.

При словесном представлении понятие пустой клетки куда менее очевидно.

Стремление к заполнению пустых клеток является одним из тех принципов динамики в статике, о плодотворности которого говорилось в I.2. Об этом неоднократно говорилось и в фонологии славянских языков.

В частности, сохранение фонем [ʃ] и [ʒ] в современном чешском языке, положение которых в системе неустойчиво, часто объясняют именно тем, что в противном случае возникли бы пустые клетки (см., например: Trnka, 1966, с. 11).

Это же верно относительно проникновения фонем f и g в современный чешский язык.

Нельзя считать, что соображения об отсутствии пустых клеток являются основными. Так, в русском языке фонема ž [dž] заполнила бы пустую клетку, ср. t : d = č : ž. Однако, как мы видели, это противоречит тенденциям к оптимизации кода, которые оказываются более силь-

ными. Мы уже говорили, что нет запрещения рассматривать *ou* в современном чешском языке как однофонемный сегмент. Наоборот, системные соображения говорят в пользу того, что на множестве θ , не содержащем заимствованной и экспрессивно окрашенной лексики, *ou* могло бы заменять место выпадающего \bar{o} (в этом и была суть предложения Трубецкого).

Таким образом системные требования, сводящиеся к стремлению не увеличивать числа пустых клеток, могут приводить к разным последствиям в зависимости от внешних факторов, отражающихся через место и значимость заимствованной лексики. Выше мы говорили о стремлении удержать \bar{o} в литературном языке как проявлении этой тенденции. Здесь же мы видим и другую возможность: исключить \bar{o} и поставить на его место *ou* в качестве единой фонемы.

Возможно, что и описание системы следует проводить так, чтобы число пустых клеток по возможности было минимальным (если этим не искажаются факты). В качестве примера укажем на вопрос о $t'-t$, $d'-d$, $n'-n$ в чешском языке.

О.V.1. Говорим, что в системе есть пустые клетки, если в ней существуют такие фонемы \bar{x} , \bar{y} , \bar{z} , что $F(x) = p \cup q \cup \Gamma$ (где p, q — признаки, а Γ некоторое объединение признаков), $F(y) = p' \cup q \cup \Gamma$, $F(z) = p \cup q' \cup \Gamma$ и в системе отсутствует фонема \bar{w} такая, что $F(w) = p' \cup q' \cup \Gamma$, причем соответствующее объединение признаков и называется «пустой клеткой». Теперь мы обобщим понятие системы без пустых клеток.

О.V.2. Система называется плотной, если для любых трех фонем \bar{x} , \bar{y} и \bar{z} из существования признаков p, p', q, q' таких, что $(p \cup q) \subseteq F(x)$; $(p' \cup q) \subseteq F(y)$ и $(p \cup q') \subseteq F(z)$, следует существование фонемы \bar{w} такой, что $(p' \cup q') \subseteq F(w)$.

Для иллюстрации возможных логических применений этого понятия мы вернемся теперь к вопросу, оставленному открытым в главе IV, а именно к соотношению между неоднородностью и совместимостью (или, наоборот, однородностью и несовместимостью). Мы перенесем теперь все понятия главы IV на признаки релевантные и, в частности, фонемные, а именно понятия критерия Маркуса, однородности, совместимости и т. п.

О.V.3. Назовем фонетическую систему регулярной, если:

- 1) каждый класс разбиения признаков состоит ровно из двух признаков (принцип бинарности);
- 2) система удовлетворяет критерию Маркуса;
- 3) если p и q сопряженные признаки, то $p=q$ (т. е. сопряженные признаки уже объединены);
- 4) все признаки, входящие в один класс разбиения, однородны;
- 5) каждый признак соответствует хотя бы одной фонеме.

Все эти условия вполне соответствуют фонологическим принципам и поэтому интересно, что при выполнении их верно следующее утверждение.

Т.V.1. В регулярной фонетической системе, которая является плотной, любые два неоднородных признака совместимы, а любые два несовместимых признака — однородны. В самом деле. Пусть p и q неоднородные признаки. Тогда, по условию 4), они входят в разные классы разбиения. По условию 5), существуют фонемы x , \bar{y} , а стало быть сегменты x и y такие, что $p \in \varphi(x)$ и $q \in \varphi(y)$. По условию 1), существует ровно один признак p' в одном классе с p и ровно один признак q' в одном классе с q (причем $p \neq p'$ и $q \neq q'$). По условию 2), система удовлетворяет критерию Маркуса и, стало быть, либо а) $q \in \varphi(x)$, либо б) $q' \in \varphi(x)$. Аналогично: либо а) $p \in \varphi(y)$, либо в) $p' \in \varphi(y)$. Если а), то теорема доказана, если же б) и в), то следует рассмотреть две ситуации: 1) не существует ни \bar{u} , ни \bar{v} таких, что $(p \cup q) \subseteq \varphi(u)$ и $(p' \cup q') \subseteq \varphi(v)$, и 2) существует хотя бы одна такая фонема. Если верно 1), то легко видеть, что p и q суть сопряженные признаки, а это противоречит условию 3). Наконец, если верно 2), то имеет место одно из двух: либо теорема сразу доказана, либо имеются три фонемы x , \bar{y} и \bar{v} такие, что $(p' \cup q) \subseteq \varphi(y)$, $(p \cup q) \subseteq \varphi(x)$ и $(p' \cup q') \subseteq \varphi(v)$. Поскольку система плотна, то p и q совместимы. Аналогично доказывается, что из несовместимости p и q следует их однородность.

V. 2. Представление фонемы как пересечения
ряда фонемных классов.
Фонологическая однородность

В фонологии часто приходится иметь дело не с отдельными фонемами, а с классами фонем. Ниже будет изложен один из возможных способов объединения фонем в классы и последующего упорядочения получающихся классов.

Этот способ предложен автором (Ревзин, 1962, с. 27, 28), но здесь он излагается в более простом и, как кажется, более естественном виде. Упрощение основано на следующем обстоятельстве. В отличие от ситуации, изложенной в Ревзин, 1962, мы теперь заранее имеем разбиение всех признаков на классы однородных между собой признаков:

$$m = \{M_1, \dots, M_n\},$$

причем, как было условлено, порядок классов M_i фиксирован. Например, для системы Σ_1 можно получить следующее разбиение признаков.

$$M_1 = \{\text{губность, переднеязычность, среднеязычность, заднеязычность}\}$$

$$M_2 = \{\text{глухость, звонкость}\}$$

$$M_3 = \{\text{твердость, мягкость}\}$$

$$M_4 = \{\text{смычность, щелищность, аффрикативность}\}$$

Пусть также все фонемы перенумерованы: x_1, x_2, \dots, x_p . Теперь упорядочим все фонемы следующим образом:

1) положим $i=1, j=1, k=1$ и перейдем к правилу 2;
2) проверим, не имеет ли равенство $i+1=n$, (где n — число классов признаков). Если да, то останавливаемся, если нет, полагаем $i=i+1, k=1$ и $j=1$ и переходим к правилу 3;

3) проверим, не имеет ли место равенство $k+1=p$ (где p — число фонем). Если да, переходим к 2, если нет, переходим к правилу 4;

4) Возьмем фонему x_k и объединим с нею в класс $K_j^{(i)}$ все фонемы, отличающиеся от x_k только признаками, входящими в M_i . Если число фонем, вошедших в $K_j^{(i)}$ равно l , то положим $k=l$ и $j=j+1$ и переходим к правилу 3.

Мы можем интерпретировать индекс (i) как номер очередного разбиения фонем на классы, а индекс j как номер класса этого разбиения.

Покажем действие этого алгоритма на примере системы русских шумных.

Пусть сначала все индексы равны 1. Тогда мы сразу переходим к правилу 4. Берем, например, фонему p и объединяем в класс $K_1^{(1)} = \{p, t, k\}$, теперь $j=2$ и переходим к правилу 2, а затем к правилу 3. Поскольку число фонем не исчерпано, переходим к правилу 4, берем какую-то фонему, например b и образуем класс $K_2^{(1)} = \{b, d, g\}$ и т. д. Когда все фонемы будут исчерпаны, в то время как классы признаков не будут еще исчерпаны, то мы положим $i=2, j=1, K=1$ и переходим к правилу 4. Вновь берем произвольную фонему, например, p и объединяем в класс $K_1^{(2)} = \{p, b\}$ и т. д. Легко проверить, что результат алгоритма будет следующим:

$K^{(1)}$	$K^{(2)}$	$K^{(3)}$	$K^{(4)}$
$K_1^{(1)} = \{p, t, k\}$	$K_1^{(2)} = \{p, b\}$	$K_1^{(3)} = \{p, p'\}$	$K_1^{(4)} = \{t, c, s\}$
$K_2^{(1)} = \{b, d, g\}$	$K_2^{(2)} = \{t, d\}$	$K_2^{(3)} = \{b, b'\}$	$K_2^{(4)} = \{t', s'\}$
$K_3^{(1)} = \{p', t', k'\}$	$K_3^{(2)} = \{k, g\}$	$K_3^{(3)} = \{t, t'\}$	$K_3^{(4)} = \{k, ch\}$
$K_4^{(1)} = \{b', d', g'\}$	$K_4^{(2)} = \{b', p'\}$	$K_4^{(3)} = \{k, k'\}$	$K_4^{(4)} = \{p, f\}$
$K_5^{(1)} = \{c\}$	$K_5^{(2)} = \{t', d'\}$	$K_5^{(3)} = \{g, g'\}$	$K_5^{(4)} = \{b, v\}$
$K_6^{(1)} = \{f, s, š, ch\}$	$K_6^{(2)} = \{k, g\}$	$K_6^{(3)} = \{f, f'\}$	$K_6^{(4)} = \{p', f'\}$
$K_7^{(1)} = \{f', s', š'\}$	$K_7^{(2)} = \{c\}$	$K_7^{(3)} = \{d, d'\}$	$K_7^{(4)} = \{b, v\}$
$K_8^{(1)} = \{v, z, ž\}$	$K_8^{(2)} = \{\acute{c}\}$	$K_8^{(3)} = \{s, s'\}$	$K_8^{(4)} = \{d, z\}$
$K_9^{(1)} = \{v', z', ž'\}$	и т. д.	$K_9^{(3)} = \{c\}$	$K_9^{(4)} = \{d', z'\}$

и т. д.

Построенное нами упорядочение фонем имеет следующий лингвистический смысл. Мы берем какую-то архифонему A и максимальный набор однородных признаков P_1, \dots, P_t таких, что A плюс любой из этих признаков составляют фонему данного языка. Теперь берем все фонемы, имеющие общую архифонему A_1 и различающиеся лишь признаками приведенного ряда. Так поступаем до тех пор, пока не исчерпаны все фонемы подсистемы, объединяемые в классы по совокупности переменных признаков. Мы будем говорить, что эта совокупность переменных признаков определяет некоторое разбиение, а архифонемы A, A_1 и т. д. определяют классы этого разбиения. Выбрав другую максимальную совокупность однородных признаков, мы получим новое разбиение и т. д.

Так, в нашем примере подсистемы шумных первое разбиение определяется совокупностью однородных призна-

ков места образования, второе разбиение — признаками участия и неучастия голоса, третье разбиение — признаками твердости и мягкости и, наконец, четвертое — совокупностью однородных признаков способа образования. В отличие от представления, разбиравшегося выше, здесь каждая фонема возникает не как объединение признаков, а как пересечение классов фонем, причем каждая фонема представляется как упорядоченная n -ка координат, где i -тая координата указывает на класс, в который попадает данная фонема при i -том разбиении.

В нашем примере каждая фонема определяется четырьмя координатами:

$$\begin{aligned} p &= (K_1^{(1)}, K_1^{(2)}, K_1^{(3)}, K_1^{(4)}) \\ b &= (K_2^{(1)}, K_1^{(2)}, K_3^{(3)}, K_5^{(4)}) \text{ и т. д.} \end{aligned}$$

Можно распространить такое представление на всю систему (добавив в качестве еще одной координаты номер подсистемы). Если применить данный способ к системе Σ_2 , то наша подсистема охватывала бы всю систему. Кроме того, признаки системы Σ_2 выбраны так, чтобы в каждый класс любого разбиения попало бы не более двух фонем (как в разбиениях $K^{(2)}$ и $K^{(3)}$ нашего примера). Перейдем к характеристике построенной системы.

O.V.3. Мы будем говорить, что некоторая подсистема является фонологически однородной, если для любых двух разбиений и для любых фонем x и y из условия $K^{(1)}(x) \cap K^{(2)}(y) \neq \emptyset$ (т. е. из наличия некоторой фонемы z , которая при разбиении $K^{(1)}$ принадлежит к тому же классу, что и x , и при разбиении $K^{(2)}$ принадлежит к тому же классу, что и y) следует $K^{(1)}(y) \cap K^{(2)}(x) \neq \emptyset$.

Интересно установить условия, при которых подсистема оказывается фонологически однородной. Наиболее важным условием является отсутствие «пустых клеток», о котором мы говорили в V.1.

T.V.2. Если подсистема не содержит пустых клеток, то она фонологически однородна.

Относительно рассмотренной подсистемы русских шумных мы не можем утверждать, что она однородна, ибо в ней сразу же устанавливаются пустые клетки. Но это еще не означает, что система фонологически неоднородна. Выяснить это наша теорема не помогает, и мы должны обращаться к анализу отдельных случаев. Но случаи неоднородности в ней действительно можно обнаружить.

Возьмем фонему t . По разбиению $K^{(4)}$ она относится к $K_1^{(4)} = K^{(4)}(c)$, а по разбиению $K^{(1)}$ относится к $K_1^{(1)} = K^{(1)}(p)$. Иначе говоря, $K^{(4)}(c) \cap K^{(1)}(p) = \{t\}$.

В то же время нет фонемы, которая одновременно принадлежала бы к $K^{(4)}(p)$ и $K^{(1)}(c)$. Такая фонема, вообще говоря, возможна: это аффриката pf , как она произносится в немецком слове Pfahl. Для русского языка вместо фонемы pf имеем пустую клетку, связанную с тем, что замена признака «смычность» признаком «аффрикативность» не приводит к образованию фонемы, имеющейся в данном языке.

О.V.4. Мы будем называть две фонемы соседними, если от одной из них можно перейти к другой, заменив ровно один признак. Количество фонем, соседних по отношению к данной фонеме, назовем рангом данной фонемы в данной подсистеме. Мы будем называть подсистему полной, если в ней любые две фонемы можно соединить цепочкой, в которой каждые две рядом стоящие фонемы соседние¹.

Т.V.3. В фонологически однородной подсистеме две соседние фонемы имеют одинаковый ранг.

С л е д с т в и е. В полной фонологически однородной подсистеме все фонемы имеют одинаковый ранг.

Таким образом, для полной фонологически однородной подсистемы можно ввести понятие ранга подсистемы, а именно определить это понятие как величину, совпадающую с рангом произвольной фонемы.

Рассмотрим теперь один из предыдущих примеров. Фонема t имеет в нашей подсистеме ранг 6 (соседние фонемы: p, k, d, t', s, c), а фонема p имеет ранг 5 (соседние фонемы: t, k, b, p', f).

Этого оказывается достаточным, чтобы наша подсистема была фонологически неоднородной.

Интересно, что в чешском языке ранг фонемы t , как и в русском, равен 6 (соседние фонемы p, k, t', d, s, c), а ранг фонемы p равен всего 4 (соседние фонемы t, k, b, f).

Это показывает, что понятие ранга может оказаться полезным при типологическом сравнении близкородственных языков.

Понятие полноты системы фонем позволяет сформулировать еще одно важное утверждение,

¹ О важности принципа полноты, первые указания на который еще у Водуэна де Куртене, см.: Топоров, 1960, с. 35.

Т.V.4. Если подсистема является полной и фонологически однородной, то она не содержит пустых клеток.

Практически это утверждение дает нам (вместе с теоремой V.2) критерий фонологической однородности, а именно отсутствие пустых клеток, так как обычно рассматриваемые в фонологии подсистемы полные. В частности, полной является подсистема из нашего примера. Понятие однородности важно по следующим соображениям.

О.V.5. В каждой подсистеме можно выделить подмножество фонем, образующих фонологически однородную подсистему. Всякое подмножество таких фонем мы будем называть ядром фонологической подсистемы. Так, в подсистеме нашего примера можно выделить ядро:

$K_1^{(1)} = \{p, t, k\}$	$K_2^{(2)} = \{p, b\}$	$K_3^{(3)} = \{p, p'\}$
$K_2^{(1)} = \{b, d, g\}$	$K_3^{(2)} = \{t, d\}$	$K_4^{(3)} = \{b, b'\}$
$K_3^{(1)} = \{p', t', k'\}$	$K_4^{(2)} = \{k, g\}$	$K_5^{(3)} = \{t, t'\}$
$K_4^{(1)} = \{b', d', g'\}$	$K_5^{(2)} = \{b', p'\}$	$K_6^{(3)} = \{d, d'\}$
	$K_6^{(2)} = \{t', d'\}$	$K_7^{(3)} = \{k, k'\}$
	$K_7^{(2)} = \{k', g'\}$	$K_8^{(3)} = \{g, g'\}$

Мы будем говорить, что некоторое разбиение является допустимым для данного ядра, если любые две фонемы, входящие в один класс этого разбиения, либо обе принадлежат, либо обе не принадлежат данному ядру.

Так, приведенное ядро допускает три разбиения $K^{(1)}$, $K^{(2)}$ и $K^{(3)}$. Наша подсистема имеет и другое ядро, состоящее из 16 фонем: $p, b, t, d, d', b', p', t', f, v, f', v', s, z, s', z'$. Однако для этого второго ядра (хотя оно и содержит большое число фонем) допустимы лишь два разбиения $K^{(2)}$ и $K^{(3)}$.

О.V.6. Назовем главным ядром подсистемы то ядро, которое допускает наибольшее число разбиений.

Так, главным ядром в нашем примере является первое из приведенных нами.

Понятие фонологической однородности представляется чрезвычайно важным для внутрисистемной характеристики каждого языка и даже для изменения инвентаря фонем и признаков.

*У. 3. Еще о соотношении фонемы и признака.
Понятие фонологического расстояния
и иерархия признаков*

В своем изложении мы старались следовать историческому развитию фонологической теории: сначала установили понятие фонемы, исходя из смысловозначительного и дистрибутивного принципов, а затем перешли к формированию понятия фонемы на основе понятий признаков и позиций.

Известно, что переход от понятия фонемы к понятию признака как более элементарному вызвал целую революцию в фонологии. Иногда выдвигается требование отказаться вообще от понятия фонемы, оставив лишь понятие релевантного признака, или во всяком случае рассматривать понятие фонемы как целиком производное по отношению к понятию признака.

Нам представляется, что понятия признака и фонемы логически равноправны и одинаково необходимы. Отношение между понятиями «признак» и «фонема», которое часто сравнивается с отношением между атомом и элементарной частицей, по-видимому (если вообще признавать плодотворность аналогий), целесообразнее сравнивать с отношением между понятиями «линия» и «точка»: в самом деле, точка есть пересечение нескольких линий, а линия есть объединение точек. Возможно (в связи с предложенным выше представлением), эта аналогия может быть продолжена. Так же, как в проективной геометрии возникает двойственность, а именно утверждения в терминах точек могут быть переписаны в виде утверждений в терминах линий — с заменой некоторых операций (например, объединения на пересечение и обратно), можно для ряда определений в терминах фонем построить аналогичные определения в терминах признаков. Вспомним, например, понятие совместимых признаков, которое мы применили для фонем: два признака p и q называются совместимыми, если существует фонема x такая, что $(p \mid q) \subseteq F(x)$. Из него легко можно получить двойственное понятие «соприкасающихся фонем».

О.V.7. Две фонемы x и y соприкасаются, если существует признак p такой, что $(F(x) \cap F(y)) \supseteq \{p\}$. Правда, реальная значимость такого понятия невелика. Более интересен следующий пример. Возьмем определение V.2.

и заменим в нем «фонемы» на «признаки» и обратно, а также поменяем местами операции объединения и пересечения:

О.V.8. Система называется признаково-плотной, если для любых трех признаков p , q и p' из существования фонем x , y , z и w таких, что $(F(x) \cap F(y)) \supseteq \{p\}$, $(F(y) \cap F(z)) \supseteq \{q\}$ и $(F(z) \cap F(w)) \supseteq \{p'\}$ следует существование признака q' такого, что $(F(x) \cap F(w)) \supseteq \{q'\}$. Полученное понятие чрезвычайно интересно. Дело в том,

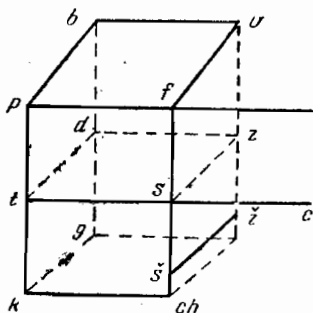

Рис. 2

что если фактически требование плотности для фонем достаточно часто нарушается (в связи с наличием «пустых клеток»), то требование признаковой плотности носит воистину универсальный характер, так как присутствует во всех изучаемых в фонологии фонетических системах. Поэтому эту закономерность, как и всякую универсалию, вскрыть довольно трудно (она кажется слишком очевидной).

Мы же получили данное понятие совершенно формальной процедурой, используя лишь принцип двойственности. Это показывает, что аналогия с линиями и точками в проективной геометрии действительно полезна.

Сравнение между фонемой и признаком, с одной стороны, и точкой и линией, с другой стороны, становится еще более обоснованным, если обратиться к геометрической интерпретации системы фонем в признаковой фонетике как многомерного куба, в котором классы признаков изображаются в виде прямых, а фонемы в виде точек. Например, если ограничиться тремя классами признаков M_1 , M_2 и M_4 (см. V.2), то получим схему (рис. 2).

Эта система геометрически интерпретируется как набор точек, возникающих на пересечении соответствующих гиперплоскостей. При этом очевидно, что расстояния между отдельными парами фонем в таком представлении не очень существенны. Это не значит, что в фонологии неприменимо понятие расстояния. Вернее сказать, что вводимое ниже понятие расстояния не меняется при преобразованиях, сохраняющих тождество в проективной геометрии.

Понятие расстояния вводится в признаковой фонетике следующим способом.

O.V.9. Пусть $F(x) = p_1 \cup \dots \cup p_n$, $F(y) = q_1 \cup \dots \cup q_n$, где i — номер соответствующего класса признаков. Тогда расстоянием между x и y называется число классов признаков, для которых $p_i \neq q_i$. Если в определении O.V.6 вместо $F(x)$ взять множество $\varphi(x)$, то мы будем иметь расстояние между звуками.

Понятие расстояния может быть использовано для решения следующего дискутируемого в фонологии (в том или ином виде) вопроса: должно ли противопоставление некоторых пар звуков, соответствующих двум разным фонемам, быть минимальным или нет. В терминах расстояния этот вопрос ставится так: каково свойство пар звуков (соответственно, фонем), расстояние между которыми равно единице. Будем считать, что каждая фонема есть сообщение. Как показано в теории кодов, в случае, когда расстояние между двумя сообщениями равно единице — при наличии каких-либо помех — соответствующие сообщения не будут различаться.

Из этого положения можно сделать два разных вывода. Первый состоит в том, что в фонетических системах не распознаются соответствующие ошибки. Этот вывод, по-видимому, не подтверждается практикой. Правильнее другой вывод, а именно, что в начале исследования звуковой речи в них не обнаруживается однородных признаков тем более, что увеличение исследованиями на основе дифференциальных признаков в последнее время привело к забвению того, что для устойчивости коммуникации чрезвычайно важны так называемые иррелевантные признаки (например, напряженность—ненапряженность согласных или открытость—закрытость гласных в русском языке), которые играют, видимо, важную роль в увеличении избыточности сообщения, а тем самым и при распозна-

вании ошибок ². Если же учесть, что должны быть заданы и классы иррелевантных признаков, то многие признаки перестают быть однородными.

В этой связи представляется чрезвычайно интересным наблюдение А. А. Реформатского о том, что для некоторых пар согласных в русском языке, например, для *l* и *l'* противопоставление по твердости и мягкости (недизности—дизности) сопровождается противопоставлением по признаку «невелиризованный—велиризованный (небемольный—бемольный)», а именно противопоставления распределяется следующим образом (Реформатский, 1958, с. 246—247).

Т а б л и ц а 6

Звук		Палатализация	Веляризация
Согласный	мягкий	+	—
	твердый	—	+

Как замечает А. А. Реформатский, замена ровно одного из признаков приводит не к противопоставленной фонеме, а к промежуточному звуку, воспринимаемому как нечто противоречащее нормам орфоэпии.

Как показали в своих исследованиях Л. В. Бондарко и Л. Р. Зиндер (Бондарко и Зиндер, 1966), аналогичное положение имеет место в русском языке в случае противопоставления глухих и звонких, а именно с акустической точки зрения глухость и звонкость в русском языке уже не могут рассматриваться как однородные. Эти авторы показали, что заменив глухость на звонкость, но оставив без изменения признак напряженности, мы не получим звука, опознаваемого носителем языка как звук русской речи. Аналогичные результаты получены теми же авторами для мягких и твердых.

Возникает вопрос, каков же реальный смысл однородности, если однородных признаков, по-видимому, не су-

² Один из создателей теории дифференциальных признаков подчеркнул, что контакт с теорией передачи сообщений позволяет избавиться от распространенного предубеждения, что недифференциальные признаки являются избыточными, см.: Jakobson, 1961, с. 246—247.

ществует. Ответ состоит в том, что однородные признаки должны определяться не для звуков, а для фонем. Иначе говоря, в логически строгой фонологической теории сначала должны определяться фонемы, а уже для них понятие однородного признака. Для этого вряд ли необходима существенная перестройка теории, так как при определении фонемы понятие однородного признака не должно использоваться.

Существенно отметить, что в качестве фонологического расстояния берутся параметры, не связанные с физическим расстоянием между местами артикуляции соответствующих звуков. Так, расстояние между *p* и *t* и *t* и *k*

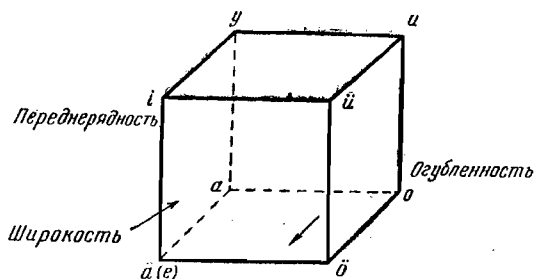

Рис. 3

в системе Σ_1 одинаково равно единице, хотя *t* артикулируется в непосредственной физической близости от *p*, в то время как *k* артикулируется вдали от обоих звуков. Этот постулат принят почти всеми фонологами. Но есть и исключения, например, концепция Г. П. Мельникова, к рассмотрению которой мы и переходим (Мельников, 1966).

Обычно система тюркского вокализма представляется в виде следующего трехмерного куба (Deny, 1955, с. 57, Черкасский, 1963) (рис. 3). Здесь расстояния между двумя рядом стоящими звуками, например, между *i* и *ü*, *u* и *o*, между *ä* и *a* одинаковы и всюду равны единице. Г. П. Мельников предлагает учесть действительные расстояния между местами артикуляции. В связи с этим куб превращается в усеченную пирамиду (рис. 4). Здесь расстояние между *i* и *ü* больше, чем расстояние между *e* и *ö* и т. п.

При такой трактовке, однако, очень трудно вводить численные меры. Впрочем, имеется одна попытка оценить

через числа различные места артикуляции. Речь идет о работе Ф. Хэрари и Дж. Петерсона (Peterson и Naray, 1961). В ней выделяется 5 классов признаков для подсистемы гласных и 5 классов — для системы согласных.

Для гласных

1. Вторичная артикуляция
2. Участие глотки
3. Направление воздуха
4. Ряд
5. Подъем

Для согласных

1. Вторичная артикуляция
2. Участие глотки (голосовых связок)
3. Направление воздуха
4. Способ образования
5. Место образования

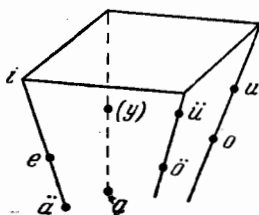

Рис. 4

Внутри каждого класса выделяются свои признаки, обозначаемые десятичными долями, например, у согласных, для класса 2 дается:

2.0 — глухие
 2.1 — звонкие;
 для класса 4:

4.0 — губно-губные	4.5 — палатальные
4.1 — губно-зубные	4.6 — веляризованные
4.2 — зубные	4.7 — увулярные
4.3 — альвеолярные	4.8 — фарингальные
4.4 — альвеолярно-палатальные	4.9 — глоточные

Далее предлагается числовая оценка расстояния между звуками, представляющая тройку цифр (единицы, десятые и сотые). Это число складывается из следующих компонентов: а) единицы — сумма номеров классов, в которых параметры звуков отличались; б) десятые — сумма признаков, по которым два звука отличались по всем классам; в) со-

тые — сумма разностей между значениями различающихся признаков по всем классам. Например, $D(d, z)$, т. е. расстояние между d и z , равно 5,22; расстояние между d и g равно 4,23. Разница в единицах вызвана лишь тем, что класс «способ артикуляции» имеет номер 5, а класс «место артикуляции» имеет номер 4. Различие в последней цифре обусловлено тем, что в четвертом классе значение «велярный» имеет номер 0,6, а значение «альвеолярный» — номер 0,3 ($0,6 - 0,3 = 0,3$), в то время как в пятом классе значение «фрикативный» имеет место 0,2, а «взрывной» — номер 0,4 ($0,4 - 0,2 = 0,2$). Особенно произвольными и лишними уже всякого лингвистического смысла становятся цифры, когда два звука различаются по двум и более классам. Так, $D(b, r) = 9,50$. Цифра 9 складывается из номеров классов 4 и 5. Что же касается цифры 0,50, то поскольку по каждому классу два разных звука не могут различаться более чем двумя параметрами, полагалось бы ожидать цифру 0,4. На деле так и получилось; однако сложение разностей номеров параметров дает $0,06 + 0,04 = 0,10$ и далее, по правилам арифметики, $9 + 0,4 + 0,10 = 9,50$, а в заданной лингвистической интерпретации номера классов складываются с номерами признаков внутри этого класса. Возникает вопрос о лингвистическом смысле такой информации (к тому же сама иерархия классов и признаков в них в высшей степени произвольна).

Следует согласиться, что различные противопоставления действительно неравнозначны, но что и модель расстояния от этой неравнозначности отвлекается.

Прежде всего очевидна разница между противопоставлениями нейтрализуемыми (где появляется понятие маркированности) и ненейтрализуемыми.

Однако среди нейтрализуемых противопоставлений есть определенная иерархия. Один из способов ее выявления — изучение различных типов рифм. Так, этимологические звонкие в абсолютном исходе почти всегда в русской поэзии рифмовались с глухими. С другой стороны твердые и мягкие рифмуются гораздо реже — и лишь в новой поэзии.

Однако нам представляется, что объединение двух разных подходов: а) модели расстояния и б) иерархии типов противопоставления, каждый из которых основан на известном упрощении, нецелесообразно. Если лингвист вводит понятие расстояния, то он должен сознательно отвлекаться

от неравноценности разных противопоставлений. Если же он хочет отразить иерархию противопоставлений, то должен использовать другие подходы.

V.4. Формальное определение фонемы с обращением к морфемному уровню³

O.V.10. Мы будем называть морфологически обусловленной фонетикой признаковую фонетику с заданной системой морфем.

Здесь впервые вводится понятие морфемы, которое до сих пор нами не использовалось, несмотря на то, что «истинная система» фонем несомненно соотнесена с морфемами и их свойствами. До сих пор мы отвлекались от таких связей с тем, чтобы более четко выявить признаки и свойства фонем. Теперь же мы хотим сделать еще один шаг по направлению к той истинной системе, которую фактически отражает интуиция фонолога вне зависимости от того, признает ли он возможность влияния морфологии.

Прежде всего надлежит уточнить смысл понятия морфемы, фигурирующего в определении O.V.10. Мы здесь не ставим перед собой задачу определить понятие морфемы через другие более простые понятия. Даваемое ниже «определение», собственно говоря, лишь уточняет требования к этому понятию, а не выводит его, ибо совокупность элементарных смыслов, о которой мы будем говорить, все равно должна предполагаться заданной извне. Пусть имеется функция Φ , сопоставляющая текстам последовательности элементарных значений.

O.V.11. Последовательность значений называется квазиморфемой Q , а любой из соответствующих ему участков текста T_1, \dots, T_n , т. е. таких, что для любого i $\Phi(T_i) = Q$ называется квазиморфемой, если выполнены следующие условия:

1) пусть $\Phi(T_i) = Q$ и $\Phi(T_j) = Q$. Тогда для любых f и g верно: если $fT_i g \in Q$, $fT_j g \in Q$, то $\Phi(fT_i g) = \Phi(fT_j g)$;

2) для любого T_i такого, что $\Phi(T_i) = Q$ существуют последовательности фонем f , g и h и последовательность элементарных значений Q' такие, что $Q \neq Q'$, $\Phi(h) = Q'$ и при этом верно $fT_i g \in \theta$ и $fhg \in \theta$.

³ Подробнее и с некоторыми отличиями понятие фонемы освещается в Ревзин, 1977, с. 116—127 (прим. сост.).

Условие первое обеспечивает, во-первых, то, что в пределах одной квазиморфемы невозможен разный смысл, а во-вторых, то, что выбранная система значений носит обобщенный характер: это те значения, которые проявляются во всех контекстах. Условие 2) говорит о том, что для каждой квазиморфемы есть хотя бы одна квазиморфема, противопоставленная ей.

О.V.12. Квазиморфема Q называется правильной, а соответствующие ей участки текста T называются морфмами, если Q нельзя представить в виде последовательности, состоящей из двух или более квазиморфем.

Второе требование может быть сформулировано и в более сильной форме: 2') Для любой пары текстов T_1 и T_2 таких, что $\Phi(T_1) = Q_1$, $\Phi(T_2) = Q_2$ и $T_1 T_2 \in \theta$, существуют f и g такие, что $T_1 f \in \theta$ и $g T_2 \in \theta$.

Применяя 2) и 2') мы, вообще говоря, получим разные системы морфем. Обычно в лингвистике считается достаточным именно требование 2), хотя и имеются разногласия по поводу того, должны ли выступать в оппозиции корневой морф или же морф грамматический (показателен в этом отношении известный спор между Г. О. Винокуром и А. И. Смирницким о морфемной сегментации слов типа *смородина*, см. Винокур, 1946, Смирницкий, 1956).

Еще одно требование, а именно полноты системы морфов также можно рассматривать как часть определения морфа (и далее морфемы).

О.V.13. Система морфов называется полной, если любая речевая цепь может быть представлена как последовательность морф, где каждый сегмент входит хотя бы в одну морфу.

На множестве морфов легко вводится отношение дополнительного распределения, а также отношение свободного варьирования, полностью идентичные сформулированным в III.

О.V.14. Пусть дано множество правильных квазиморфем и соответствующая ему полная система морфов. Назовем представлением квазиморфемы m множество морфов, полученное следующей процедурой: берется некоторый морф, соответствующий квазиморфеме m и не входящий ни в какое представление квазиморфемы m . Этот морф называется основой представления π квазиморфемы m .

Ядро представления квазиморфемы формулируется следующим образом:

а) основа представления входит в ядро представления квазиморфемы m ;

б) пусть морф x соответствует квазиморфеме x и дополнительно распределен по отношению к каждому морфу, входящему в ядро представления квазиморфемы m . Тогда морф x входит в ядро представления квазиморфемы m .

Ядро представления квазиморфемы m называется насыщенным, если оно не входит ни в какое другое ядро представления квазиморфемы m . Далее рассматриваются лишь насыщенные ядра.

Вариацией представления квазиморфемы m называется множество таких морфов, каждый из которых соответствует квазиморфеме m и находится в отношении свободного варьирования хотя бы с одним элементом ядра представления квазиморфемы m . Представлением квазиморфемы m называется объединение ядра m и вариации m .

О.V.16. Две правильные квазиморфемы Q_1 и Q_2 называются эквивалентными, если их представления совпадают.

Теперь, наконец, мы можем дать определение морфемы, обеспечивающее установление морфемного тождества.

О.V.17. Морфемой μ называется пара объектов m , $\pi(m)$, где m — класс эквивалентных правильных квазиморфем, а $\pi(m)$ — соответствующее ему представление.

Таким образом, морфема определяется как двусторонняя единица, формируемая как набором значений, так и множеством единиц выражения.

Одной и той же правильной квазиморфеме может, вообще говоря, соответствовать несколько морфем. Это означает, в частности, что синонимы, даже абсолютные, т. е. определяемые тем же набором элементарных значений, ср. хотя бы *путь* и *дорога* в русском языке, не объединяются в рамках морфемы.

Морфема объединяет лишь морфы, с одной стороны, передающие одно и то же значение, а с другой стороны, различающиеся позициями, в которых они употребляются. Эти позиции могут быть: а) фонологическими, б) грамматическими (сюда относится использование сушлестивных форм). Обратное, одна и та же морфема может соответствовать нескольким разным квазиморфемам.

V.5. Ресегментация с учетом морфемных границ

После того как текст представлен в виде последовательности морф, можно сформулировать еще одно запрещение, касающееся укрупнения сегментов. В II.2 было постулировано, что макросегмент не может распределяться на два слога. Аналогичное запрещение состоит в том, что макросегмент не должен распределяться на две морфы.

Принцип учета морфемных границ с теоретической точки зрения не вызывает никаких возражений. Существенно лишь учитывать два обстоятельства, связанных с применением этого принципа. Во-первых, его следует применять после того, как сегментация уже проведена, т. е. первоначально проводить сегментацию без учета морфемных границ. Речь должна идти о ресегментации на основе этого принципа. Во-вторых, ресегментации с учетом морфемного принципа должны в некоторых случаях подчиняться и сегменты, состоящие из одного одинакового звука.

Так, украинские и белорусские долгие мягкие типа t' : в $\dot{z}yt':a$, $\dot{b}rát':a$ по всем предшествующим критериям сегментации составляют единый сегмент. Но, если стать на морфологическую точку зрения, такая сегментация неприемлема, ибо морфемный стык проходит внутри сегмента. Поэтому следует согласиться с аргументацией Калнынь (Калнынь, 1961) и рассматривать соответствующие сегменты как двухфонемные сочетания.

Принцип единства морфем и требование, чтобы две алломорфы одной морфемы различались как можно меньше по своему фонемному представлению, побуждает объяснить некоторые различия между алломорфами одной морфемы нейтрализацией признаков. Например, при решении вопроса о признаках вокальности—невокальности и консонантности следует учитывать факты появления аллофонов, различающихся лишь наличием признака слоговости. Наличие таких аллофонов — один из основных постулатов теории сонантов, которые, по определению, являются звуками, ведущие себя по-разному в зависимости от соседних звуков, выступая как слоговые или неслоговые. Так, П. С. Кузнецов обращает внимание на то, что и звуковая единица (сегмент), занимающая одно и то же порядковое место в морфеме (элементарной значимой единице), может выступать то в слоговой, то в неслоговой форме

в зависимости от непосредственного соседства: «... в окружении неслоговых согласных — в слоговой, в соседстве со слоговой гласной — в неслоговой» (Кузнецов, 1968, с. 212). П. С. Кузнецов указывает, что в русском литературном языке в таком отношении находятся лишь *i* и *i*, но по говорам эта область расширяется.

Обращение к морфологическому уровню позволяет решить две задачи: отождествление морфем и отождествление через морфему. У первоначальных единиц фонологического уровня есть, как известно, важнейшая задача — функция отождествления единиц следующего уровня языка и, в частности, алломорфов одной морфемы. Именно этот аспект был специально выделен московской фонологической школой. Принцип единства алломорфов одной морфемы в разных фонетических позициях может быть *vice versa* обращен на объединение звуков в фонемы. Если разные пары морфов вида $m_1 = fxg$ и $m_2 = fyg$ принадлежит каждый раз к одной морфеме (для достаточно большого числа последовательностей f и g), можно сформировать гипотезу о принадлежности x и y к одной фонеме. Исходя из сказанного, систему понятий, выработанную в концепции московской фонологической школы, можно формализовать следующим образом.

О.V.18. Два сегмента x и y соотносены относительно начал пары морфов m_1/m_2 , если $m_1 = u_1, \dots, u_k x_{k+1}, \dots, u_n$, $m_2 = v_1, \dots, v_k y v_{k+1}, \dots, v_m$, т. е. если они стоят на одинаковом расстоянии от начала морф.

Аналогично определяется соотношенность относительно концов пары морф. Два сегмента x и y соотносены относительно пары морф m_1/m_2 , если они соотносены относительно начал или относительно концов этих морф.

О.V.19. Альтернативным рядом называется множество сегментов x_1, \dots, x_n , для которых существуют m_1, \dots, m_m такие, что 1) все m_i относятся к одной морфеме; 2) для любых i и j ($1 \leq i, j \leq n$) x_i и x_j соотносены относительно пары m_k/m_l ($1 \leq k, l \leq m$). Назовем морфонемой пару объектов $A(x_1, \dots, x_n)$, $F(x_1, \dots, x_n)$, где все x_i относятся к одному альтернативному ряду, а через $F(x_1, \dots, x_n)$ обозначено пересечение всех фонемных признаков, т. е. $F(x_1) \cap, \dots, \cap F(x_n)$. Таким образом, в один альтернативный ряд входят в русском языке [k], [k'], [č], ср. *рука*, *руке*, *ручной*. Соответствующая морфонема включает, кроме того, признаки заднеязычный, глухой, шумный.

Этот пример показывает, что морфонема еще не является фонемой, в понимании московской школы, которая включает лишь позиционно чередующиеся сегменты.

О.V.20. Два сегмента x и y , входящие в один альтернативный ряд, входят в один фонемный ряд, если они входят в одну правопозиционную фонему, либо в одну левопозиционную фонему, т. е. если любой фонемный признак p , входящий в $F(x)$, но не входящий в $F(y)$, или наоборот, входящий в $F(y)$, но не входящий в $F(x)$, нейтрализуется в любой позиции ($\sigma(x)$, $\varepsilon(z)$) или ($\sigma(y)$, $\varepsilon(z)$), где z сегмент, непосредственно следующий за x (соответственно: предшествующий x).

Наконец, мы можем сформулировать аналог московской фонемы (или гиперфонемы, используя термин В. Н. Сидорова).

О.V.21. Назовем гиперфонемой пару объектов ($M(x_1, \dots, x_n)$, $F(x_1, \dots, x_n)$), где $M(x_1, \dots, x_n)$ есть фонемный ряд, а $F(x_1, \dots, x_n)$ имеет тот же смысл, что и в определении V.6.

Здесь уже k и k' входят в одну гиперфонему, ибо перед e всегда встречается k' , а \check{s} не входит в эту гиперфонему, ибо возможно сочетание kh . Фонемные ряды, вообще говоря, могут пересекаться. Такова ситуация в русском языке, где имеются фонемные ряды $\{o, a, \tau\}$ и $\{a, \tau\}$, причем член, входящий в оба ряда, т. е. a , может выступать в одной позиции, ср. $v\acute{a}d\acute{a}$ (из ряда o, a, τ) и $st\acute{a}d\acute{a}$ (из ряда a, a, τ).

Впрочем, эта ситуация исключительная, она встречается лишь в тех славянских языках и диалектах, где имеется аканье.

Приведенные примеры показывают, что в действительности морфологические соображения играют для системы истинных фонем гораздо большую роль, чем это иногда принимается.

Однако — и здесь надо признать последовательность московской фонологической школы — введение постулата простоты, т. е. невхождения одной позиционной фонемы в два фонемных ряда, привело бы к отказу от принципа минимизации. Московская школа действительно сокращает число фонологических единиц по сравнению с любой системой, основанной на простоте.

Формальное определение гиперфонемы является итогом предложенного пути, цель которого состояла в том,

чтобы, отказавшись от упрощения, сформулировать на точном языке, с помощью определений и теорем, то представление о фонеме, которое вкладывается в это понятие разными фонологическими концепциями. Этот путь отмечен вехами: сегментная фонетика — признаковая фонетика — морфологически обусловленная фонетика. Каждая последующая система понятий, как мы видели, включает в себя в качестве составной части предшествующую, но одновременно происходит обогащение и углубление формализованной системы. При этом, если наиболее бедная система, связанная с теорией и практикой дескриптивной лингвистики, поддавалась формализации сравнительно легко, признаковая фонетика потребовала выражения на точном языке всей сложной совокупности парадигматических отношений между фонетическими признаками, которые и составляют в действительности богатый аппарат изучения фонологического уровня языка, выработанный в лингвистической традиции. В морфологически обусловленной фонетике это внутреннее богатство содержания достигает своего предела, сочетаясь со способностью к предельно тонкому отражению механизма действия фонологического яруса в его тесной взаимосвязи со следующим, морфологическим ярусом языковой системы.

* * *

Фонологическая теория, изложенная в первой части, развивает ту концепцию языка, которая была разработана автором в книгах: Ревзин, 1962 и Ревзин, 1967. Но подход к моделированию языка вообще и к теоретико-множественной концепции в особенности подвергся, как можно видеть, весьма глубокому изменению. Теоретико-множественный аппарат продолжает применяться, но совершенно иначе интерпретирует результаты его применения, а также место моделирования и его задач. Предлагаемая концепция моделирования поможет, как кажется, преодолеть кризис, несомненно обнаружившийся в последние пять—шесть лет в области моделирования языка (а может быть, и всей структурной лингвистики).

Хотя этот новый подход демонстрируется лишь на материале фонологии, его распространение на другие лингвистические дисциплины могло бы оказаться плодотворным и для них.

Вопреки пренебрежительному отношению к собственно фонологической проблематике со стороны ряда ученых, занимающихся порождающими грамматиками и теорией синтеза, можно утверждать, что фонология является не только лабораторией методов и общих представлений, применимых во всех областях лингвистики и, шире, семиотики. Фонология и сама по себе представляет значительный интерес, раскрывая важные аспекты функционирования языка. Фонологическая проблематика далеко не исчерпала себя и в ней имеется достаточно нерешенных проблем, подчеркнуть значение которых мы и пытались в данной работе.

При этом множество проблем возникает только из-за неразработанности, а иногда и очевидной двусмысленности используемого в фонологии языка. Уточнение языка фонологии, хотя и не снимает ее основных проблем, связанных с объективной сложностью объекта, поможет отделить существенные проблемы от менее существенных.

С другой стороны, ни в коей мере не следует преуменьшать значение вызова, брошенного классической фонологии Хомским и его последователями. Дело не только в том, что при неединственности обычных фонологических решений аппарат порождения дает возможность выбрать более адекватное, но и в том, что во многих случаях, например при решении проблем нейтрализации, описание в терминах правил преобразования оказывается более эффективным, чем описание в терминах заданного распределения значимых цепочек и признаков.

Но нельзя искусственно ограничивать описание только одним заданным углом зрения. Одновременное рассмотрение аналитических и синтетических моделей является наиболее эффективным способом адекватного описания предмета, поскольку синтетические модели — при несомненно большей объяснительной силе — существенным образом зависят от самого исследователя, в то время как аналитические модели покоятся на более объективных предпосылках, хотя сами по себе — без параллельного рассмотрения порождающих моделей — достаточно беспомощны. Дальнейший ход развития фонологии позволит оценить внутренние потенции этой научной предпосылки.

Часть вторая

Структурно-типологический подход в грамматике.

Категория определенности—неопределенности

Глава I

Категория определенности — неопределенности и общие вопросы структуры языка

I.1. Семиотические предпосылки структурного описания языка

Семиотика — это наука об общих свойствах знаковых систем. Она занимается не только языками в обычном смысле этого слова, но и искусственными языками, например логическими языками и рядом других знаковых систем. Поскольку человеческий язык является знаковой системой, для его исследования могут применяться другие знаковые системы, например язык логики. При этом, однако, возникает проблема, как учесть те различия, которые обнаруживаются между языком и другими знаковыми системами. Этим мы займемся в данной главе.

Основные свойства и функции языка. Человеческий язык обслуживает целый ряд человеческих потребностей. Это определяет следующие его свойства:

- 1) универсальность: язык обслуживает любую человеческую деятельность;
- 2) незамкнутость: язык может включать в себя все новые элементы;
- 3) креативность: язык может выражать новое содержание старыми средствами, т. е. в нем могут появляться все новые и новые предложения;
- 4) изменчивость: язык может меняться;
- 5) стабильность: для носителя языка язык представляется неизменным.

При этом язык выполняет три основные функции:

1. Функция общения, или коммуникативная функция; под этим мы понимаем установление контакта между говорящим и слушающим и создание условий, в которых может происходить передача сообщения, т. е. создание исходной системы координат времени, места и оценку говорящим отношения сообщения к действительности; в качестве частного случая этой функции можно выделить фасциативную (термин Ю. В. Кнорозова), или конативную, функцию, состоящую в воздействии на волю слушающего с целью подготовки его к восприятию сообщения в желаемом смысле (в стилистике эта функция приобретает самостоятельную роль, но в грамматике она менее существенна).

2. Функция передачи мыслительного содержания, или когнитивная функция: речь идет о фиксации и объективации мысли, соответствующей некоторой внеязыковой действительности¹.

Обе эти функции отражают инструментальную роль языка, т. е. указывают на нечто внеположенное языку, на то, ради чего язык существует и функционирует. Но язык является не только орудием, но и системой, и поэтому у него есть еще одна важная функция.

3. Функция самоорганизации: речь идет о том, что язык направлен не только на обслуживание потребностей в общении, но и на постоянное поддержание степени своей организованности как в парадигматическом плане, т. е. во внутренней организации классов слов, так и в синтагматическом плане, в оформлении сообщения.

Все языковые средства так или иначе участвуют в выполнении всех трех функций. Тем не менее для лингвистики чрезвычайно важно выделение средств, категорий и целых классов слов, преимущественно ориентированных на одну из указанных функций. Это существенно и потому, что — в отличие, например, от логического языка, целиком ориентированного на когнитивную функцию, или флаговой сигнализации на флоте, целиком ориентированной на коммуникативную функцию — естественный язык характеризуется гармоничным сочетанием всех трех функ-

¹ Иногда употребляется термин «экспрессивная функция», но он многозначен. Неудобен и термин «моделирующая функция», поскольку термин «модель» применяется обычно не к языку, а к его описаниям.

ций. В германистике известна попытка разделить первые два аспекта — применительно к грамматическим категориям — а именно разделить «логико-грамматические» (в наших терминах «когнитивные») и «коммуникативно-грамматические категории». Речь идет о концепции В. Г. Адмони (Адмони, 1955)², которая во многом повлияла на излагаемую ниже.

Важность когнитивного аспекта. Предикаты и термины. Анализ каждого высказывания с точки зрения той объективной действительности, которую оно отражает, или, точнее, того мыслительного содержания, которое было зафиксировано в связи с некоторым фактом действительности, дает возможность сопоставлять между собой разные предложения, отождествлять и разграничивать их и тем самым выявлять их внутреннюю структуру в той мере, в какой она представлена в терминах компонентов высказывания. Всякое высказывание можно разложить на ряд простых элементарных высказываний, которые мы будем называть ядерными и которые, как правило, можно представить в виде: а) объект *a* обладает свойством *P* — в логической записи: $P(a)$, либо б) объекты *a, b, c, d, e, . . . , k* находятся в отношении *R* — в логической записи: $R(a, b, c, d, e, . . . , k)$. Обозначения объектов называются т е р м и н а м и, а обозначения свойств и отношений называются п р е д и к а т а м и — в первом случае одноместными, а во втором многоместными. Например:

к типу а) относятся:

В виде предложений языка

Karl ist klug
Karl schläft lang
Karl ist Lehrer

В логической записи

Klug sein (Karl)
Lang schlafen (Karl)
Lehrer sein (Karl)

к типу б) относятся:

Karl ist stärker als Peter
Karl sieht Peter gut
Karl gibt Peter Geld

Stärker sein (Karl, Peter)
Gut sehen (Karl, Peter)
Geben (Karl, Peter, Geld)

Из отдельных элементарных высказываний могут образовываться сложные высказывания. Способ образования сложных высказываний в логической записи строго регламентирован: высказывания могут связываться при помощи так называемых функторов:

² По существу, близкое разделение у Э: Кошмидера (Koschmieder, 1965).

& соответствует союзу *и* (und),

V соответствует неразделительному союзу *или* (oder),
→ соответствует условному *wenn*.

В языке сложные высказывания строятся как при помощи союзов, так и чисто синтаксическими средствами, например:

Karl ist klug und Paul ist dumm

(Klug sein (Karl)) & (Dumm sein (Paul))

Ehrliche Männer erkennen ihre Fehler

(Ehrlich (Männer)) → (Erkennen (Männer, Fehler))

К числу функторов относится также и отрицание. Целесообразно объединить союзы и отрицательную частицу *nicht* в класс слов-функторов. Приведем примеры отрицательных высказываний в языке и в логической записи:

Karl ist nicht klug

Klug sein (Karl)

Karl ist nicht stärker als Peter

Stärker sein (Karl, Peter)

Другие характеристики глагола, в том числе те, которые составляют лингвистическую сущность предложения, а именно лицо, время, наклонение, в логической записи не отражаются — и это весьма характерно для когнитивного аспекта. Из приведенных примеров логической записи очевидно, что когнитивный аспект ограничивается исследованием логического или понятийного содержания высказывания (т. е., например, того, что зафиксировано в правой колонке на стр. 135).

Для последнего понятия в немецкой лингвистике иногда употребляется термин *Satzbegriff* (Brekle, 1970), который, однако, многозначен (*Satzbegriff*, вообще говоря, может быть переведено и как «понятие предложения», а для предложения характерны как раз категории лица и наклонения, которые исключаются этим понятием). В нашей литературе предлагается также термин «номинативный аспект предложения» (Арутюнова, 1971), однако этот термин также многозначен, а главное, отрывает соответствующую точку зрения на языковые явления от тех функций языка, которые мы описали выше. Выбрав термин «когнитивная» функция, мы хотим сохранить его и для соответствующей точки зрения на язык. Поэтому мы будем

говорить не только о когнитивной функции, но и когнитивном аспекте, когнитивных средствах и т. п.

Когнитивное содержание предложения можно также сопоставить с понятием «диктум» в концепции Ш. Балли (Балли, 1955). В немецком языке имеется даже формальное средство его выделения: это то, что можно заменить на *es* (как мы увидим ниже, на *es*, а именно *es*₂, заменяется некоммуникативная часть сказуемого, но это же *es* может быть ссылкой на все предложение — вне зависимости от того, выступает ли его содержание как коммуникативно оформленное или в виде синтаксического конденсата).

Недостаточность чисто когнитивного описания. В последнее время преобладает тенденция описания структуры языка, исходя из заданности мыслительного содержания для каждого конкретного предложения в виде некоторой структуры, состоящей из предиката и относящихся к нему термов. В частности, современная теория порождающих грамматик описывает язык с этой точки зрения. Достигнутые при этом результаты несомненны. Однако описание таких аспектов, как актуальное членение предложения (Dahl, 1969), структура категорий лица, времени и наклона, специфика наречий типа *здесь — там* в чисто когнитивном аспекте оказалось явно нецелесообразным, а в известном смысле и анахронистичным, ибо еще в середине 50-х годов ряд исследователей независимо друг от друга обратили внимание на коммуникативную специфику соответствующих категорий. Достаточно вспомнить учение Р. Якобсона (Якобсон, 1972) о «шифтерах» (подвижных определителях) и теорию известного логика Р. Рейхенбаха (Reichenbach, 1948) о «самообращенных на знак» (*Zeichen — reflexiv*) категориях, т. е. категориях, которые могут быть определены исходя только из факта, что данный образец знака (т. е. данная речевая последовательность) произнесена в данной ситуации.

В чисто когнитивном аспекте местоимение, например *er*, есть обозначение некоторой переменной величины, могущей принимать самые разнообразные значения: так, фраза *Er ist groß* может быть представлена в виде *Groß sein (x)*, где *x* может принимать произвольное значение *der Knabe, der Alte, der Schlosser, der Damm* и т. п. Очевидно, однако, что конкретное значение фразы *Er ist groß* такой записью не передается. Достаточно указать, что в момент произнесения фраза *Er ist groß* истинна или ложна, ибо имеется

в виду совершенно определенный предмет, в то время как *Groß sein* (x) не является высказыванием в этом смысле, ибо это выражение не истинно и не ложно и становится таковым только тогда, когда вместо x подставляется терм; подобные выражения называются в логике пропозиционными функциями. Однако разница между x в пропозиционной функции и eg в высказывании *Er ist groß* не в когнитивном, а в коммуникативном плане. Этот план полностью отсутствует в пропозиционной функции. В местоимении первично коммуникативное значение; оно более важно, чем когнитивное, и состоит в указании на объект, не участвующий в акте коммуникации, но обязательно включенный в ситуацию. Дальнейшее реляционное использование этого коммуникативного значения приводит к указанию на объект, уже упомянутый в сообщении (т. е. вновь устанавливается чисто коммуникативное отношение между обозначенным и сообщением о нем), что приводит к заместительной роли местоимения. Только последний аспект формализуется в порождающих грамматиках (трансформация прономинализации). Но этот подход, неприменимый, кстати, уже к 1-му и 2-му лицу, тем менее применим к другим коммуникативным средствам, например, к некоторым использованиям артикля или к грамматическому времени, где особенно очевидна обращенность знака не только на описываемую действительность, но и на само сообщение о ней.

Часто делаются попытки передать в «глубинной структуре» высказывания, т. е. в логической записи его содержания, роль говорящего и слушающего; например, предложение *Karl war Lehrer* получает запись типа: *Der Sprechende glaubt und teilt dem Hörenden mit: [Lehrer sein (Karl)] & Vergangen sein [Lehrer sein (Karl)]*. Какую бы дальнейшую формализацию ни получила часть, включающая понятия *Sprechende* и *Hörende*, она не может претендовать на фиксацию мысли вне актанта общения и до текста ³ (хотя и служит «насыщением» его). Это же касается выражения *Vergangen sein* в *Vergangen sein [Lehrer sein (Karl)]*; здесь, правда, может быть подчеркнут тот факт, что предикат «прошлое» относится не к некоторому терму, а к целому высказыванию. Однако никак не отра-

³ В описаниях языка по модели «от смысла к тексту» требование независимости смысла от текста очевидно.

жено другое обстоятельство: а именно то, что в отличие от предиката *Lehrer sein*, который никак не зависит от говорящего, предикат «прошлость» меняется в зависимости от позиции говорящего, т. е. отражает отношение сообщения к действительности. Но это выходит за пределы истинных возможностей чисто когнитивного описания и именно поэтому не нашло отражения в предложенной записи.

Специфика коммуникативных категорий. Термин «коммуникативный» достаточно расплывчат, но мы употребляем его во всей книге в узком смысле. Коммуникативным мы называем любое значение некоторого элемента языка, как грамматического, так и лексического, если формулировка этого значения невозможна (или неполна) вне фиксации отношения между говорящим (или слушающим), его пространственно-временной локализацией, с одной стороны, и конкретным высказыванием, включающим этот элемент, — с другой. Это отношение между конкретным высказыванием и говорящим может включать в себя как пространственно-временную локализацию говорящего (или слушающего) относительно названных в сообщении объектов, так и отношение между говорящим (слушающим), сообщением и реальной действительностью. В первом случае речь идет, например, о значениях, связанных с лицом или грамматическим временем, во втором — о категории наклонения (или коммуникативной модальности).

Таким образом, говоря о коммуникативном значении, мы имеем в виду не просто значение, важное для акта коммуникации, ибо в той или иной мере каждая категория, каждое значение обслуживает его, а значение, немислимое вне акта коммуникации. Так, категории числа, рода и падежа существительного, несомненно, существенны для акта коммуникации и определяются говорящим, а не только системой языка. В частности, именно говорящий может представить объект как расчлененный, употребив множественное число (ср. образования типа *Vergangenheiten*), подчеркнуть, что существен именно женский пол (в примерах типа *Sie ist seine Freundin*), и т. п. Тем не менее для формулировки значения этих категорий не требуется знания ни пространственно-временной локализации говорящего, ни отношения между высказыванием и действительностью. Значения этих категорий формулируются в признаках, лишенных какого-либо отно-

шения между высказыванием, ситуацией и участниками акта коммуникации.

Коммуникативные категории действительного выражаются в сопровождающих словах: артиклях и местоимениях (хотя, как мы увидим, не всякое значение артикля или местоимения коммуникативно, в частности некомуникативны выражаемые ими значения универсальности, т. е. справедливости для любых ситуаций и поэтому независимости от ситуации).

Коммуникативными являются такие глагольные категории, как лицо, время, наклонение. Каждая из этих категорий является специфическим проявлением некоторых более общих значений — коммуникативных по своей природе — и выражающихся различными средствами в различных частях речи. В частности, первые две категории связаны с приуроченностью — неприуроченностью к акту коммуникации, к *hic et nunc* 'сейчас и здесь'.

В категории лица (местоимение и глагол) это противопоставление отделяет 1-е лицо от 2-го и 3-го. В категории времени (глагол) это противопоставление отделяет настоящее время от прошедшего и будущего. Связь приуроченных к акту коммуникации категорий в разных частях речи проявляется в том, что по законам нормальной коммуникации (Ревзина и Ревзин, 1970) нельзя сказать: *Ich bin nicht hier, ich bin dort* (хотя это предложение грамматически правильно и, вообще говоря, можно придумать ситуацию, в которой оно было бы осмысленно). Если один из членов обладает значением неприуроченности, то фраза получается вполне естественной: *Du bist nicht hier, du bist dort; Ich war nicht hier, ich war dort*.

В некоторых местоимениях-прилагательных (*dieser — jener*) и коммуникативных наречиях (*hier — dort*) имеется лишь это противопоставление по приуроченности к акту коммуникации.

Категория лица наряду с противопоставлением по приуроченности к акту коммуникации знает еще одно противопоставление — по охваченности актом коммуникации: 2-е лицо не приурочено к акту коммуникации как 1-е, но оно охвачено им по сравнению с 3-им лицом. Вообще говоря, оба противопоставления независимы: мыслима ситуация, когда объекты приурочены к акту коммуникации, но не целиком охвачены им, ср. значение *wir = ich + er*, противопоставленное значению *wir = ich + du*. В немецком

языке эти значения формально не противопоставлены, но имеются языки, где грамматически различается инклюзивное и эксклюзивное множественное число личных местоимений. Оба значения дают следующую систему противопоставлений:

Т а б л и ц а 7

Лицо	Время	Место	Охва- ченность	Приуро- ченность
1-е ед. ч.	настоящее	hier	+	+
1-е мн. ч.	»	dieser		
2-е » »	прошедшее	dort	-	+
3-е » »	будущее	jener	-	-

С приуроченностью к акту коммуникации семиотически связано и другое противопоставление: по реальности, наблюдаемости события или же его ненаблюдаемости, гипотетичности. Реально прежде всего то, что происходит сейчас и здесь; поэтому фраза типа *Ich sei hier* или *Ich wäre hier* возможна лишь в несобственном употреблении, предполагая другого говорящего и другой акт общения, который служит объектом пересказа. В некоторых языках наблюдаемость—ненаблюдаемость выражается специальными формами. В немецком языке данное противопоставление грамматикализуется прежде всего при помощи форм наклонения, но оно косвенно связано и с противопоставлениями по времени. Так, будущее время может смыкаться с выражением гипотетичности.

Выше говорилось, что частным случаем коммуникативной функции является фасцинативная функция, которая наиболее существенна для стилистики. Арсенал собственно грамматических фасцинативных средств невелик. Сюда относятся, например, интонация, форма императива, восклицательные частицы *he*, *heda*, *na*, обращение; в немецком языке нет специальной формы звательного падежа, тем не менее имеются специфические особенности оформления обращения и такие специальные средства, как «этический дательный». Обычно эту форму просто рассматривают среди падежных. Для этого есть некоторые основания (семантические признаки дательного проявляются и здесь), однако в этой форме выступают только личные местоимения 1-го и (реже) 2-го лица, которые нельзя заменить фор-

мой дательного падежа существительного. Фасцинативное значение этического дательного состоит в том, что подчеркивается присутствие говорящего; характерно сочетание этой формы с таким фасцинативным средством, как императив, где присутствие говорящего как раз не выражено.

Наконец, средством выражения фасцинативности служат различные эллиптические формы, например опущение личной формы сказуемого. Отсутствие структурно необходимой личной формы глагола имеет фасцинативный эффект в том смысле, что останавливает внимание слушающего, заставляет его сопоставить фразу с нормативной.

Переходим теперь к чисто реляционным средствам. Сюда относятся предлоги и союзы, категория падежа существительного, категория склоняемости — несклоняемости прилагательного, разные типы управления и, в частности, противопоставление интранзитивированных — неинтранзитивированных форм в глаголе и т. п. Чисто реляционные средства не когнитивны (не отражаются в логической записи) и не коммуникативны (не связаны отношением между актом коммуникации и высказыванием). Наряду с чисто реляционными средствами и категориями имеются смешанные реляционно-коммуникативные и реляционно-когнитивные категории и средства. Кроме того, некоторые коммуникативные средства могут получить чисто реляционное употребление.

Коммуникативные и когнитивные локализаторы. Локализаторами мы будем называть элементы, ограничивающие ту область, на которую распространяется высказывание. Их также можно разделить на когнитивные и коммуникативные.

Когнитивные локализаторы принято называть кванторами. Они указывают, для каких термов из соответствующей предметной области выполняется предикат. Так, высказывание *Der Löwe ist ein Raubtier* получает запись: $(\forall x) [Löwe(x) \rightarrow Raubtier(x)]$ (читается: для всякого x из того, что x есть лев, следует, что x есть хищник). Высказывание *Jemand gab Peter Geld*, если оно не трактуется как пропозиционная функция, получает логическую структуру $(\exists x) [Geben(x, Peter, Geld)]$ (читается: существует x такой, что x , Петр и деньги суть термы в трехместном отношении *дать кому что*).

Знак \forall называется квантором универсальности, а знак \exists — квантором существования. Кроме них, воз-

можны кванторы, указывающие на то, что выбирается один или более чем один объект из множества и т. п.

Коммуникативные локализаторы устанавливают место тех или иных объектов по отношению к участникам акта коммуникации и акту речи.

Функцию чистых локализаторов выполняют в немецком языке слова *der, ein, dieser, jener, all, solcher, jeder, mancher, viele, einige, mehrere, irgendein, irgendwelcher, keiner*. Неоднократно отмечалось, что они обладают близкими дистрибутивными свойствами, и предлагалось все их считать артиклями. Выделение когнитивных и коммуникативных локализаторов расщепляет это множество на три класса.

Признак коммуникативности, т. е. чего-то, имеющего смысл лишь в конкретном акте коммуникации, в явном виде присущ лишь двум словам из этого списка, а именно *dieser* и *jener*, которые понятны только в конкретной ситуации общения либо в связном тексте.

Признак когнитивности характеризует слова *all, solcher, jeder, mancher, viele, einige, mehrere, irgendein (-welcher)*, которые в логической записи отражаются как кванторы.

Наконец, слова *der* и *ein* нейтральны по обоим противопоставлениям: они имеют как коммуникативное значение, будучи связанными с ситуацией, так и независимое от ситуации кванторное значение.

Эта нейтральность артикля способствует его употреблению в чисто реляционном значении, например для выражения падежа, ср. *Er war Gast*, но неверно **Er glich Gast* (*Er glich einem Gast*).

Таким образом, в семиотическом отношении артикли резко отделяются от местоимений своей нейтральностью по коммуникативности и когнитивности и повышенной реляционностью. Это делает их основным строевым элементом как в парадигме существительного, так и в группе его.

П р и м е ч а н и е. Немаркированность артиклей, особенно определенного, отчетливо проявляется в высокой частоте их употребления в тексте по сравнению с перечисленными местоимениями.

Локализаторы можно классифицировать и по другому критерию, а именно в зависимости от того, указывают ли

они на отношение к объемлющей совокупности, т. е. ко всему множеству предметов данного рода, или же определяют ту область, к которой относятся соответствующие предметы. К первой группе относятся *alle, manche, meh- gere, viele* и т. п. Ко второй группе относятся *diese, solche, jene*. Члены этих групп различаются порядком следования в группе существительного.

Текст, контекст, ситуация. Каждое высказывание произносится в определенной ситуации и составляет нечто неотчуждаемое от этой ситуации в том смысле, что недостающие части высказывания восполняются из того, что находится перед глазами говорящего и слушающего (не говоря уже о жестах, выражении лица и позе говорящего, которые также участвуют в выражении смысла высказывания). Ситуация определяет всех участников соответствующего действия — вне зависимости от того, названы ли они явно в высказывании, — а также те условия времени и места, в которых имеет место высказывание — опять-таки безотносительно к тому, названы ли эти условия явным образом.

Это обстоятельство хорошо известно в методике обучения иностранным языкам, где, как правило, каждое высказывание рассматривается в соответствующей ситуации (на этом основаны и все преимущества так называемого аудио-визуального метода). Тем не менее в грамматике мы можем рассматривать лишь то, что выражено средствами языка.

Эту трудность можно преодолеть следующим образом. Каждое высказывание может рассматриваться на фоне некоторого другого, которое мы будем называть насыщением данного высказывания и для которого характерно выполнение следующих требований: а) в нем явно выражены все предикаты и заполнены все места каждого предиката (требование «когнитивной полноты») и б) названы все участники акта коммуникации, условия места и времени и обстоятельства, делающие действие возможным (требование «коммуникативной полноты»). Насыщение высказывания состоит, таким образом, в вербализации тех элементов, которые необходимы для его понимания.

Из сказанного не следует, что в грамматике мы должны или даже можем заменить каждое высказывание его насыщением. Речь идет о другом: грамматист всегда должен отдавать себе отчет в степени эксплицитности анализи-

руемого высказывания и во взаимодействии тех значений, которые явно выражены в нем, с теми, которые извлекаются из насыщения. Например, существуют высказывания, для которых не нужно определять условий места и времени потому, что они действительны для любых времен и любых мест — сюда относятся сентенции типа: *Die Erde dreht sich um die Sonne; Ehrlich währt am längsten.* В таких случаях можно считать, что насыщение высказывания совпадает с самим высказыванием.

Рассмотрение насыщений в грамматике облегчается тем, что, как правило, высказывания берутся не из конкретных актов общения, а из связного текста. Это не означает, что текст состоит из насыщенных высказываний. Наоборот, именно на ненасыщенности отдельных высказываний покоится феномен связного текста.

Мы будем говорить, что высказывание *A* связано с высказыванием *B*, если одно из них содержит сведения, необходимые для построения насыщения другого. В высказывании могут находиться специальные реляционные элементы, указывающие, что недостающая информация должна браться из некоторого другого предложения, причем особенно интересно, что для этих целей используются элементы, играющие чисто коммуникативную роль в конкретных актах общения:

а) коммуникативные категории грамматического времени используются в тексте для связи с соседними высказываниями;

б) указательные местоимения типа *dieser — jener* используются не только в конкретных актах общения (дейктическая роль), но и в анафорической роли, указывая на отношения внутри текста. Это же касается и артикля, восходящего к указательному местоимению;

в) к указательным местоимениям логически восходят и относительные местоимения, т. е. показатели особенно сильной текстовой связи двух высказываний;

г) коммуникативные наречия *da, dann* и т. п. также используются как средства связи.

Все эти средства делают текст связным лишь при условии, что соответствующие высказывания взаимно насыщают друг друга, ср. несвязность текстов типа: **Er kaufte sich eine Zigarette und dann wird diese Stadt einen Namen haben.*

Приведенный пример показывает важность еще одного

условия связности текста, а именно единства времени, с точки зрения которого ведется повествование. Разумеется, в тексте может идти речь о настоящих, будущих и прошедших событиях, но все события, о которых идет речь, должны соотноситься с единой точкой отсчета.

Таким образом, текст можно считать связным, если его можно представить как цепочку высказываний, попарно насыщающих друг друга, и если повествование имеет единую временную точку отсчета. Отсюда текст предстает как образование, в котором для каждого высказывания насыщение происходит из контекста, т. е. из окружающих высказываний. Иначе говоря, контекст заменяет ситуацию, в которой происходит общение.

Актуальное членение. Одна и та же ситуация может описываться различно в зависимости от того, что говорящий выделяет в качестве ее исходного элемента. Например, тот факт, что студент x случайно выдержал экзамен, может передаваться в тех же словах, но с подчеркиванием разных элементов: а) Die Prüfung bestand zufällig der Student x ; б) Der Student x bestand die Prüfung zufällig.

В а) исходным элементом является случайная сдача экзаменов, т. е., например, насыщение предложения должно содержать информацию о том, сколь трудны экзамены и сколь мало вероятно, что кто-нибудь выдержит их, если не поможет случай; в б) наоборот, исходным элементом является малая вероятность события, что именно студент x может выдержать экзамен. Разумеется, в тексте исходный элемент ситуации извлекается из предыдущих предложений, и актуальное членение, как и другие коммуникативные средства, служит обеспечению связности.

Можно рассматривать актуальное членение и вне коммуникативного аспекта, а именно как частный случай синонимии. Предложение а) синонимично такому: Wer die Prüfung zufällig bestand, war der Student x , а предложение б) такому: Das der Student x die Prüfung bestand, war zufällig.

Однако мы считаем, что во всех этих случаях мы имеем дело с одной когнитивной структурой: Zufällig die Prüfung bestehen (Student x), а различаются предложения в коммуникативном аспекте, а именно позицией говорящего по отношению к разным элементам ситуации и их воплощению в предложении.

1.2. Семантические предпосылки структурного описания языка

При изучении структуры языка мы отвлекаемся от конкретного значения слов, например, от реального различия объектов, обозначенных словами *Tisch*, *Stuhl*. Это, однако, не значит, что мы вообще можем обойтись без семантических соображений. В основном семантика при грамматическом исследовании привлекается следующим образом:

а) для любого класса слов или конструкций, выделяющегося по каким-либо формальным соображениям, предполагается возможным установить присущие этому классу дифференциальные семантические признаки, т. е. признаки, отделяющие этот класс от близких ему;

б) для любых двух слов или любых двух фраз предполагается возможным установить, тождественны ли они по обозначаемому объекту и/или выражаемому смыслу.

Отношение смыслового включения. Мы несколько расширим предпосылку б) и допустим, что на всем множестве фраз языка определено отношение смыслового включения, дающее возможность установить для любых двух фраз, вложена ли одна из фраз по смыслу в другую или нет. Приведем примеры: фраза *Er fährt morgen* вложена по смыслу во фразу *Er fährt morgen nach Riga*, ибо вторая содержит весь смысл первой. Фразы *Er fährt bald* и *er fährt nach Riga* не находятся в отношении смыслового включения. Еще один пример: фраза *Er ließ das Buch liegen* включает в себя по смыслу фразу *Das Buch liegt*. Фраза *Er ließ den Gedanken fallen* не включает в себя по смыслу фразу *Der Gedanke fällt*.

П р и м е ч а н и е. Содержательно речь идет о том, что грамматист должен знать язык, грамматику которого он описывает. Этот самоочевидный принцип приходится отмечать не только из-за стремления явно зафиксировать все предпосылки, но и в противовес тем дескриптивным теориям, которые считают, что методами структурной грамматики любой язык описывается как незнакомый.

*Термовые и нетермовые слова. Индуктивное определение термового слова*⁴. Базис определения: личные местоиме-

⁴ Принцип восходит к идеям средневековых арабских грамматистов (ср. Габучян, 1972, с. 42 и сл.).

ния *er, sie, es* всегда термовые слова (возможно: в сопровождении других сегментов).

Индуктивный шаг: если сегмент заменяется без изменения смысла (или с сохранением отношения смыслового включения) некоторым сегментом, который на предыдущем индуктивном шаге признан термовым словом, то данный сегмент также является термовым словом.

Если некоторый сегмент является словом, не соответствующим условиям определения, то он будет называться нетермовым словом.

Замечание к базису определения: необходимо различать в немецком языке два (по крайней мере) омонима ⁵: личное местоимение *es*₁, стоящее вместо форм типа *das Haus, das Kind* и неопределенное местоимение *es*₂, заменяющее предикатив или целое предложение и не знающее ни родовых, ни числовых противопоставлений.

Таким образом, к нетермовым словам относятся все глаголы, все прилагательные, все наречия. Что касается существительных, то часть их также относится к нетермовым словам. К термовым, как правило, относятся существительные с определенным артиклем. Однако полного соответствия здесь нет: термовое существительное может быть употреблено без артикля и, наоборот, существительное с определенным артиклем может оказаться нетермовым в некоторых употреблениях. Смысл термовости в том, что термовое существительное соответствует терму в логической структуре высказывания. Именно эту его роль и выявляет замена на личное местоимение ⁶.

Это объясняется тем, что личное местоимение в когнитивном аспекте, т. е. если отвлечься от его коммуникатив-

⁵ Ср. различие разных видов *es* в работе Glinz, 1952, S. 302.

⁶ Здесь нужно подчеркнуть, что замена на личное местоимение выявляет терм в ядерных высказываниях. При всяких субстантивациях заменяемое личным местоимением слово соответствует не терму, а предикату, ср., например: *Das Gehen ist schwer, Die Schönheit regiert die Welt*, где слова *das Gehen* и *die Schönheit* с логической точки зрения вовсе не являются терминами. Более того, с логической точки зрения (точнее, по одной из существующих логических точек зрения) эти высказывания вообще не полны, ибо слова *das Gehen* и *die Schönheit* выражают предикаты, а не термы, а соответствующие термы опущены. Ср. *Das Gehen fällt ihm schwer*, где соответствующий терм выражен личным местоимением. Смысл предложения: *Когда он идет, ему тяжело*. Ниже все подобные употребления артикля будут отнесены к «слабой определенности».

ной функции и коммуникативных противопоставлений, в которые оно входит, указывает на произвольный, но конкретный предмет из данной предметной области. Так, в парах предложений *Der Mann schreibt, Er schreibt* или *Ich sahe den Fichtenbaum, Ich sehe ihn*, отличие *er* или *ihn* от *der Mann* или *den Fichtenbaum* лишь в том, что вместо *er* (соответственно *ihn*) может стоять некоторое другое, также термовое существительное, например *der Knabe, der Förster, der Jäger* (или соответственно *den Eichenbaum, den Birkenbaum, den Feigenbaum* и т. п.).

П р и м е ч а н и е. Как указано в I.1, логически разница между *der Mann schreibt* и *er schreibt* выражается как различие между высказыванием *Schreiben (der Mann)* и пропозиционной функцией *Schreiben (x)*.

Этот анализ уже не подходит для обобщающего определенного артикля, т. е. когда определенный артикль обозначает любой предмет, либо все предметы данного класса, например: *Der Mensch ist sterblich* в логической записи $(\forall x) (\text{Mensch}(x) \rightarrow \text{sterblich}(x))$ (читается: для всякого x из того, что x обладает свойством быть человеком, следует, что x обладает свойством смертности). При обобщающем значении артикля существительное нетермово, ибо *Er ist sterblich* имеет иной смысл, чем *Der Mensch ist sterblich*.

Не является термовым — по смыслу определения — и существительное с определенным (или неопределенным) артиклем в так называемых абсолютных оборотах, ср. *Er stand da, Das Haupt erhoben, Die Hand in der Tasche*, где невозможно заменить слова *das Haupt* и *die Hand* соответствующими личными местоимениями. Ср. **Er stand da, Sie in der Tasche*. Это объясняется тем, что здесь выражается некоторый признак, т. е. соответствующие слова существенно относятся к предикату (глагол *stehen* семантически настолько бледен, что на смысл предиката мало влияет). Наконец, не являются термовыми существительные в некоторых фразеологических конструкциях, например, *Er wurde zum Offizier befördert*. Логически здесь следовало бы ожидать *Er wurde zu einem Offizier befördert*, ср. невозможность **Er wurde zu ihm befördert*. Логически *zu Offizier befördern* является единым предикатом.

Что касается неопределенного артикля, то, как правило, слово, употребленное с ним, обозначает предикат явный, ср. Er ist ein Arbeiter или неявный, ср. Er ist der Sohn eines Arbeiters—Sein Vater ist ein Arbeiter. Это же относится и к существительным без артикля, ср. Er ist Arbeiter, Der Begriff Phonem ist nicht klar.

Часто в случаях употребления неопределенного существительного — даже если соответствующее ему определенное существительное обозначает некоторый конкретный предмет — выражается не предикат, а квантор. Так, в предложении Ein Fichtenbaum steht einsam выражена не та идея, что объект «сосна» обладает свойством одинокости, а идея, что существует объект «сосна», т. е. нечто обладает свойством быть сосной и это нечто обладает свойством одинокости. Поэтому приведенное высказывание некорректно представлять в виде $P(a)$, где a — объект «сосна» и P свойство «быть одиноким». Для его символизации употребляют более сложную форму: $(\exists x) P(x)$, о которой мы говорили в I.1. Это обстоятельство и дает нам право считать, что в высказываниях типа Ein Fichtenbaum steht einsam мы не имеем явного выражения терма. Собственно говоря, терм появляется только тогда, когда мы даем этому высказыванию явную форму: Es gibt einen Fichtenbaum, und der Fichtenbaum (er) steht einsam, но существенно, что в этой форме существительное, выражающее терм, становится определенным.

Связь между определенностью и термовостью. Логическая связь между определенностью и термовостью может быть подтверждена и некоторыми чисто лингвистическими фактами. Так, при ответе на вопрос личное местоимение заменяет лишь формы с определенным артиклем (или собственные имена), например:

Hat Peter das Buch gelesen?	Ja, er hat es gelesen.
Hat Peter der Mutter das Bild gezeigt?	Ja, er hat es (ihr) gezeigt.
Hat Peter ein Wörterbuch?	Ja, er hat eines (Nein, er hat keines).
Kommt ein Gewitter?	Ja, es kommt eines.
Ist das ein Schäferhund?	Ja, das ist einer (Nein, das ist keiner).
Hat Peter Zigaretten?	Ja, er hat welche.
Ist das ein Wörterbuch?	Ja, das ist es ₂ .

Ist er ein Arbeiter?	Ja, er ist es ₂ .
Ist er Arbeiter?	Ja, er ist es ₂ .
Ist die Suppe heiß?	Ja, sie ist es ₂ .
Kann Peter tanzen?	Ja, er kann es ₂ .
Hast du Butter?	Ja, ich hab es ₂ (welches).

Здесь характерно, что личные местоимения заменяют только имена с определенным артиклем, в то время как абсолютно неопределенное местоимение es₂ заменяет разные слова-предикаты (как существительное, так и прилагательное и даже глаголы).

Кажущаяся замена существительного с неопределенным артиклем в связном тексте личным местоимением, например, *Da steht ein Mann, er ist hoch*, не опровергает нашего тезиса, ибо фактически er заменяет термовое *der Mann*, ср.: *Da steht ein Mann, der Mann ist hoch*.

Этот простой пример проливает свет на употребление относительных местоимений, которые несомненно соотносятся (как исторически, так и в синхронном плане) с личными. Верно, что существительные с неопределенным артиклем могут управлять относительным предложением, но в этом случае все предложение синонимично двум предложениям описанного выше вида, ср. *Da steht ein Mann, der hoch ist* = *Da steht ein Mann, der Mann ist hoch*. Вообще впечатление, что любое существительное, как определенное, так и неопределенное, может заменяться личным местоимением, объясняется скорее всего тем, что в вырванном из контекста предложении при большинстве существительных могут стоять оба артикля; и при подстановке личного местоимения мы, как правило, опираемся на существование соответствующего предложения, где существительное употреблено с определенным артиклем. Так, в приведенном предложении *Da steht ein Mann*, кажется, можно подставить личное местоимение: *Da steht er*; однако, оно соответствует предложению *Da steht der Mann*.

Показательно, что в случаях, где невозможен определенный артикль, местоимение становится невозможным. Ср. *Das Buch hat mich drei Mark gekostet* — невозможно ⁷ **Das Buch hat mich sie gekostet*.

⁷ Невозможность подстановки в этом предложении личного местоимения была истолкована в работе Folsom, 1969 как аргумент,

Ср. также неестественность выражений типа: *er gibt ihn, es gibt mich (ср. в экспериментальном тексте: Es gibt mich — es gibt alles wovon ich reden kann — Heißenbüttel. — Textbuch, S. 55); о неопределенности после es gibt см. I.3.

Но особенно существенно, что в случаях тесного единства двух предложений, например, при употреблении личного местоимения для обособления соответствующего члена предложения возможно лишь соотнесение существительного с определенным артиклем, ср. примеры, приводимые Ризель (Riesel, 1954): Des Königs Kleid — ich kenne es nicht, und ich will es nicht kennen. Die Kinder, sie hören es gerne. Невозможны сочетания типа: *Ein Mann, er hörtes gerne. Характерно, что с нетермовым существительным в подобной конструкции может употребляться es₂, ср. еще пример из книги Ризель: Macht und der Glanz des gewöhnlichen Lebens, wie hat er es früher verachtet. Ср. Die Macht und der Glanz des gewöhnlichen Lebens, wie hat er sie früher verachtet. Ср. также такие случаи, как: Ich werde es ihm schon zeigen, dem Schurken (невозможно einen Schurken); Ich denke noch heute an sie, die Frau mit goldenem Haar (невозможно eine Frau mit goldenem Haar).

Возможности эмфатического выделения. Другой, пожалуй, даже более убедительный пример связи личного местоимения с определенностью дает эмфатическая относительная конструкция, где формы, соотносительные с личными местоимениями, употребляются лишь с термовыми существительными; в остальных же случаях либо употребляются формы, соотносительные с неопределенными местоимениями, либо эмфатическая конструкция невозможна, ср.:

Обычная конструкция	Эмфатическая конструкция
Der Ehemann ist an allem schuld.	Der Ehemann ist es, der an allem schuld ist.
Ein Ehemann ist an allem schuld.	невозможно *Ein Ehemann ist es der an allem schuld ist.

что drei Mark не является дополнением. Критерий замены сам по себе правилен, но соображения, приводимые в данном разделе, показывают, что нельзя при этом ограничиться определенными местоимениями, ср. Das Buch hat mich etwas gekostet.

Mut hat er bestimmt.

Mut ist es, was er bestimmt hat (was соотнoсительно с es₂).

Невозможно употребление эмфатической конструкции с наречиями, которые нетермовы по определению, ср. невозможность: *Es war gestern, das wir uns trafen Противоречаящий пример приведен В. Мотчем (Motsch, 1970), который считает эмфатическим предложение Eine kleine Frage war es, die ihm hoffnungslos verwirrte. С нашей точки зрения, это не эмфатическое предложение, а эквивалент следующих двух предложений: Eine kleine Frage war es. Diese Frage verwirrte ihn hoffnungslos. Соответствующее подлинно эмфатическое предложение, с нашей точки зрения, имеет вид: Eine kleine Frage war es, was ihn hoffnungslos verwirrte. Соотношение «выделяемое нетермовое существительное + was» весьма часто, ср.: Ein Klavier war es, was ich aus Ihnen herausholte, ein Klavier, das verkauft werden mußte (Brecht).

Термовость собственных имен. Хотя собственные имена, как правило, употребляются в немецком языке без артикля (во всяком случае в литературном языке), по своей семантике они лучше всего подходят для выражения термина, ибо всегда обозначают объект, однозначно определенный в конкретной ситуации. И, действительно, они термовы, так как заменяются личным местоимением. Для собственных имен — кроме отсутствия артикля — характерно неучастие в коммуникативных оппозициях, ср. неестественность противопоставлений типа mein Karl — dein Karl или dieser Karl — jener Karl, в таких случаях имя собственное теряет свою специфику и выступает как обычное существительное (Leys, 1967).

Все это делает имена собственные особенно подходящими для выражения термов. Характерно, что в учебниках по логике всегда приводятся примеры, где терминами выступают собственные имена, ср. примеры типа *Сократ смертен*, *Сократ — человек* и т. п.

В силу этого можно было бы вообще все собственные имена по определению причислить к термовым. Этому, однако, препятствует тот факт, что существует особый класс локативных собственных имен, которые, употребляясь в специфически локативных конструкциях, не за-

меняются на личные местоимения⁸ (семантически это оправдано, ибо в таких конструкциях локативное имя выражает не терм, а часть предиката), ср.: Er lebt in Moskau — невозможно *Er lebt in ihm (нужно Er lebt dort), Er kommt von Berlin — невозможно *Er kommt von ihm (нужно Er kommt von dort).

Именно нетермовостью существительного в локативной и темпоральной конструкциях (речь идет не только о собственных именах) может быть объяснено явление, вскрытое в цитированной работе Мотча и состоящее в том, что эмфатическая конструкция невозможна в случаях типа: Im Theater, trafen wir uns невозможно *Es war das Theater, in dem wir uns trafen; Am Abend trafen wir uns невозможно *Es war der Abend, an dem wir uns trafen; Nach England wollte er reisen невозможно *Es war England, wohin er reisen wollte.

Нетермовость композитивов. Композитивы, например Regierung в Regierungswechsel, никогда не заменяются на личные местоимения и, следовательно, не термовы. Более того даже в следующем предложении нельзя употребить личное местоимение, относящееся к композитиву. Неправильно *Der Regierungswechsel fand statt, nachdem sie im Parlament kritisiert wurde (нужно — nachdem die Regierung im Parlament kritisiert wurde).

Именно обычной термовостью собственных имен объясняется тот факт, что собственное имя, оставаясь таковым, т. е. не превращаясь в некоторый добавочный предикат, не может выступать в композитиве. Неверно: *die Goethemutter, das Puschkinhaus.

В случае, когда имя собственное становится абстрактным предикатом и олицетворяет некоторую совокупность идей, позиция композитива становится разрешенной: das Mussolini-Regime, die Adenauer-Regierung, das Goethemuseum. Характерно, что на русский язык композитив — собственное имя часто переводится при помощи описания со словом *имени*, например: Lenin-Bibliothek 'библиотека имени Ленина'.

Правда, в современном языке имеется довольно новая тенденция, когда речь идет об известных лицах, употреблять композитивы с конкретным значением, например: Kennedy-Reise. Характерно, однако, что этот тип фикси-

⁸ Впервые на этот факт указал Б. Уорф (1972).

руется как очень новый (Vater, 1971). Он может рассматриваться как предел сближения композитивов с обычными словами.

Нетермово-экзистенциальная конструкция. Если эмфатическая конструкция выделяет термовые имена, то имеется, наоборот, специальная конструкция, выделяющая нетермовые имена. Это конструкция с начальным *es* в предложениях типа *Es ritten zwei Reiter zum Tore hinaus*.

Относительно грамматической природы этого *es* в начале предложения среди грамматистов нет единства. Естественнее всего сопоставить его с неопределенным *es*₂, ибо оба слова связаны с идеей нетермовости, причем они находятся в дополнительном распределении, а именно никогда не употребляются в одном и том же предложении, хотя позиции у них различны. Начальное *es* выделяет нетермовое существительное в роли подлежащего, употребляясь вместе с ним, в то время как *es*₂ заменяет предикативное, т. е. также нетермовое существительное (а также прилагательное, инфинитив и т. п.). Характерно, что конструкции, где сегмент *es* может иметь двойную интерпретацию: как начальное *es* и как *es*₂, являются грамматически неправильными, например, можно сказать:

*Er begreift es*₂, daß er einen Fehler gemacht hat.

Er begreift das, daß er einen Fehler gemacht hat.

Das begreift er, daß er einen Fehler gemacht hat.

Неправильно (Hartung, 1966), однако,

**Es begreift er*, daß er einen Fehler gemacht hat.

То, что начальное *es* употребляется только с нетермовыми именами, лучше всего показать на обратных примерах, а именно убедиться, что личные местоимения, исходя из которых и строилось определение термовости, не сочетаются в роли подлежащего с начальным *es*. Так, М. Бирвиш (Bierwisch, 1966, S. 5) обратил внимание на то, что в немецком языке невозможны предложения типа **Es kamst du*. Хотя мы не согласны с объяснением этого явления, предлагаемым этим автором (Bierwisch, 1966, S. 110—111), следует согласиться с его тезисом, что научная грамматика немецкого языка должна дать объяснение этого явления.

Строго говоря, невозможность употребить начальное *es* с личным местоимением в роли подлежащего уже доказывает наш тезис о том, что оно связано с нетермовыми именами. В самом деле, возьмем произвольное предложе-

ние с начальным es, где в качестве подлежащего стоит существительное с определенным артиклем, например, Es werden die nötigen Vorbereitungen getroffen. Поскольку нельзя сказать Es werden sie getroffen, то die Vorbereitungen есть — по точному смыслу — определения термового слова — нетермовое слово. И так в каждом подобном случае. Однако в лингвистике (в отличие от математики) убедительность некоторого утверждения зависит не столько от его формальной безупречности, сколько от количества тех косвенных аргументов, которые показывают связь данного явления — при предложенной трактовке его — с остальными. Так, для приведенного примера существенно, что определенный артикль употреблен в квантовом значении, а стало быть, не делает существительное обозначением термина.

Еще важнее показать, что то или иное понимание может быть увязано с фактическим историческим процессом, имевшим место в немецком языке.

Дело в том, что данная конструкция возникла именно как конструкция, указывающая на существование (Existenzialsatz — по терминологии В. Г. Адмони: Admoni, 1966, S. 237).

Засвидетельствованная в письменных памятниках со средневерхненемецкого периода (Paul, 1954, S. 71) конструкция с начальным es встречается с неопределенными именами в зачинах — преимущественно в эпических произведениях или близкой к фольклору лирике, ср. в «Песне о Нибелунгах» начало рассказа о Кримгильде:

Es wuchs in Buregonden ein vil edel magedin.

Характерно начало одной из песен миннезингера Дитмара фон Эйста:

Es stount ein frouwe alleine
und warte über heide
und warte ire liebes
so gesach si valken fliegen.

В сказках и народных песнях весьма часто встречается зачин типа: Es war einmal ein König. Ср. также:

Es war ein armer Schneider,
Der nähte sich krumm und dumm
(G. Weerth).

Ср. также у Гейне в стихотворениях из «Путешествия по Гарцу».

Und es tanzen wieder lustig
Ritter, Fraun und Knappentroß.

или

Und es spriest, wie'n toller Frühling
Draus hervor ein Blumenwald.

Даже в случаях, когда в конструкции с начальным *es* подлежащее появляется с определенным артиклем, речь, как правило, идет не о термовом имени и замена на личное местоимение невозможна уже потому, что соответствующее понятие не вводилось еще в тексте (а употребление определенного артикля объясняется, например, единственностью данного объекта в данной ситуации), ср. *Es ging nicht um wenig; Es drohte die Loslösung; Es drohte die Spanische Staatskirche; Die Anzeichen waren da.* В этом отрывке из романа Б. Франка «Сервантес» речь идет о событии, которое не упоминалось в тексте и тем самым не входит в данную предметную область. Оно подготовлено всей ситуацией (поэтому и употреблен определенный артикль), но вводится как новый предмет новый признак ситуации (поэтому и употреблена конструкция с начальным *es*).

Разумеется, возможно и употребление начального *es* и со словами, по существу обозначающими термы (это объясняется тем, что термовость определялась исходя из замен на местоимения, а не через терм). Подобные примеры встречаются в поэзии, например:

Und es glüht die Purpurrose.

(Heine).

Es füllt sich der Speicher mit köstlicher Habe

(Schiller).

Однако такие употребления следует классифицировать как поэтические вольности или, во всяком случае, как особые приемы построения, состоящие в том, что существительное — вне зависимости от когнитивного содержания предложения — представляется как нетермовое. В принципе этот прием может быть распространен даже на те самые личные местоимения, которые служат исход-

ным пунктом при определении термовости, ср. следующий диалог из пьесы Карла Штернхейма «Bürger Schippel»:
— Du liebst Thekla. . . Du, nicht ich, liebst das Weib.
— Es liebt sie — du!

Здесь сама синтаксическая структура подчеркивает, что речь идет о необычном построении: нарушено даже согласование между *du* и глаголом (иначе мы пришли бы в противоречие с тезисом Бирвиша). В сущности в приведенном предложении *es liebt sie — du* первая часть может восприниматься как безличная. Во всяком случае этот пример показывает, что конструкция с начальным *es* является ярко окрашенным стилистическим средством в тех случаях, где субъект соответствует термовому слову.

В обычной деловой или разговорной речи неуместны фразы типа: *Es sagte mir der Mann*; *Es lächelte das Mädchen*. . .

В то же время начальное *es* с нетермовым подлежащим вполне возможно в научном языке, например (отрывок из учебника физики): *Eine turbulente Strömung liegt auch vor, wenn eine Flüssigkeit. . . in einen weiteren, mit der gleichen Substanz erfüllten Raum eintritt. Es bildet sich dann ein von der Öffnung ausgehender Strahl.*

Логический статус одночленных высказываний. В I.1 мы говорили о том, что с когнитивной точки зрения каждое элементарное высказывание представляется в виде $P(a)$ либо $R(a, b, \dots, k)$ или осложненное кванторами, например, в виде $(\forall x) P(x)$, либо $(\forall x) R(x, b, \dots, k)$. Мы встречались, однако, с ситуацией, когда существительное либо не носит характера терма, либо лишается этого характера в данной конструкции. Мы уже говорили, что в предложении *Es drohte die Loslösung* слово *Loslösung* вместе с *drohen* составляет предикат.

Как же описать такую ситуацию в логических терминах? Этот вопрос относится не только к данному типу, но и к безличным предложениям типа *es dämmert* или *es wird etwas*, а также к безличному пассиву типа *es wird gearbeitet*. В работах логиков, в первую очередь Brentano и Marti (Funke, 1924, S. 51), было разработано учение об одночленных суждениях (*einfache Urteile*) и двучленных (*Doppelurteile*). Русские термины «одночлен» и «двучлен» принадлежат Л. В. Щербе, который много занимался лингвистическим аспектом этой проблемы и, в част-

ности, специально указывал (Щерба, 1947), что конструкция с начальным *es* есть средство превращения двучленного высказывания в одночленное. В немецкой грамматике (Гадд и Браве, 1946, с. 185), вышедшей под редакцией Л. В. Щербы, личные конструкции с начальным *es* и безличные обороты типа *es donnert* объединяются как одночленные высказывания. Аналогичную идею развивают Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева (Зиндер и Строева, 1957, с. 234—235).

Ясно, что для всех этих предложений описанные выше формулы не подходят. Для корректного их анализа прежде всего следует обратить внимание на то, что они в немецком языке формально распадаются на две части или два состава, а именно на часть, занимаемую «формальным подлежащим» *es*, и на остальное предложение. Сегмент *es* указывает на то, что далее следует рема, т. е. нечто новое. Но этим его роль не ограничивается. Для ее раскрытия важным представляется наблюдение В. Г. Адмони (Адмони, 1955) над возможностями опускания *es* в разных типах предложений. Так, в предложениях *es hungert mich* при инверсии получается *mich hungert*, причем существенно наличие указания на лицо. В предложениях типа *es wird hier gearbeitet* имеем при инверсии *hier wird gearbeitet*, причем на первом месте выдвигается коммуникативное слово.

Таким образом, *es* на первом месте можно было бы рассматривать как показатель следующей далее ремы, голый в когнитивном отношении, но сосредоточивающий в себе наряду с указанием на рему и другие коммуникативные значения. Значение всех этих оборотов можно описать следующим образом: «существует элемент коммуникативной ситуации, который характеризуется таким-то и таким-то предикатом».

Условно можно записать это так: $\exists (x) P (x)$, где x — элемент коммуникативной ситуации.

Предложенный анализ можно подтвердить и ссылкой на интуицию носителей языка. Так, К. Хегер (Heger, 1966) в совершенно иной связи (сравнивая существительное и глагол) обратил внимание на то, что, когда говорится *es regnet*, то обязательно имеется в виду нечто происходящее здесь в данный момент, хотя вообще презенс может обозначать и вневременное явление.

Разберем теперь все приведенные здесь примеры.

Es drohte die Loslösung означает существование коммуникативной ситуации, которая характеризовалась новым элементом — угрозой отпада.

Es regnet означает существование коммуникативной ситуации (даже с более четкими параметрами «здесь» и «сейчас»), характеризующейся новым элементом — дождем.

Es hungert mich означает существование коммуникативной ситуации, характеризующейся новым элементом — голодом говорящего. В mich hungert коммуникативный элемент лица выдвигается на первое место, и уже не подчеркивается новизна ситуации.

Es wird hier gearbeitet означает существование коммуникативной ситуации, характеризующейся новым элементом — работой. В hier wird gearbeitet коммуникативный элемент места выдвигается на первое место.

Es gibt einen Stuhl. Здесь одновременно подчеркивается два существования: а) коммуникативной ситуации, в которой говорится о стуле и б) факт существования самого стула (об этом втором значении см. I.3).

Представление о том, что субъект (в безличных предложениях) вытеснен или просто элиминирован, вряд ли отвечает сути дела. Двусоставность таких предложений в немецком языке, как верно подчеркнул В. Г. Адмони, связана с коммуникативным фактором.

I.3. Учение о частях речи: существительное

Уже неоднократно отмечалось, что формулировка: «существительное есть часть речи, обозначающая предмет» или неполна (если имеются в виду физически существующие предметы, ибо не охватываются слова типа die Schönheit) или же просто тавтологична (Габинский, 1972), ибо «предметность в широком смысле» просто синоним слова «существительность». Тем не менее, интуитивно в этой формулировке заложена верная мысль, что понятие существительного каким-то образом обобщает идею обозначения предмета, и именно эту мысль мы хотим далее использовать, построив индуктивное определение, базисом которого служило бы обозначение физически существующего предмета.

Б а з и с о п р е д е л е н и я. Каждое термовое слово есть существительное.

Шаг индукции. Слово *x* есть существительное, если на некотором предыдущем индуктивном шаге было признано существительным слово *y*, для которого верно хотя бы одно из трех условий:

- а) *x* входит в одну парадигму с *y*;
- б) в любом предложении можно заменить *y* на *x* без изменения грамматической правильности;
- в) любая грамматическая категория, приписанная *x*, имеется у *y*.

Это определение представляет класс существительных как расширяющееся множество: в качестве ядра его предстают слова типа *der Tisch*, *das Haus*, *die Münze*, *der Student*, *das Kind*, *die Frau* и, разумеется, соответствующие им личные местоимения. Далее он расширяется за счет слов, имеющих общие свойства со словами из ядра. Так, по пункту б) наряду с термовыми словами *der Tisch*, *das Haus* и т. п. в класс существительных войдут и нетермовые *ein Tisch*, *ein Haus* и т. п., а далее по пункту а) и безартиклевые *Tisch*, *Haus* и т. п. Теперь уже определение существительного становится независимым от текста (если термовым слово выступает в определенной фразе, то существительными становятся все члены парадигмы (независимо от вхождения во фразу). По пункту в) наряду с *das Haus*, *die Frau* в класс существительных входят слова *das Gehen*, *die Schönheit*. При этом вовсе не требуется, чтобы все категории, по которым противопоставляется *das Haus*, характеризовали и слово *das Gehen* (например, оно не противопоставляется по числу); существенно лишь, чтобы все категории, по которым противопоставляется *das Gehen*, характеризовали и слово *das Haus*, а это заведомо так.

Пункт в) позволяет понять разное оформление определенных и неопределенных местоимений-существительных. Определенные местоимения, и в первую очередь личные, входя в ядро в силу своей термовости, обладают всеми категориями существительного, и это необходимо, так как именно по ним в силу пункта в) или б) зачисляются в класс существительных другие слова (в качестве ядра могут быть взяты просто определенные, т. е. термовые существительные, важно, однако, что личные местоимения и определенные существительные в категориальном отношении устроены одинаково). Иное место у неопределенных местоимений. Поскольку слова типа *etwas*,

jemand, man получают по пункту б) или в) — их зачисление происходит на основе того, что они заменяют неопределенные существительные типа ein Haus, ein Mann, которые, в свою очередь, получают не сразу (см. выше), — неопределенные местоимения как бы теряют некоторые категории. Слова eine, eines лишены противопоставления по числу, etwas, jemand, wer, was лишены противопоставления по роду и числу (зато имеют четкое противопоставление по одушевленности, которое, однако, в принципе имеется и у остальных существительных). Особенно интересно положение man и es, которые не участвуют в противопоставлениях ни по роду, ни по числу, ни по падежу. Интересно, что в случае необходимости передать категории числа или рода при одном из неопределенных местоимений, необходимо прибегать к субстантивации: Das heißt eine Gruppe von Etwasen startet bei unverschiedlichen Nullzeiten (H. Heißenbüttel, das Textbuch).

Wie reizend schön war doch die Zeit. . .,
Als in den Schnabelbohnen drin
Der Jemand eine Jemandin,
Ich darf wohl sagen: herzlich küßte
(W. Busch).
. . . denn er hatte den Jemand vergessen
(Th. Mann).

Механизм субстантивации вообще может быть объяснен как покоящийся на пункте в) определения существительного: если некоторое слово — вне зависимости от своей первоначальной семантики — получает формальное выражение категорий существительного, то оно становится существительным. В этом смысле субстантивации может подвергнуться слово, относящееся к любой части речи.

Особенно актуальны процессы субстантивации, приводящие к тому, что в разряд существительных, т. е. класса слов, ядро которого составляют обозначения термов, переходят обозначения предикатов. При субстантивации обозначение предиката меняет не только грамматические свойства, но и семантику.

Это один из столь характерных для языка случаев, когда грамматическое представление оказывает обратное влияние на семантику.

Так, для имени существительного того же корня, что и глагол, характерна замкнутость действия или свойства в себе, его непереходность. Дело не только в том, что прямой объект получает выражение в виде родительного, ср. *Eine Stadt erobern* и *Eroberung einer Stadt*, но и в том, что *erobern* не употребляется без объекта, ср. неполноту фразы **er eroberte*, в то время как *Er sprach von einer Eroberung* вполне законченное высказывание.

Категория определенности. По смыслу данного выше определения существительного ядро этой части речи суть слова термовые, т. е., как мы знаем из I.2, в большинстве случаев употребляемые с определенным артиклем. Тем не менее термовость и определенность категории разные, хотя и возникающие из одного источника: возможности замены на личное местоимение. Как установлено в I.1., личное местоимение имеет два аспекта: когнитивный и коммуникативный. Термовость, то есть возможность обозначать терм при предикате, возникает из когнитивного аспекта местоимения, обсужденного в I.1., и это свойство далее переносится на существительное. Определенность — это развитие тех свойств местоимения и далее имени, которые связаны с его коммуникативными⁹ и локализационными свойствами. Отсюда становится ясным, почему термовые слова не исчерпывают всего множества определенных слов. Кроме того, противопоставление по определенности—неопределенности действует лишь в пределах части речи «существительное», в то время как противопоставление по термовости—нетермовости охватывает все знаменательные слова. Наконец противопоставление по определенности—неопределенности составляет лишь один из компонентов категории определенности, которая охватывает также противопоставления по экзистенциальности—неэкзистенциальности и актуализованности—неактуализованности.

Определенность—неопределенность. Определенным (точнее: сильно определенным) существительное бывает тогда, когда соответствующий слову объект однозначно идентифицируется как таковой (например, при сравнении с некоторым эталоном, хранящимся в памяти).

⁹ Связь категорий определенности с коммуникативным фактором положена в основу концепции О. И. Москальской (ср. хотя бы раздел об артикле: Москальская, 1956).

В первую очередь такая однозначность имеет место, когда существительное в данном контексте легко заменяется личным местоимением (т. е. при термовости); например: *Ich traf dort einen Mann; Der Mann(-er) sagte mir. . .* Здесь определенность проявляется в том, что имеются в виду все объекты данного рода, включенные в коммуникативную ситуацию, предполагаемые ею. Значение единственного числа может привести при этом к тому, что имеется в виду один и только один объект данного рода, включаемый в коммуникативную ситуацию и предполагаемый ею.

Предшествующее упоминание (которое часто считается основным фактором определенности) вовсе необязательно, ср. *Er sah den Sohn des Königs Georg* — имеется в виду, что у короля только один сын: единственный объект этого рода, включенный в данную коммуникативную ситуацию.

При употреблении множественного числа определенный артикль указывает, разумеется, на все объекты данного рода, например: *Die zwei Mappen, die hier liegen, sind neu* — имеются в виду все портфели в данной коммуникативной ситуации; *Er bereiste die 15 Republiken der Sowjetunion* — имеются в виду все 15 республик СССР, причем поскольку число республик фиксировано, употребление артикля обязательно, ср. *Er bereiste 12 Republiken der Sowjetunion* (можно только так).

Дальнейшее развитие этого значения всех объектов данного рода, включенных в коммуникативную ситуацию, может состоять в том, что в соответствующем предложении появляется описание, делающее объект единственным для данной ситуации (соответственно во множественном числе речь может идти о всех объектах, включенных в ситуацию). Такое значение мы будем называть дескрипторным: ему соответствуют дескрипторные операторы в логике, построенные на оборотах типа *tot. . . который*, ср. пример из книги Москальской: *Seine Gedanken galten der Beratung, die sie verlassen haben (derjenigen Beratung, die sie verlassen haben).*

К дескрипторному значению артикля мы отнесем и тот случай, когда существительному подчинено изъяснительное придаточное предложение с *daß* или инфинитив, которые не могут быть превращены в отдельное предложение без нарушения смысла целого. Именно этот критерий и связывает данный случай с предыдущим. Так же,

как нельзя сказать в предыдущем случае *Seine Gedanken galten der Beratung. Sie haben die Beratung verlassen, так и эти предложения неразложимы, ср. Ich habe in dem guten Glauben gehandelt, daß ich in meinem Rechte wäre — *Ich habe in dem guten Glauben gehandelt; ich war in meinem Rechte; Ich habe das Gefühl, die Theorie bewiesen zu haben — *Ich habe das Gefühl, ich habe die Theorie bewiesen.

Во всех указанных случаях было бы неверно говорить о кванторном значении артикля, хотя оно и описывалось оборотами типа «все объекты такого рода, что» или «единственный объект того рода, что»; либо кванторы предполагают когнитивный аспект описания, в то время как во всех указанных случаях употребление артикля привязано к определенной коммуникативной ситуации. Существуют, однако, контексты, в которых либо грамматическими средствами (например, формой вневременного презенса), либо лексическими средствами, либо и теми и другими вместе подчеркивается, что речь идет о произвольной, никак не зависимой от говорящего ситуации, например:

Der Löwe ist ein Raubtier.
Die Menschen sind sterblich.

Здесь и появляется у определенного артикля значение квантора универсальности, причем категория грамматического числа нейтрализуется ср.

$$\begin{aligned} (\forall x) (\text{Löwe}(x) \rightarrow \text{Raubtier}(x)) \\ (\forall x) (\text{Mensch}(x) \rightarrow \text{sterblich}(x)) \end{aligned}$$

Таким образом, кванторное значение возникает при полной элиминации коммуникативного фактора.

Все прослеженные до сих пор значения определенного артикля мы будем называть значениями сильной определенности. Категория сильной определенности не является чисто семантической, но имеет следующее скрытое выражение. Артикль, выражающий сильную определенность (это во всяком случае верно для термовых форм и дескрипторного употребления), не может слиться с существительным в одно слово. Так, грамматически неправильны фразы: (Ich sah dort einen Raucher). *Ich sagte zum Mann (поскольку существительное термово, так как возможна замена Ich sagte zu ihm, нужно сказать zu dem Mann).

Назовем слабо определенным существительное с определенным артиклем, не являющееся сильно определенным. Слабоопределенные формы допускают слияние с артиклем, например: *Er war im Haus; Er stand im Verdacht; Es heißt anders im Deutschen; Zur Erklärung sagte er . . . Er fuhr zu seiner Schwester zur Taufe. . . Ich gehe aufs Land (hinters Haus, übers Wasser); Ich war dort am Tage seiner Geburt.* В некоторых сочетаниях возможна только слитная форма. Невозможно: **Er kam auf der Reise um das Leben* (нужно: *ums Leben*); **Sie sind in dem Ganzen mit ihm zufrieden* (нужно: *im Ganzen*); **Es Könnte ihnen an dem Ende noch schlimm ergehen* (нужно: *am Ende*).

Здесь, однако, речь идет уже об устойчивых выражениях. Было бы неверно думать, что слабая определенность всегда вызывает слияние. Это неверно хотя бы потому, что во многих случаях слияние просто невозможно.

Существенно, что при слабой определенности выбор артикля семантически не очень значим (важен факт наличия артикля, а его определенность носит, так сказать, формальный характер), например: *Ich hörte das Geschrei von Weibern; Mit der Entdeckung des periodischen Gesetzes hat Mendelejew die Grundlegung der modernen Chemie vollzogen; Das Kommen und Gehen fiel mir auf die Nerven; Die Hoffnung, ihn zu sehen, war groß.*

Подобных примеров, по-видимому, большинство. Слабо определенные формы вообще не противопоставлены по признаку определенности—неопределенности существительным с неопределенным артиклем (эти слабо определенные существительные противопоставлены другим формам, а именно безартиклевым, и уже по другому признаку, см. ниже).

Что касается сильно определенных форм, то они противопоставлены формам с неопределенным артиклем (но иногда одновременно и безартиклевым).

Так, термовости определенного существительного противостоит предикатное употребление форм с неопределенным артиклем (и безартиклевых форм), ср. *Die Tanne ist ein Nadelbaum; Er ist ein Arbeiter; Er ist Arbeiter.*

Предикатное употребление форм с определенным артиклем невозможно, ср. неправильность предложений типа **Die Tanne ist der Nadelbaum.*

Как мы покажем ниже, при употреблении определенного артикля в случаях типа *Der Abendstern ist der Mor-*

genstern мы имеем дело не с частью предиката, а с двумя термами.

В других случаях, где определенному термовому слову противостоит нетермовое неопределенное, неопределенный артикль передает еще добавочную идею экзистенциальности (см. ниже).

Значению универсальности противостоит значение не-универсальности, соответственно не-единственности предмета, обозначенного существительным с неопределенным артиклем, ср. *Der Sohn des Königs starb plötzlich* (у короля только один сын) и *Ein Sohn des Königs starb plötzlich* (у короля несколько сыновей).

При дескрипторном значении нельзя просто заменить определенный артикль неопределенным, ибо противопоставлены здесь не только существительные, но и типы определений, ср. *Ich lese das Buch, das du mir gegeben hast* — это предложение нельзя разбить на два, не нарушая смысла: *Ich lese das Buch, das du mir gegeben hast* ≠ *Ich lese ein Buch. Dieses Buch hast du mir gegeben*. И в этом случае неопределенный артикль одновременно передает идею экзистенциальности.

Формы неопределенного артикля в предикатном значении и значении не-единственности мы будем называть сильно неопределенными.

Смысл понятий «сильно определенный» и «сильно неопределенный» в следующем: противопоставление определенность—неопределенность не является привативным, ибо у обоих членов противопоставления имеются значения, присущие только им. Именно эти «собственные» значения определенности и соответственно неопределенности мы и называем сильными.

Экзистенциальность, неэкзистенциальность, анти-экзистенциальность. Значение неопределенного артикля не исчерпывается сильной неопределенностью. Более того, основным его значением следует признать экзистенциальность, а именно указание на существование объекта и возможность его выделения из соответствующей предметной области. В I.2. уже говорилось, что неопределенный артикль можно соотнести с квантором существования. Однако полного соответствия здесь нет. Дело в том, что в логической записи речь идет о дискретной совокупности объектов. В языке, имеющем неопределенный артикль, выражается не только факт существования объекта, но и

возможность его выделения, отграничения. Поэтому при так называемых «неисчисляемых» именах значение экзистенциальности не отражается даже в конструкциях, прямо указывающих на существование, ср. *Es gibt heute Milch und Butter zum Frühstück; Ich habe Geld* и т. п.

В других случаях формула *es gibt*. . . служит идеальным индикатором существования; можно вообще считать, что именно она переводит на немецкий язык квантор существования, ср. *Es gibt hier einen Stuhl* ($\exists x$) (*Stuhl(x) & hier (x)*). После *es gibt* почти всегда ставится неопределенный артикль. Объяснить это употребление в терминах определенности—неопределенности очень трудно. Так, Е. И. Шендельс считает, что здесь «упоминается предмет неопределенный, неизвестный или впервые названный» (Шендельс, 1954, с. 48—49). О. И. Москальская, наоборот, приводя пример *Hier gibt es einen Stuhl*, пишет, что в подобных предложениях неопределенный артикль отнюдь не выражает неопределенности предмета и обусловлен исключительно «коммуникативной нагрузкой этих слов в предложении» (Москальская, 1956, с. 126—127).

Только в условиях сильной определенности после *es gibt* ставится существительное с определенным артиклем, например, при обозначении предмета единственного в своем роде, ср. следующий диалог: — *Gibt es denn keine Wahrheit? Gibt es keine echte und gültige Lehre? — Es gibt die Wahrheit, mein Lieber. Aber die «Lehre», die du begehrt, die gibt es nicht* (H. Hesse). После *es gibt* возможно даже термовое слово, хотя такое предложение и не очень естественно, ибо термовость плохо сочетается с экзистенциальностью.

Оборот *es gibt* может быть индикатором экзистенциальности в случаях, когда его непосредственно нет в тексте, но перифраза с *es gibt* соответствует значению предложения (от указания на существование коммуникативного элемента, ср. I.2, мы, разумеется, отвлекаемся). Возьмем три примера, иллюстрирующие употребление артикля в цитированном курсе Е. И. Шендельс:

а) *Dort steht ein Mann. Ich kenne ihn nicht.* Первое предложение перефразируется в *Dort gibt es einen Mann. Er steht.*

б) *Er pochte an der Stubentür. Eine helle Stimme rief: «Herein!»* Второе предложение перефразируется: *(Hinter der Tür) gab es jemand mit einer hellen Stimme.*

в) Auf dem Tisch liegt eine Mappe. Wessen Mappe ist es? Первое предложение перефразируется: Dort gibt es eine Mappe. Sie liegt auf dem Tisch.

То же значение экзистенциальности прослеживается после haben в случаях, когда обороты Es gibt etwas — Er hat etwas противопоставлены лишь по нахождению объекта в сфере субъекта и вне ее. Если haben при этом обозначает неотчуждаемую принадлежность, то неопределенный артикль — единственно возможный, ср. Ich habe einen Vater; Sie hat ein schönes Haar при невозможности *Ich habe den Vater; *Sie hat das schöne Haar. Здесь единственно осмысленное высказывание есть высказывание о существовании (например, о факте, что отец жив или хотя бы известен говорящему, в то время как отношение «быть отцом» фиксировано вне языка). При отчуждаемой принадлежности возможна не только констатация существования предмета, но и установление отношения обладания известным предметом, ср. Ich habe ein Buch — Ich habe das Buch.

К экзистенциальным высказываниям можно условно отнести и те случаи, когда речь идет о предмете, возникающем в описываемой ситуации, например, 1830 schrieb er einen Roman. Здесь, правда, уже не подходит описание при помощи квантора существования, например, (Es) (Roman sein (x) & Schreiben 1830 (er; x)), ибо квантор существования предполагает вневременность соответствующего предмета, в то время как здесь предмет лишь возникает как таковой. Однако характерно, что перефраза с es gibt jetzt возможна и здесь, если подчеркнуть временной момент, например, Es gab jetzt (ab 1830) einen Roman von ihm.

Мы включаем это значение в экзистенциальное прежде всего потому, что момент возникновения вызывается не столько семантикой артикля, сколько семантикой глагола (сюда относятся такие глаголы, как bauen в ein Haus bauen, erfinden в eine Theorie erfinden и т. п.). Здесь значение возникновения как бы состоит из двух компонентов: существования (es gibt) и отсчета от сегодняшнего дня (jetzt), причем оно передается дважды: один раз полностью — глаголом (оба компонента es gibt и jetzt) и один раз частично — артиклем (лишь компонент существования es gibt). В этих условиях сильным элементом является глагол, а артикль подстраивается почти

механически и может считаться контекстно обусловленным. Он появляется всегда там, где отсутствует сильная определенность (в случаях типа *Den Roman, den wir besprechen, schrieb er im Jahre 1830*) и в этом смысле может считаться слабо неопределенным, как слабо определен артикль в сочетаниях типа *die Atomkraftwerke entwickeln, die Beziehungen festigen*, ср. слабую неопределенность *Atomkraftwerke schaffen, Beziehungen herstellen*.

Противопоставление по экзистенциальности носит не бинарный, а тернарный характер: неопределенный артикль противопоставлен не только формам с определенным артиклем и без артикля, которые нейтральны с точки зрения экзистенциальности, но и отрицательному артиклю *kein*¹⁰, который имеет отчетливо антиэкзистенциальное значение, ср. *Dort steht kein Mann = (∃x) (Mann sein) (x) & stehen (x)* 'Неверно, что существует X, который является мужчиной и стоит там'. *Es gibt keinen Kentauren = (∃x) (Kentaure sein) (x)* 'Неверно, что существует x, который является кентавром'.

Разумеется, можно было бы считать, что значение *kein* складывается из двух признаков: экзистенциальности и отрицательности, т. е. *kein = nicht ein*. Однако в *kein* единство обоих признаков гораздо более тесное, чем, например, при объединении отрицания *nicht* и определенного артикля. Так, при употреблении *nicht* с определенным артиклем в значении универсальности, ср. *nicht der Mann ist sterblich (sondern sein Leib)*, отрицание не относится к квантору универсальности, а лишь к правильности идентификации соответствующего объекта. Это же относится и к употреблению отрицания при термовом существительном, ср. *Nicht der Mann sagte mir das (sondern sein Sohn)*.

Наоборот, при подобных противопоставлениях *kein*, как правило, не употребляется¹¹, ср. неправильность:

¹⁰ От других артиклей *kein* отличается не только отрицательностью, но и всегда кванторным значением.

¹¹ Приводимое у В. Г. Адмони (Адмони, 1955, с. 167) предложение *Georg spürte keine Erleichterung, sondern erst jetzt den Schmerz in der Hand (A. Seghers)* представляется эллиптическим, ибо *sondern* относится не к *Erleichterung*, а к глаголу: в полном виде нужно было бы сказать: *Sondern er spürte erst jetzt den Schmerz in der Hand*.

*Kein Mann sagte mir das, sondern eine Frau, нужно Nicht ein Mann sagte mir das, sondern eine Frau.

Другая особенность kein в том, что kein употребляется во множественном числе, ср. Ich habe keine Verwandten hier, а также с неисчисляемыми именами (это объясняется тем, что не нужно производить никакого выбора, ибо существование отрицается), ср. Wir haben kein Brot.

Значение антиэкзистенциальности в известном смысле обратно значению универсальности, ср.: Der Mensch ist sterblich ($\forall x$) (Mensch sein(x) \rightarrow sterblich sein (x)), Kein Mensch ist unsterblich ($\exists x$) (Mensch sein (x) & sterblich sein (x)). По правилам логики первое выражение может быть преобразовано во второе и наоборот.

Значение экзистенциальности и очерчивается этими двумя пределами: 1) ($\forall x$) и 2) ($\exists x$), никогда не достигая второго, но в известных случаях смыкаясь с первым. Ведь существование объектов, обладающих данным свойством, не исключает того, что все объекты могут обладать данным свойством. Более того, если все объекты обладают некоторым свойством, то логически отсюда следует, что (в случае, когда соответствующее множество непусто) существуют объекты, обладающие данным свойством.

Поэтому универсальное высказывание с определенным артиклем, например, Der Mensch ist sterblich всегда может быть превращено в экзистенциальное: Ein Mensch ist sterblich, при этом подчеркивается идея выделения, выбора, столь неразрывно связанная с понятием существования.

Но и здесь, называя одну и ту же ситуацию, определенный и неопределенный артикль имеют различное внутреннее значение и было бы неверно приписывать в подобных примерах неопределенному артиклю значение универсальности, ибо в неопределенном артикле и здесь остается экзистенциальность и связанная с ней идея выбора элемента (в данном случае произвольного) из множества.

Конечно, экзистенциальность здесь ослаблена (остается лишь идея выбора). Это, в частности, проявляется в следующем. Во всех приведенных ранее примерах экзистенциальность могла быть подчеркнута константой irgend например: а) Dort steht irgendein Mann; б) Irgendeine helle Stimme rief; в) Auf dem Tisch liegt irgendeine Mappe и т. п. В данном примере такое усиление невозможно: \exists Irgendein Mensch \exists ist sterblich.

О полной нейтрализации значения экзистенциальности можно говорить при употреблении слова с неопределенным артиклем в предикативе, например, *Der Löwe ist ein Raubtier*, ср. невозможность **Der Löwe ist irgendein Raubtier*.

Здесь общее значение связки (освободившейся, как известно из истории языка, от конкретного значения существования) служит мощным контекстным средством, которое полностью снимает экзистенциальность, и остается лишь значение неопределенности (нетермовости). Та же нейтрализация имеет место в случаях, где предложение перифразируется в конструкцию с предикативом¹², например, *Sie hatte die Bewegungen einer Antilope*. Нельзя **irgendeiner Antilope*, ср. *Sie war wie eine Antilope*.

Следует отметить, что в позиции предикатива *kein* ≠ *nicht ein*, ср. *der Löwe ist nicht ein Insekt* — отрицание принадлежности к классу, и *der Löwe ist kein Insekt* — отрицание существования такого класса насекомых, который включал бы и льва. *Kein* здесь имеет усиленное значение по сравнению с *nicht ein*, и это связано с анти-экзистенциальностью.

Вообще в немецком языке отрицание *nicht*, как правило, не употребляется в экзистенциальных высказываниях, если значение экзистенциальности в них не побледнело. Так, в утвердительной форме возможны два высказывания: *Ich liebe die Kinder*, если говорящий хочет подчеркнуть, что речь идет о всех детях, о классе детей, и *Ich liebe Kinder*, если речь идет о существовании детей, которых говорящий любит. Чрезвычайно интересно, однако, что в отрицательной форме возможно лишь *Ich liebe die Kinder nicht*, в то время как **Ich liebe Kinder nicht* не говорят. Это становится понятным, если учесть, что отрицание экзистенциального высказывания эквивалентно некоторому высказыванию с квантором всеобщности (если не существует *x*, обладающий данным свойством, то это означает, что для любого *x* неверно, что *x* обладает данным свойством). Как мы знаем, кванторное значение всеобщности передается определенным артиклем. Отсюда и объясняется форма *Ich liebe die Kinder nicht*. При интерпретации подобных примеров, по-видимому,

¹² Несколько иное объяснение тех же фактов в работе: Чураева, 1967, с. 223—224.

важную роль играет объем класса, обозначаемого соответствующим существительным. Так, при существительных, обозначающих очень широкие понятия и приближающиеся в этом смысле семантически к местоимениям, неопределенный артикль (представленный нулевой формой во множественном числе) не употребляется. Так, неправильны предложения: *Er liebt Menschen (Leute); *Sie liebt Sachen . . ., Dinge. По-видимому, существование каких-то объектов, которые занимают соответствующее место в высказывании, предполагается семантикой языка и поэтому приведенные высказывания противостоят данной семантике. Если же говорящий хочет подчеркнуть идею выбора лишь некоторых объектов, он должен употребить неопределенное местоимение, например, Er liebt einige Menschen; Sie liebt manche Sachen. С определенным артиклем соответствующие высказывания осмысленны: Er liebt die Menschen.

Итак, неопределенный артикль участвует не только в коммуникативном противопоставлении по определенности — неопределенности, оформляя новый элемент ситуации, но и в когнитивном (логическом) противопоставлении по экзистенциальности. Эта двойная нагрузка делает неопределенный артикль маркированным средством, а категорию неопределенности, складывающуюся из признаков экзистенциальности и неопределенности — маркированной категорией.

Актуализованность — неактуализованность. Противопоставление по актуализованности — неактуализованности (этот термин принадлежит Балли (Балли, 1955) или по соотношенности — несоотношенности в понимании Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой (Зиндер и Строева, 1957) разделяет существительные, соотношенные с предметами (в широком смысле слова) и существительные, выражающие понятие как таковое. Ср. следующий диалог:

— Nein, nicht mit Gewalt, aber nachdrücklich, so wie es die Person, um die es geht, erwarten darf.

— Warum sagen Sie Person, und nicht Marie? (H. Böll).
Здесь речь идет в первый раз о предмете (в широком смысле), а во второй реплике о слове, обозначающем предмет, поэтому артикль опускается, ср. также следующие пары высказываний: Der Tisch steht im Zimmer — der Begriff Tisch ist klar; Er ist ein Athlet (относится к конкретному классу борцов) — Er ist Athlet (обладает сово-

купностью свойств, формирующих данное понятие); Das Gefühl der Trauer anlässlich seines Todes (конкретное состояние) — Ein Gefühl von Trauer überfiel ihn (абстрактное свойство). Перечислим теперь основные позиции, в которых существительное неактуализовано — мы будем называть их позициями дезактуализации:

а) после существительного, обозначающего общее понятие, если не используется родительный падеж: Der Begriff Mensch, des Worts Gewissen, mit einer Art Grazie. Сюда же можно отнести позицию после существительного, означающего меру: Eine Tonne Benzin, ein Meter Tau;

б) в обстоятельственных (сирконстантных) предложениях группам: mit Freude, ohne Sorge;

в) в композитиве (если считать эту позицию отдельным словом), ср. Regierungswechsel, Trauergefühl, причем в этом случае безразлично, употребляется ли артикль при разложении: Wechsel der Regierung, Gefühl von Trauer;

г) в обращении, например: werte Frau! lieber Freund!;

д) при неисчисляемых существительных, не являющихся сильно определенными: Gib mir Butter und Kaffee mit Milch, bittel! Отличие этой позиции от предыдущих в том, что здесь в принципе можно говорить о семантической эквивалентности между дезактуализацией и неопределенным артиклем. В самом деле, в случаях типа приведенного передается значение части от целого в условиях, когда целое качественно не отличается от части, и, по видимому, именно поэтому невозможно *ein Butter, *mit einer Milch и т. п. Какую бы порцию масла, молока и т. п. мы бы ни взяли, она подобна («гомеоморфна») целому. С другой стороны, именно тот факт, что значение целого делает существительное выразителем скорее понятия, чем предмета, позволяет говорить о позиции дезактуализации.

Если в перечисленных случаях дезактуализация обязательна (по поводу пункта б) см. ниже), то в нижеследующих позициях дезактуализация факультативна;

е) парные сочетания существительных, например: Er kam mit Frau und Kind. Ясно, что во фразеологизмах артикль вообще не зависит от позиции, ср. auf Schritt und Tritt, mit Kind und Kegel. Не во всякой паре существительных можно осуществить дезактуализацию. Так, грамматически неправильно предложение *Aus dem Zimmer wurden Tisch und Teller fortgeschafft.

Дело в том, что дезактуализация в этом случае подчеркивает значение единства всего сочетания, в то время как *Tisch und Teller* не представляют собой естественного единства. Другое положение в примерах типа *Dann geboten Frost und Schnee dem Werke halt* (Th. Storm). Здесь *Frost und Schnee* части единого целого. Еще более показателен пример из знаменитой «*Lorelei*» Г. Гейне:

Ich glaube, die Wellen verschlungen
Am Ende Schiffer und Kahn. . .

До этого было *Den Schiffer im kleinen Schiffe* (*ergreift es . . .*), т. е. оба предмета предполагаются ситуацией и каждый должен был бы быть употреблен с определенным артиклем. Но все дело в том, что *Schiffer—Kahn* выступает как единое целое, которое как таковое появляется здесь впервые. То, что речь идет не о поэтической вольности, а о регулярном явлении, доказывается примерами типа *Von den Arbeitern sahen einige zu Roß und Reiter hinüber* (Th. Storm). Конечно, во всех подобных ситуациях артикль возможен — в особенности при наличии определений. Интересно, однако, что если соответствующие понятия связаны особенно тесно, то дезактуализация возможна и при наличии определений, ср. *Wenn wir die Unterhaltungen der Kameraden über das Verschwinden unseres Meisters, über dessen Ursachen, über Recht und Unrecht seiner Entschlüsse und Schritte, über Sinn und Widersinn seines Schicksals anhören, so muten sie uns an* (H. Hesse). Здесь *Recht — Unrecht, Sinn — Widersinn* выступают как единые целые, и именно это подчеркивается дезактуализацией, хотя артиклевое оформление здесь вполне возможно: *über das Recht und Unrecht. . .*

Приведем еще примеры дезактуализованных парных сочетаний (все из новелл Т. Шторма): *In anmutigen Fluge schwebten Möwen über Land und Wasser hin. . . Der glänzendste Himmel breitete sich über Meer und Marsch; Aber Sturm und Meer waren nicht barmherzig;*

ж) позиция предикатива, когда приписывается очень общее понятие, ср. *August war Sohn, das war die Haupteigenschaft seines Lebens* (Th. Mann) и *Er war ein Sohn reicher Eltern;*

з) позиция после *als* и *wie*: *Er errötete wie (ein) Knabe.*

Примечание. В предложных группах артикль может появляться, если речь идет об устойчивых сочетаниях, например, *aus dem Streif*, а также в обстоятельственных группах с отчетливым местным или временным значением: *am Morgen, auf dem Lande* — здесь, как правило, выступает определенный артикль. Неопределенный артикль появляется, если возникают такие дополнительные определения, которые существенно модифицируют понятие, ср.: *Er tat es mit einer Freude, die alle überraschte*.

Формализация правил выбора¹³. Сложная структура противопоставлений, описанная выше, делает крайне затруднительным выбор артикля в каждом конкретном случае. Полностью права О. И. Москальская: «Сложность правил употребления артикля объясняется тем, что в каждом случае оно оказывается обусловленным взаимодействием ряда факторов, причем в различных случаях на первый план выступают различные функции артикля» (Москальская, 1956, с. 127). Правила употребления артикля представляют собой конфликтную ситуацию, т. е. ситуацию, в которой решение принимается путем взвешивания различных противоположно направленных факторов.

Однако мы попытаемся несколько упростить ситуацию, предложив однозначные решения на месте неоднозначных с тем, однако, чтобы основные противопоставления, описанные выше, не нарушались. Мы имеем в виду в первую очередь интересы практического преподавания, однако структура соответствующих правил имеет значение и для теоретической грамматики, так как отражает в известной степени фактическую картину.

Предполагается, что дан немецкий текст, в котором все артикли заменены многоточиями (ср. структуру соответствующих упражнений в школьных учебниках немецкого языка). Требуется поставить нужный артикль. Из приведенных противопоставлений — из-за возможности конфликтных ситуаций — еще не вытекает однозначно выбор артикля.

Оптимальным, т. е. наиболее близким к правильному (разумеется, если взять достаточно длинный текст), окажется решение, в котором выбор артикля упорядочен следующим образом:

¹³ Решение, более развернутое и одновременно несколько отличное от предлагаемого здесь, см.: Ревзин, 1968.

1) проверяются все условия сильной определенности, если выполнено хотя бы одно из них, то ставится определенный артикль, если нет, переходим к 2;

2) проверяются все условия дезактуализации, если выполнено хотя бы одно из них, артикль опускается, если нет, переходим к 3;

3) проверяются все условия неопределенности и экзистенциальности, если выполнено хотя бы одно из них, то ставится неопределенный артикль, если нет, то переходим к 4;

4) во всех оставшихся случаях ставится определенный артикль, причем, если слияние с предлогом, возможно, предпочитается слитная форма.

Особенность этой системы правил прежде всего в том, что во всех неясных ситуациях ставится определенный артикль, который действительно (если отвлечься от «сильной определенности») является маловыразительным, и поэтому постановка его в неоговоренных нами ситуациях не должна привести к ошибке. Другое дело неопределенный артикль или опущение артикля. Непредусмотренное применение их легко может привести к ошибке, искажающей текст.

Порядок правил существен. Если, например, переставить условия 3) и 1), то в предложении *Er bereiste . . . 15 Sowjetrepubliken* будет поставлен неопределенный (нулевой) артикль, ибо возможна подстановка: *Es gibt 15 Sowjetrepubliken*, однако условие универсальности, т. е. сильной определенности, проверяется первым и поэтому ставится определенный артикль: *Er bereiste die 15 Sowjetrepubliken*.

Если переставить 2) и 3), то во фразе *Es gibt . . . Butter*, будет поставлен неопределенный артикль: *Es gibt ein Butter*.

Разумеется, данные правила огрубляют фактическое положение дел, ибо не учитывают стилистическое употребление артикля. Вот, пример из современного детектива: *Das Bild des Zimmers bestimmten ein schwerer Teppich, der vom Fußboden nichts sehen ließ, und ein Kamin gegenüber dem Fenster. Diagonal der Sitzecke gegenüber leuchtete die hellgebeizte Musiktruhe, einen Meter nach links die Kleine Hausbar, die in der Farbe genau zur übrigen Einrichtung paßte.*

Здесь, по нашим правилам, нужно *der Kamin*, а не *ein Kamin*, ибо в комнате только один камин. Наоборот, радиола вовсе не должна быть единственной (хотя обычно и она бывает только одна!), причем возможна перифраза *gab es eine Musiktruhe*. Однако здесь автор выбирает довольно необычное распределение артиклей. Может быть это делается, чтобы остановить внимание на каждом из перечисленных предметов (здесь описывается осмотр следователем места преступления).

Категория числа. Связь расчлененности с термовостью. Для ядерной группы существительных, т. е. для слов, обозначающих термы, противопоставление по числу является обязательным, ибо для современного немецкого языка (как и всех других индоевропейских языков) понятие о предмете неразрывно связано с идеей четко выделенной области пространственного континуума, а в связи с этим с возможностью расчленить множество предметов на ряд однородных.

Все слова-термы имеют фактическое или потенциальное множественное число.

Так, хотя формы *die Sonnen*, *die Erden*, *die Monde* не употребляются, но они возможны, и легко придумать контексты, в которых они будут оправданы.

Это же касается вещественных имен, ср. *Brot—Brote*, *Wein—Weine*, *Salat—(verschiedene) Salate* и т. п., хотя для них образование множественного числа связано с некоторым сдвигом значения. Возможна, однако, обратная ситуация, когда слово-терм имеет лишь форму множественного числа (*Pluralia tantum*), но соответствующая ей форма единственного числа не только фактически отсутствует, но и потенциально невозможна, т. е. нельзя представить себе контекст, где она была бы оправдана, ср. *die Eltern*, *Geschwister*, и невозможность формы **ein Elter(n?)*, **ein Geschwister* и т. п.

Дело в том, что в противопоставлении по числу форма множественного числа является маркированной: она всегда обозначает расчлененность или множественность. Поэтому наличие одной этой формы достаточно для осмысления слова как обозначающего некоторый терм.

П р и м е ч а н и е. В некоторых случаях трудно найти осмысление для форм *Pluralia tantum*, например, для названий болезней или географических названий типа *die Alpen*.

Что касается всего множества существительных, то здесь противопоставление по числу носит факультативный характер, причем, чем существительное абстрактней (т. е. передает лишь общую идею процесса или свойства), тем менее необходимым и даже менее возможным становится употребление соответствующей формы множественного числа.

Так, совершенно не употребляется — и можно считать, что запрещена системой языка — форма множественного числа от субстантивированного инфинитива, ср. *das Gehen*, *das Steigen*, *das Anerbieten*, *das Erscheinen* при отсутствии **die Gehen*, **die Steigen*, **die Anerbieten*, **die Erscheinen*. Иногда роль соотносительной формы множественного числа играет форма множественного числа от существительных той же основы с суффиксом *-ung*, для которых образование множественного числа системно не запрещено, ср. *Anerbietungen*, *Erscheinungen*. Таково же положение с субстантивированными прилагательными среднего рода типа *das Gute*, *das Schöne*, *das Böse*, для которых форма множественного числа системно запрещена.

Для абстрактных существительных, образованных от прилагательных с помощью суффиксов *-e*, *-heit*, *-schaft* и т. п. форма множественного числа потенциально возможна, но связана, как правило, со сдвигом значения в сторону конкретизации, ср. *Freiheit* — *Freiheiten* и т. п. Формы множественного числа от подобных абстрактных существительных, как и слова-термы, не употребляются и в качестве центра, управляющего инфинитивным оборотом и придаточным предложением, ср. *das Bestreben*, *alle Sprachen zu beherrschen* при неестественности конструкции: **die Bestrebungen*, *alle Sprachen zu beherrschen*, *die Freiheit zu atmen und zu dichten* при невозможности: **die Freiheiten zu atmen und zu dichten*; или *die Möglichkeit, daß er kommt und daß er bleibt*, но не **die Möglichkeiten, daß er kommt und daß er bleibt*.

Очень характерным является следующий факт: ослабление противопоставления по числу для существительных, которые в принципе имеют обе формы, связано с употреблением в таких высказываниях, где имеется в виду не терм, а предикат со значением принадлежности к классу, причем артикль имеет кванторное значение универсальности, например: *Die Tanne ist ein nützlicher Baum*, *Die Tannen sind nützliche Bäume*, смысл «для любого объекта из того,

что он принадлежит к классу елей, следует, что он является полезным деревом (что они являются полезными деревьями)».

Здесь полностью нейтрализуется противопоставление по множественности—немножественности и остается лишь противопоставление по расчлененности: единственное число обозначает нерасчлененную совокупность — и это значение переходит в значение класса, в то время как множественное число означает расчлененную совокупность. Это противопоставление, вообще говоря, потенциальное, может намеренно подчеркиваться, ср.: Jean-Jacque richtete die herrlichen jungen, lebendigen Augen auf ihn. «Die Menschen sind böse, — sagte er, — da haben Sie recht. Aber der Mensch ist gut» (Feuchtwanger). Здесь интересно, что все члены класса, как расчлененного на единицы, характеризуются некоторым фактическим свойством, в то время как класс сам по себе, нечто нерасчлененное, обладает прямо противоположным свойством. Здесь видно, что термовость связана с расчлененностью (так, возможна подставка *sie sind böse*, но бессмысленно **er ist gut*).

Связь расчлененности с термовостью проявляется в том, что с развитием техники все чаще абстрактные обозначения свойств становятся обозначениями предметов, о чём сигнализирует именно возможность образования множественного числа. Появляются все новые слова типа *Auslesen, Elektrizitäten, Honige, Weinbrände*.

Аналогичный процесс овеществления названий свойств (разумеется, по другим причинам) идет в поэтическом языке, где появляются образования типа: *Sehnsüchte, Einsamkeiten, Düsternisse, Vergangenheiten, Bewußtseine, Dränge*, ср. *Weite Zukünfte riß er auf vor ihm* (Th. Mann).

Таким образом, категория числа, являясь когнитивной (логической) категорией, т. е. отражая свойства объектов реальной действительности, ведет себя активно (как и другие категории языка, она не просто отражает действительность, но специфическим образом организует ее представление в языке). Существенно, однако, что сама эта организация относится именно к когнитивной сфере (противопоставление термина—обозначения объекта и предиката—обозначения свойства)¹⁴.

¹⁴ О связи категории определенности с категорией числа см. также: Ревзин, 1969а, 1969в, 1970, 1977 (прим. сост.).

Г.4. Зависимость идеи предмета от языка

Хотя общеизвестное утверждение, что «существительное обозначает предмет», интуитивно представляется оправданным, попытки его логической экспликации оказываются безуспешными. При этом речь идет не только об абстрактных существительных типа *доброта*, *движение*, но и о таких конкретных существительных, как *стол*, *мальчик*, *масло*.

Можно было бы считать, что слово обозначает предмет, если в приписанной предложению логической структуре оно соответствует терму, как, например, в высказываниях *Сократ мудр*; *Он мудр* или *Стол, стоявший передо мной, был из красного дерева*; *Этот стол очень удобен*.

Мы не случайно должны были начать с собственных имен (заметим, что и в учебниках логики, как правило, в качестве примеров термов фигурируют не слова типа *стол* или *лев*, а используются собственные имена, например, *Сократ человек*, где терму соответствует имя собственное, а обычное аппеллятивное существительное *человек* передает предикат). Дело в том, что аппеллятивное существительное соответствует терму лишь в особых условиях контекста или специальных указательных слов.

Личные местоимения и собственные имена — предельно противопоставленные с точки зрения объема соответствующего класса предметов — имеют ту общую черту, что они не связаны с признаками предметов (если отвлечься от рода и числа). В связном тексте как имена собственные, так и местоимения можно рассматривать как средства, служащие для избежания длинных дескрипций (Mac Iver, 1936).

Ни местоимения, ни собственные имена никогда не используются для выражения предиката. Высказывания *Это Иван* и *Это человек*, где имя собственное наряду с обычными аппеллятивами выступает, казалось бы, в позиции предиката, имеют особый статус высказываний предлогических, т. е. строго говоря, не подлежащих компетенции логики и не формализуемых ее средствами. В остальных случаях имя собственное, занимая ту же позицию, что и аппеллятив, выражает не предикат, а терм: если в немецком предложении *Paul ist ein Priester* 'Павел священнослужитель' слово *ein Priester* отражает предикат, то в предложении *Paul ist Saul* 'Павел есть Савл' оба имени *Павел*

и *Савл* суть термы, а предикатом выступает глагол, передающий идею тождества (Берка, 1961).

С точки зрения логики¹⁵ все слова можно разбить на три класса: а) слова, выражающие только термы — сюда относятся имена собственные, а также личные местоимения типа *он, она, оно*; б) слова, имеющие способность выражать как термы, так и предикаты — сюда относятся все остальные существительные (иначе говоря, особенность существительных не в том, что они выражают предмет, а скорее в том, что они могут выражать предмет); в) слова, выражающие только предикаты (или части предикатов) — сюда относятся прилагательные, глаголы, наречия, а из неполнозначных предлоги (в некоторых языках, например вьетнамском, трудно провести границу между предлогом и глаголом).

Мы будем называть имя существительное, выступающее в роли терма — термовым. Напомним (см. I.1) операционное определение термового слова, не использующее понятий терм и существительное. Базис определения: всякое личное местоимение есть термовое слово. Индуктивный шаг: если некоторое слово можно заменить термовым без изменения смысла и грамматической правильности, то оно также есть термовое слово. Других термовых слов нет.

В примерах типа *Стол, стоявший передо мной, был удобен* или *Этот стол удобен* слово *стол* есть термовое слово, ср. *Он удобен*. В случаях типа *На стол подали жаркое* или *Стол — необходимый предмет мебели*, где слово *стол* соответствует части предиката (первый пример), либо содержит скрытый предикат, ср. *для всякого x из того, что x есть стол, следует. . .*, мы имеем нетермовые слова, поскольку *На него подали жаркое* грамматически неправильно, а предложение *Он необходимый предмет мебели* имеет другой смысл (соответствуя фразе *Этот стол — необходимый предмет мебели*).

Имена собственные, как правило, суть термовые слова, и можно было бы взять их вместо личных местоимений в базисе определения. Однако существует класс локативных имен, которые не термовы в специальных локативных кон-

¹⁵ Ср. критику грамматической классификации по частям речи в работе Г. Рейхенбаха (Reichenbach, 1948).

струкциях, см. 1,2, ср.: *Я живу в Москве* при грамматической неправомерности *Я живу в ней*.

Необходимо подчеркнуть, что в базисе определения имеются в виду только личные местоимения. Возможны случаи омонимии, когда с личным местоимением формально совпадает неопределенное. Таково, как было показано выше, положение в немецком языке, где существуют два слова *es*: одно *es* личное местоимение 3-го лица единственного числа среднего рода, например *Ich kenne das Buch; Es ist gut*, где термовость слова *das Buch* определяется соответствующей заменой, и другое неопределенное, которое может быть подставлено вместо произвольного предиката, ср.:

Er ist ein Priester — er ist es
Er ist klug — er ist es и т. д.

Итак, понятие термового существительного, т. е. слова, в первую очередь обозначающего предмет, формируется на основании понятия местоимения, причем главным образом 3-го лица, т. е. обозначения чего-то, что находится в акте коммуникации перед глазами говорящего и слушающего (употребление местоимений в связном тексте несомненно вторично), т. е. предмет возникает как нечто, о чем говорят. Этот тезис подтверждается и тем наблюдением, что дальнейшее обобщение понятия «предмет» проще всего достигается следующим определением: Мы будем говорить, что слово *x* предметно в широком смысле, если его можно подставить вместо многоточия в выражении: *Это (есть) . . .*, где *это* сопровождается указательным жестом.

Легко проверить, что любое термовое слово подставляется в эту формулу: *Это он, Это Иван, Это стол, который мне нравится*, но в нее подставляются и нетермовые слова, например, *Это стол, Это лев* и даже *Это бег, Это красота*. Если слово это не сопровождается указательным жестом, то определение предметности оказывается даже слишком широким, ср. *Это красиво*, но тогда мы выйдем из границы категории предмета. Определение предметности можно понимать как экспликацию тезиса Черча о том, что вещь является все, что может быть названо (Черч, 1960, с. 342). Уже отмечалось, что названы могут быть, например, и свойства (Войшвилло, 1967, с. 19).

В случае, когда существительное термово, например, в предложении *Этот стол удобен*, соответствующее предложение можно перифразировать с употреблением формулы *Это (есть) . . .*, ср. *Это стол, он удобен*. Таким образом, можно представить глубинную структуру каждой фразы с термовым именем как содержащую указание на коммуникативную ситуацию, в которой она могла быть произнесена.

Материальным выражением этого компонента глубинной структуры может быть личное местоимение, указательное местоимение, имя собственное и, наконец, в тех языках, где выработалась соответствующая категория — артикль. Таким образом, мысль Кассирера о том, что артикль, выражающий идею субстанции, восходит к пространственным представлениям (Cassirer, 1923), получает поддержку и одновременно уточнение: речь идет не об объективном пространстве, а об ориентации относительно определенной коммуникативной ситуации. Эта ориентировка носит до-логический характер, ибо логический анализ предполагает уже заданную предметную область. Описывать объект как возникающий в акте коммуникации логика не может, и именно этим объясняется неудача Карнапа, пытавшегося определить значение собственных имен в терминах объективно существующей системы координат (ср. критику этих идей: Рассел, 1957, с. 110—115).

Интересна попытка Т. Чезовского (Czeżowski, 1971) формализовать высказывания типа *Это Висла*. Вводя термин «данный сигнант» для обозначения знака-события, он раскрывает значение высказывания *Это Висла* при помощи конъюнкции следующих трех выражений: 1) существует x такой, что данный сигнант (знак-событие *Это Висла*) относится к x ; 2) для любого y из того, что данный сигнант относится к x и к y одновременно, следует $x=y$ (т. е. данный сигнант обозначает индивидуальный предмет); 3) x идентично с Вислой. Некоторые характерные черты имени собственного действительно раскрываются этим определением, однако оно не снимает элемента окказиональности (по Гуссерлю) или эгоцентричности (по Расселу), ибо элемент *это*, относящийся к коммуникативной ситуации, заменяется выражением «данный сигнант», также относящимся к той же ситуации. При этом вызывает сомнение равнозначность данной экспликации с исходным

выражением *Это Висла*, ибо здесь речь идет о чем-то, находящемся перед глазами и получающем статус предмета благодаря акту названия.

Формула *Это (есть)* . . . является языковой универсалией, и в этом смысле идея предмета имеется во всех естественных языках. Однако дальнейшее развитие этой идеи может быть различным. Мы уже говорили, что не все языки имеют категорию артикля. Еще существеннее другое различие, связанное с представлением идеи о предметности.

Предмет, вообще говоря, допускает два представления: одно из них характеризует предмет, в первую очередь, как четко отграниченную область пространства, хотя и изменяемую во времени, но сохраняющую свои типологические свойства (непрерывность и отграниченность от других подобных объектов); в то время как другое подчеркивает в предмете то, что он является пересечением определенных свойств, т. е. определяется не столько в конкретном пространстве и времени, сколько в абстрактном многомерном пространстве свойств.

Так, в современных европейских языках, например в русском, тяготение к первому типу подчеркивается тем, что для всех терминированных существительных обязательным является противопоставление по числу, захватывающее и большинство нетерминированных. Смысл противопоставления по числу, как выяснено в современной лингвистике, и состоит в идее расчлененности, а именно каждое существительное мыслится как элемент расчлененной, занимающей разные участки пространственно-временного континуума совокупности однородных предметов. Заметим, что понимание почти всякого (за исключением небольшой группы несчетных) существительного как выразителя расчленяемой совокупности делает совершенно естественным употребление существительного при счете без каких-либо добавочных слов, специально выражающих расчлененность (примеры типа *пять душ детей* явные раритеты, а в случаях *два сорта чая, пять литров молока* мы имеем дело с ограниченной группой несчетных существительных).

В китайском или вьетнамском языке наблюдается обратная картина¹⁶. Грамматического противопоставле-

¹⁶ Об этом подробнее см.: Ревзин и Ревзина, 1977 (прим. сост.).

ния по числу нет. Взятое само по себе любое существительное в китайском языке обозначает не отдельный индивидуальный предмет, а совокупность свойств или, как говорит А. А. Драгунов, «предмет, взятый как класс вроде русских „домашняя птица“ или „красная рыба“» (Драгунов, 1952). Здесь характерно сравнение с русскими несчетными существительными, лишенными противопоставления по числу. Именно с представлением о предмете как о пересечении свойств связана та особенность языков данного типа, также вскрытая Драгуновым, что, как правило, предмет оформляется через бином, т. е. существительное состоит из двух морфем, ср. *пенью* буквально 'друг-друг' в значении 'друг' или *суншу* буквально 'сосна-дерево' в значении 'сосна'. В первом случае две разных морфемы передают в отдельности одно и то же понятие, но употребляются лишь вместе, во втором одна морфема передает видовое, а другая — родовое понятие, но существенно, что каждый раз соединяются названия двух признаков. Иногда эти признаки прямо противоположны, например, *даосяо* буквально 'большой-маленький' в значении 'величина', *дошао* буквально 'много-мало' в значении 'сколько' и т. п. При употреблении с указательным местоимением (т. е. при явной терминированности) или с числительным (т. е. при счете) обязательно появляются классификаторы, играющие двойную роль: 1) они специально указывают на расчлененность и 2) они вводят еще один дополнительный признак, подчеркивающий предметность слова, например русскому сочетанию *один стол* соответствует в китайском *иба ицзы* буквально 'одна ручка стол'.

Различие этих двух представлений о предмете можно продемонстрировать следующим примером. И европейские и китайские схоласты занимались вопросом, каким образом один и тот же признак *белый* приписывается двум разным словам в сочетании *белая лошадь* (поразительным образом их занимало одно и то же сочетание!). В знаменитом *Dialogus de grammatica* Ансельма Кентерберийского говорится, что в сочетании *equus albus* факт белости коня передается прилагательным *albus*, ибо не предполагается знания о том, что конь белый, в то время как слово *equus* в данном случае также обозначает белый предмет, однако это есть обозначение *per aliud* (Ossowska, 1971).⁶ Для нас существенно, что различие предмета и признака здесь несомненно опирается на различие категорий прилагатель-

ного и существительного в латыни. Китайские софисты III в. до н. э. сформулировали следующий парадокс: *по ма фэй ма* 'белая лошадь не есть лошадь' (Масрего, 1934). В переводе теряется, правда, парадоксальность, но если учесть, что *ма*, вообще говоря, обозначает не столько предмет, сколько свойство 'быть лошадью', то становится понятным, что данное предложение одновременно имеет следующее толкование: 'быть чем-то белым и быть лошадью не то же самое, что быть просто лошадью'.

Приведенный анализ существен потому, что в современной теории порождающих грамматик делается попытка возрождения картезианского рационализма, основанного, как известно, на идее, что субстанция резко противопоставлена свойству, причем субстанция есть абстрактное образование, отвлеченное от любых свойств. Уже эмпиризм XVIII в. поставил на это место иную идею субстанции, а именно идею более или менее постоянного набора свойств. Как мы видели, эти идеи просто отражают структуру европейских языков. Развитие современной науки привело к преодолению этих двух метафизических концепций. Всякая субстанция представляется как выделяемая в результате опыта часть некоторого целого, причем вербализация этого понятия происходит по формуле *Это (есть) . . .*, где вместо многоточия прежде всего подставляется собственное имя, либо, как мы видели, родственное ему личное местоимение или аналогичное слово, характеризующее тем, что его значение может быть определено только в акте коммуникации. Представляется, что все попытки формализации языка, не учитывающие этого обстоятельства, осуждены на односторонность и в конечном счете на неадекватность.

1.5. О замещениях имен в связном тексте¹⁷

Правильно построенный связный текст предполагает выполнение определенных условий, касающихся упорядоченности предикатов¹⁸ и отношения замещения в тексте. Это последнее отношение следует рассмотреть подробнее,

¹⁷ В подготовке к печати раздела 1.5. приняла активное участие А. В. Головачева (прим. ред.).

¹⁸ Об упорядоченности предикатов в связном тексте см.: Ревзин, 1975а (прим. сост.).

поскольку оно непосредственно связано с условиями замены на личное местоимение, функционированием в тексте собственных имен и существительных с определенным артиклем, которые уже были подвергнуты здесь обсуждению с разных точек зрения.

Типы текстовых замещений мы будем рассматривать в связи со следующим парадоксом анализа: разъяснение какого-либо понятия («его анализ») часто сопряжено с утверждением, что некое понятие B_1 идентично другому понятию B_2 . Г. Е. Моор (Moore, 1942, с. 660—667) первым установил, что высказывание, в котором конечный результат имеет вид:

1) понятие B_1 идентично понятию B_2 , либо тривиально, поскольку оно сводится к утверждению;

2) понятие B_1 идентично понятию B_1 , либо приводит к противоречию. Моор исходит из следующих соображений. Если два понятия идентичны, то слова, их обозначающие, являются синонимами, и один синоним может быть заменен другим — причем независимо от существующего окружения. Таким образом, если B_2 заменяется через B_1 в 1), то мы получаем именно 2), при этом высказывания 1) и 2) означают не одно и то же. Так у Моора.

Парадоксальность станет еще очевиднее, если принять во внимание, что высказывание только тогда может считаться понятием, когда найдена соответствующая парафраза, и в особенности новое слово в данном контексте только тогда понятно, когда мы можем его заменить синонимичным и известным нам словом. Но отсюда следует, что из высказывания 1) мы вообще не можем понять B_2 , хотя высказывание 1) точно описывает схему, которая должна служить для понимания нового понятия.

Предлагались различные средства для устранения парадокса анализа. Так, Р. Карнап сузил сферу синонимии, введя понятие «интенциональной структуры» (Carnap, 1956, см. там же изложение подобной идеи К. И. Леви). Но здесь мы хотим показать, что замещение одного слова другим является текстово-лингвистической процедурой, которая как таковая подлечит известным ограничениям, и что эти ограничения сами по себе (так сказать, попутно) также исключают парадокс анализа.

Как известно, слово означает множество соответствующих ему объектов («экстенционал» в смысле Карнапа)

и/или множество признаков («интенционал» в смысле Карнапа). Соответственно этому различаются два типа замещений в тексте:

а) слово *x* замещает слово *y* так, что множество обозначенных в тексте объектов остается тем же самым, — в этом случае мы будем говорить об «экстенционально-сохраняющем замещении».

б) слово *x* замещает слово *y* так, что множество обозначенных в тексте признаков остается тем же самым, — в этом случае мы будем говорить об «интенционально-сохраняющем замещении».

В I.4. были выделены два интеллектуальных представления о предмете — как точке или области в системе пространственно-временных координат или в *n*-мерном пространстве свойств или признаков. По этому критерию был выделен европейский языковый тип и в значительной степени полярный ему языковый тип, представленный в таких языках, как китайский и вьетнамский. Теперь можно добавить, что два представления о предмете существуют в пределах единой языковой системы, но уровень их проявления может быть различным. В европейском языковом типе благодаря категории числа, а также категории определенности—неопределенности, предмет мыслится на грамматическом уровне как отделенный от других, отграниченный объект; но на уровне текста играет важную роль и представление о предмете, исходя из множества обозначенных в тексте признаков.

Два типа замещений обслуживаются, в частности, в немецком языке различными средствами. Так, для «экстенционального замещения» служат личные местоимения, ср. *Puschkin war ein Dichter. Er . . .*, где прономинализация не изменяет указанного множества (и тем самым индивидуума), в то время как для «ин-сохраняющего» может служить только неопределенное *es* (и то не всегда), ср. *Puschkin war ein Dichter. Puschkin war es, obgleich . . .*, где *es* указывает на то же самое множество признаков. Как известно, в этой функции не может употребляться личное местоимение (не имело бы смысла высказывание: **Puschkin war er, obgleich . . .*).

Кроме того, замещения могут быть разделены на два типа в связи с известным соотношением тема—рема, играющим существенную роль в теории текста (Dressler, 1972). Тематическим замещением мы называем всякое

замещение в теме высказывания в данном тексте, а нетематическим — всякое другое замещение.

Теперь мы можем постулировать важный принцип:

P 1. В каждом предложении правильно построенного текста каждое тематическое замещение является «эксохраняющим» и каждое нетематическое — «инсохраняющим».

Излишне приводить примеры, подтверждающие этот принцип, поскольку он непосредственно вытекает из определения замещения. При нарушении этого принципа едва ли можно говорить о замещении.

До сих пор мы рассматривали замещения в очень коротком тексте (одно-два предложения). В более длинном тексте возникает специфический эффект кумуляции, состоящий в том, что признаки, однажды упомянутые, подчинены соответствующим объектам на протяжении текста. Это приводит к другому принципу, который также связан с определением замещения:

P 2. В правильно построенном тексте при тематическом замещении:

а) множество признаков, подчиненных до сих пор одному объекту, не увеличивается;

б) множество объектов, априорно имеющих соответствующие признаки, не уменьшается.

Этот принцип означает, что замещение не может нести с собой никакой новой информации и никакого уточнения предшествующей информации, иначе оно будет восприниматься не как замещение, а как нечто другое.

Во-первых, следует убедиться в том, что прономинализация, т. е. классический случай замещения в тексте, соответствует принципам *P 1* и *P 2*. Если в высказывании типа *Puschkin ist ein Dichter* мы заменим слово *Puschkin* через *er*, то кумулированное множество признаков не расширится, поскольку личному местоимению соответствует пустое множество признаков, и множество объектов, имеющих признак *Dichter*, не специализируется. Следовательно, прономинализация соответствует постулатам 1 и 2.

Теперь приведем примеры, в которых постулат 2 нарушается. В тексте типа *Paul trat ins Zimmer. Der Schurke wollte mich nicht beachten* — слово *der Schurke* не может быть расценено как замещение слова *Paul*, разве что текст принадлежит к категории неправильно построенных тек-

стов. В этом случае текст может быть истолкован примерно так: Paul trat ins Zimmer. Der Mann war ein Schurke und er wollte mich nicht beachten. Можно утверждать, что этот текст построен правильно, поскольку слово der Mann содержит не больше признаков, чем собственное имя Paul. Так мы получаем цепь замещений: Er замещает der Mann и der Mann замещает Paul.

В высшей степени интересно, что в тексте типа Der Schurke trat ins Zimmer. Paul wollte mich nicht beachten слово Paul ни в коем случае не может быть расценено как замещение слова der Schurke (если в первом примере оба слова обозначают одно и то же лицо, то есть требование «экс-сохраняющего замещения» выполняется, то в последнем примере даже это требование не выполнено). Это могло бы быть объяснено большей важностью постулата *P 2b* или своеобразием имен собственных, которые в языковом плане (во всяком случае в текстово-лингвистическом) функционируют как единства, которые сами могут быть замещены, но не могут употребляться для замещения других выражений. Кроме того, множество объектов, которое может обозначаться собственным именем, априорно состоит из одного элемента. Отсюда невозможность образовать форму множественного числа, в противном случае имя собственное как раз перестает быть именем собственным. На основании этого мы не можем согласиться с тезисом одного логика (ср. Carnap, 1937), согласно которому имя собственное замещает только подробное описание.

З а м е ч а н и е. Необходимо подчеркнуть, что отношение замещения, как оно уточнено в постулатах *P 1* и *P 2*, является асимметричным.

С кумулятивным эффектом текста связан также другой закон построения текста, состоящий в том, что объект, признаки которого кумулируются в тексте, обычно где-то ранее эксплицитно называется. Это утверждение не должно быть понято как текстово-лингвистическая форма проявления старого номиналистического (и недавнего реалистического — ср. Kotarbiński, 1971) тезиса, согласно которому предикат только тогда имеет смысл, когда фиксированы соответствующие термы, скорее оно представляет собой существенное ослабление этого тезиса. Собственно требуется только то, чтобы нечто репрезентировалось как

объект, причем речь может идти либо действительно о конкретном предмете, либо об абстрактном качестве, которое в языковом плане функционирует как предмет. И можно обнаружить некоторые признаки того, что слово выполняет эту роль — признаки, самым тесным образом связанные с нашей темой.

Из *P 2* следует, что при тематическом замещении число обозначенных признаков уменьшается (разумеется, если при этом множество объектов не специализировано). Минимум достигается при этом в случае прономинализации, т. е. замещения личным местоимением, поскольку априори личные местоимения обозначают не признаки, а именно объекты, и при этом не специализированное множество объектов. Это подтверждается такими немецкими предложениями, как *Ins Zimmer trat ein schönes Mädchen. Ich blickte auf sie. . .* Немецкое словоупотребление не допускает: **Ins Zimmer trat ein Mädchen. Ich blickte auf es. . .*

Из этого примера ясно, что личное местоимение замещает объект, а не слово, обозначающее этот объект, с присущими ему в языковом плане признаками.

Чрезвычайно важен тот факт, что замещение личным местоимением возможно только в случае, когда подлежащее замещению слово или представляет собой имя собственное, или употреблено с определенным артиклем, т. е. именно в тех случаях, когда существительное функционирует тематически. М. Бирвиш (Bierwisch, 1966) установил, что в немецком языке аграмматическими являются предложения типа **Es erschien er.*

Однако необходимо отметить, что в конструкции с начальным *es* имя существительное играет не тематическую, а рематическую роль и как правило употребляется с неопределенным артиклем, ср. *Es erschien ein Mann* в то время как *Es erschien der Mann* — было бы предельно невероятным высказыванием. П. Постал (Postal, 1970) на материале английского языка с помощью убедительных примеров доказал, что имена собственные, личные местоимения и выражения с определенным артиклем составляют один и тот же класс, противопоставленный неопределенным выражениям. При этом следует еще раз подчеркнуть, что не все слова с определенным артиклем принадлежат этому классу. Так, в универсальном высказывании типа *Der Mensch ist gut, aber die Menschen sind*

böse (Feuchtwanger) прономинализация слова *der Mensch* невозможна, поскольку *Er ist gut* имеет другое значение в тексте (число объектов, принимаемых в расчет, ограничено), в то время как во второй части высказывания прономинализация возможна: *Die Menschen sind böse, ja sie sind böse* — поскольку здесь число подразумеваемых объектов то же самое. Мы видим, что прономинализация очень точно сигнализирует о возможности тематического замещения. Это позволяет сформулировать третий закон текста:

P 3. В правильно построенном тексте тематическое замещение возможно только в случае, когда возможно замещение соответствующих слов на личное местоимение.

Выше мы уже установили, что имя собственное ничто не замещает и при этом, согласно нашим правилам, очень легко может быть замещено. Это следует из *P 2*, а также из *P 3*, поскольку тематически употребленное имя собственное всегда может быть замещено личным местоимением. Вообще имя собственное редко оказывается в позиции, где оно не может быть прономинализировано. Единственный известный нам случай — локативные конструкции типа: *Er lebt in Moskau* — в то время как предложение типа: *Er lebt in ihm* аграмматично (здесь, разумеется, должно быть: **Er lebt dort*). Но в этом примере имя собственное употреблено рематически.

Эта особенность тематически употребленных имен собственных может быть объяснена тем, что имена собственные, которые сами не называют признака и неприменимы для замещения других слов, служат только для называния соответствующих объектов и принимают на себя все кумулированные признаки.

Теперь вернемся к предложению 1. Если понятия B_1 и B_2 не различаются ни по одному признаку, и если слова *понятие* B_2 употреблены рематически, то может последовать замещение B_2 на B_1 , но в этом случае оба высказывания 1 и 2 означают действительно то же самое, и не возникает никакого парадокса. Чтобы в этом убедиться, рассмотрим предложение *Der Begriff Samstag ist mit dem Begriff Sonnabend identisch*. Если внешнюю форму не причислять к признакам, так что рематическое замещение согласно *P 2* возможно, — то это предложение равнозначно предложению *Der Begriff Samstag ist mit dem Begriff Samstag identisch*, поскольку информация,

содержащаяся в 1-м примере, по сравнению со 2-м является только кажущейся. Но если звуковая форма причисляется к признакам (например, при лингвогеографическом описании различий между северной и южной Германией), то признаки оказываются различными и рematicкое замещение невозможно.

Иная ситуация возникает, если предположить, что оба выражения понятие B_1 и понятие B_2 употреблены в 1) тематически, т. е. оба понятия B_1 и B_2 являются данными, исходными, в то время как новое состоит только в том, что оба понятия идентичны. Однако здесь замещение B_2 через B_1 совершенно невозможно, что делает невозможной прономинализацию: *Der Begriff er (es) ist mit dem Begriff er (es) identisch — хотя замещение всей группы понятие B_2 на личное местоимение возможно: Der Begriff B_1 ist mit ihm (mit diesem, damit) identisch. В этом случае, когда выражение выступает как единство, подчеркивается метаязыковой характер B_2 , и B_2 должно быть, собственно, взято в кавычки (следует заметить, что К. Айдукевич (Ajdukiewicz, 1967) обратил внимание на метаязыковой характер всех «интенциональных» выражений). Но тогда звуковое различие является одним из признаков. и в этом случае, согласно P_2 , замещение запрещено.

Поскольку при объяснении понятия могут возникнуть предложения, которые в языковом плане построены несколько иначе, чем предложение 1, а наша аргументация имеет не логический, а языковой характер, исследуем на нескольких конкретных примерах некоторые разновидности предложения 1 (или, точнее, схемы-предложения 1): а) Der Morgenstern ist mit dem Abendstern identisch. Здесь следует заметить, что независимо от того, идет ли речь о теме или о реме, замещение невозможно по сути, что каждому из понятий Morgenstern и Abendstern соответствует признак, отсутствующий у другого; б) Georg IV wollte einmal erfahren, ob Sir Walther Scott der Verfasser des Waverly sei. Это предложение приведено А. Черчем (Черч, 1960), причем подчеркивается, что оно правильно, в то время как предложение: *Georg IV wollte einmal erfahren, ob Walther Scott Walther Scott sei просто неправильно. Замещение der Verfasser der Waverly на Walther Scott противоречит P_2 , поскольку имя собственное вообще не может быть использовано для замещения. Интересно проверить, можно ли осуществить обратное

замещение, т. е. можно ли заменить Walther Scott на der Verfasser der Waverly. В принципе такое замещение возможно, но при условии, что соответствующий признак кумулируется, т. е. что раньше в тексте он упоминался, или по крайней мере предполагается, так что в данный момент это свойство ассоциируется с объектом, замещенным собственным именем Walther Scott. Но в рассматриваемом примере именно это не так.

Итак, мы видим, что почти все правила построения текста, которые находят очень широкое применение, не допускают, чтобы процедура замещения приводила к конструированию парадокса. Мы не хотим утверждать, что проблема разрешена, но надеемся, что показали, что замещение представляет собой конструктивную процедуру, подчиняющуюся определенным законам. Поэтому совершенно не исключено, что именно неправильное применение этой процедуры ведет к возникновению парадокса анализа. Ведь логика и теория текста — только части одной и той же науки, а именно современной семиотики.

* * *

В главе I на примере немецкого языка был показан механизм действия категории определенности в соотношении с разными сторонами языковой структуры. Определенность—неопределенность является основной коммуникативной категорией имени. С коммуникативной направленностью связаны две основные особенности функционирования этой категории: невозможность сформулировать семантические оппозиции ее плана сдержания вне составляющих акта коммуникации и предоставление говорящему (наряду с однозначными предписаниями, зафиксированными в языковой системе), определенной свободы в постановке артикля, позволяющее передать собственное понимание коммуникативной ситуации¹⁹. Рассмотрение категории определенности—неопределенности на фоне синтаксической структуры высказывания и классов слов, выступающих в разных позициях, позволяет представить эту категорию как своего рода молекулярную структуру, в которой отчетливо прослеживается,

¹⁹ См. также: Ревзин, 1977, с. 155—160; Ревзин, 1968; Ревзина, 1978 (прим. сост.).

как языковые функции отражаются в способе языковой референции и далее языковой категоризации. Коммуникативность, свойственная личному местоимению, передается далее категории определенности, что позволяет определить координаты называемого объекта в акте коммуникации, а когнитивный аспект того же местоимения преобразуется на уровне имени в свойство термовости, позволяет ему войти в состав высказывания в качестве термина, который получает в этом высказывании новую характеристику. Языковая категоризация находит отражение как в том, что признак определенности—неопределенности действует уже на уровне частей речи (так, глаголу должна быть предписана неопределенность), так и в том, что категория определенности, как и категория числа, участвует в формировании идеи предметности и является, в тех языках, где она представлена, конституирующей категорией существительного. Наконец — при переходе на уровень связного текста — мы стремились показать роль языковых элементов, передающих значение определенности—неопределенности в качестве средств текстовой связи. Текст — это такое объединение предложений, для которого экстралингвистический контекст сведен к нулю, т. е. та информация, которая в обычном, нормальном использовании языка воспринимается из условий акта коммуникации, теперь воспринимается из контекста в смысле «окружающее предложение». Коммуникативно нагруженные элементы языка трансформируются в текстово нагруженные, и на примере действия в связном тексте экстенсивно-сохраняющих и интенсивно-сохраняющих замещений можно было проследить роль таких элементов, как артикль, а также указательное местоимение²⁰.

Все предыдущее изложение велось на материале немецкого языка, в котором категория определенности—неопределенности является грамматической и получает формальное выражение с помощью артикля. Однако семантические оппозиции, присущие данной категории, присутствуют и в тех языках, где она не является строго грамматической. В главе II мы хотим продолжить обсуждение проблем, связанных с категорией определенности—неопределенности в двух направлениях: с одной стороны, рассмотреть такие системы, где артикль является непол-

²⁰ См. подробнее: Ревзина, 1978а (прим. сост.).

ностью грамматикализованным или указательное местоимение выступает своего рода предартиклем, а с другой стороны, выявить отличные от артикля средства выражения определенности—неопределенности (прежде всего на синтаксическом уровне). Широкое типологическое описание данной категории в языках разного строя — это пока что задача будущего, и в ее решении может оказаться полезной типологическая анкета по данной категории²¹. На настоящем этапе очень важен сбор материалов. Они-то и составят в значительной части содержание главы II.

²¹ См. публикацию данной анкеты: Ревзин, 1977б.

Типология артикля
и типология средств выражения
определенности—неопределенности

II.1. К вопросу о статусе неопределенного
и определенного члена в болгарском языке

Кванторные значения члена. Формальные условия для выполнения артиклевой функции. Значение члена складывается из двух факторов: а) коммуникативного и б) логического. Под коммуникативным фактором имеется в виду определенность в узком смысле слова, т. е. обусловленность данной коммуникативной ситуацией, предполагаемость предмета или наоборот его возникновение в данной ситуации. Этот аспект значения болгарского члена изучен достаточно хорошо, причем принципы появления определенного члена в целом те же, что и в западноевропейских языках. В дальнейшем мы сосредоточимся на логическом факторе, ибо хотя соответствующие значения одни и те же для всех языков (в том числе и не имеющих члена), принципы их выражения могут быть различными. Как мы попытаемся показать, кажущаяся нелогичность употребления члена и местоимения-артикля *един* в болгарском языке может быть объяснена именно специфическим принципом, по которому некоторые логические значения выражаются факультативностью показателя.

Под логическими значениями здесь понимаются те значения, которые в логике выражаются кванторами и которые мы поэтому в дальнейшем будем называть кванторными, а именно следующие:

а) универсальное — имеются в виду все объекты данного рода;

б) частичное — имеются в виду некоторые объекты обьёмлющей совокупности (т. е. значение подмножества некоторого множества);

в) уникальное — имеется в виду один и только один объект данного рода;

г) экзистенциальное — имеется в виду существование объектов данного рода, неустота соответствующего множества.

Поскольку ниже предпринимается попытка подойти к проблеме неопределенного члена с содержательной точки зрения, целесообразно сначала зафиксировать некоторые формальные условия, при которых знаменательное слово, выражающее идею неопределенности, например неопределенное местоимение или же числительное, может рассматриваться как достаточно опустошенное с содержательной точки зрения, чтобы выполнять артиклевую, т. е. чисто служебную функцию.

Наиболее существенными нам представляются следующие два формальных признака: а) фиксированность позиции в группе существительного и относительно всего предложения и б) полная неударность. Разберем эти признаки более подробно.

Фиксированность позиции понимается как постоянное положение относительно центра группы — только препозиция или только постпозиция и возможность быть отделенным от центра только словами, зависящими от этого центра (см. требование проективности в математической лингвистике).

Полная неударность — требование очевидное. Необходимо подчеркнуть лишь, что одно и то же слово может в одних употреблениях быть ударным, а в других безударным; поэтому критерий полной безударности понимается как требование, чтобы в интересующей нас группе употреблений — предполагается, что она всегда характеризуется и особым значением или особой группой значений — проверяемое слово никогда не было ударным. Этим не исключается возможность, что то же самое предложение может быть прочитано как манифестация другого высказывания, где проверяемое слово попадает под ударение, но все значение меняется. В дальнейшем мы будем иногда сравнивать грамматически правильные высказывания с грамматически неправильными. Во избежание недоразумений заранее оговорим, что всегда имеется в виду тот вариант реализации предложения, где слово, проверяемое на артиклевость, безударно.

Приведем некоторые предварительные примеры. Русское слово *некий* удовлетворяет критерию фиксированности позиций, ср. невозможность **Господин некий сказал...*, возможно лишь *Некий господин Х...* причем от *господин* могут, разумеется, зависеть другие слова, ср. *Некий печально выглядевший господин Х...* и т. п.

Бряд ли возможно при этом отделить *некий* от центра глаглома, ср. неправильность **Некий сказал господин*. Однако второй критерий не выполняется: нельзя указать четко очерченный круг употреблений, где бы *некий* выступало как неударное слово, ср. подчеркнутую выделенность *некий* в *Некий господин X сказал мне*. Русское слово *один* в смысле 'некоторый' не удовлетворяет критерию фиксированности позиции, ср. *Я встретил одну девушку*, но возможно и *Я встретил девушку одну*. Болгарское *един*, которым мы будем далее заниматься, употребляется только в препозиции, но здесь в принципе возможна вставка слова, не относящегося к группе существительного, ср. непроективное предложение из известной песни Пенчо Славейкова:

Една бе в село Ралица девойка. . .

Аналогично; разумеется, в русском языке: *Одна была в селе девушка*. Второе условие для русского *один* (и для болгарского *един*) выполняется: в значении 'некоторый' это слово всегда безударно, в то время как в значении 'единственный', или 'только' слово *один* всегда несет на себе ударение, например, *Его слова одна ложь*.

К истории вопроса. Высказывались три различных точки зрения по поводу статуса неопределенного члена в болгарском языке.

1. Неопределенного члена нет, а отдельные употребления *един* в функции, соответствующей функции западноевропейского члена, объясняются иностранным влиянием (Андрейчин, 1949).

2. В болгарском языке есть неопределенный член *един*, однако употребление его факультативно — в отличие от неопределенного артикля западноевропейских языков (Маслов, 1956; Ивановская, 1958).

3. В болгарском языке есть неопределенный член, который в некоторых позициях обязателен, в то время как случаи факультативного употребления следует рассматривать как позиции нейтрализации.

Последняя точка зрения выражена в статье О. Гуцу (Guцу, 1968), опирающейся на подробное исследование материала в специальных работах болгарских исследователей (Иванчев, 1957; Георгиев, 1967). Разбор концепции, в которой факультативность трактуется как нейтра-

лизация (другие аргументы, приводимые Гуцу, мы опускаем) интересен как с общетеоретической точки зрения, поскольку здесь затрагиваются общие критерии грамматичности члена, так и для сравнения болгарского языка с другими балканскими, а также и с западноевропейскими языками.

Классификация употреблений един по синтаксической функции. Итак, задача состоит прежде всего в том, чтобы выделить релевантные, или «диагностические» позиции, где опускание предполагаемого члена невозможно (или по крайней мере необычно), и те позиции, в которых употреблены обе формы. Гуцу предлагает следующую классификацию позиций, исходя из синтаксической функции (к болгарским и румынским примерам, приводимым ею, добавлены немецкие):

а) релевантные для признания *един* неопределенным членом:

а) когда существительное, главным образом, конкретное, является подлежащим:

1) Само един килнат кръст сочеше мястото му; рум. Numai o cruce înclinată indica locul lui; нем. Nur ein schräges Kreuz zeigte seine Stelle;

2) Един файтон се изпречва отпреде му; рум. O trăsură se opri în fața lui; нем. Eine Droschke hielt vor ihm;

β) когда существительное, главным образом конкретное, является предложным обстоятельством и выражает конкретные пространственные отношения:

3) В една стая седят три момичета; рум. Într-o cameră stăteau trei fete; нем. In einem Zimmer sitzen drei Mädchen;

4) Стигаме най-после до едно място, от което по-нататък не може да се върви; рум. Am ajuns în țele din urmă într-un loc de unde nu se putea merge mai departe; нем. Erreichen wir dem nächst eine Stelle, die man nicht so bald verlassen muss;

б) позиция нейтрализации (опускаемый член будет ставиться в скобках):

γ) когда существительное, главным образом абстрактное, является подлежащим и снабжено определением:

5) (Един) вик на протест, (един) вик на обещание се изътргнаше от хиляди сърца; рум. Un strigăt de protest, un strigăt de promisiune se smulse din mii de inimi; нем. Ein Schrei des Protestes, ein Schrei des Versprechens entstand sich tausenden von Herzen,

б) когда существительное, конкретное, или абстрактное, является прямым дополнением:

6) Съдът разгледал (едно) много интересно дело, което сочи пътя на новото; рум. *Judecata privea o afacere foarte interesantă, care indica drumul noului*;

7) В тоя миг, ако се вгледаше човек в лицето му, щеше да прочете (една) спокойна, але твърда и смела решителност; рум. *În acel moment, dacă ar fi privit omul pe fața lui, ar fi citit o hotărîre liniștită, dar puternică și curajoasă*; Wenn man in diesen Augenblick in sein Gesicht geblickte, würde man eine ruhige aber feste und kühne Entschlossenheit herauslesen;

г) когда существительное выступает в предикативе:

8) Най-разумно е да мисля, че всичко е само (една) лоша шега; рум. *Mai înțelept este să gîndesc că totul este numai o glumă urîtă*; Am kernünftigsten ist anzunehmen, dass all das (ein) dummes Gerede ist.

Отметим, во-первых, что в румынском языке член сохраняется везде, а в немецком опущение артикля возможно лишь в одном случае. В то же время в болгарском языке нейтрализованных позиций оказывается значительно больше, чем релевантных.

Во-вторых, классификация явно неполна. Показателен следующий пример. Ст. Стоянов — вовсе не для обсуждения роли слова *един*, а для противопоставления членных и нечленных форм — приводит такой текст: «...едно време имало един просяк-старец. . . Една жена чула тия думи. . . Взела та омесила една нита с отрова. . .» (Стоянов, 1968, с. 72—73). При обсуждении доклада на VI съезде славистов (в выступлении Г. Вальтер) было отмечено, что в первых двух случаях: *един просяк-старец* и *една жена* слово *един* не может быть опущено, ибо текст станет грамматически неправильным (VI sjezd, с. 255). Если первое и третье употребление учтены в классификации, то второе вряд ли подходит под одну из граф *a* или *b*. Между тем речь идет об указании на существование объекта (позиция после *имало*), которое, как мы увидим, очень важно для общего понимания иерархии значений слова *един*. Эти погрешности с точки зрения формальных критериев, предъявляемых к классификациям, неслучайны: они отражают случайный характер критериев, положенных в основу объяснения фактического положения вещей.

Мы никак не подвергаем сомнению тот исходный факт, что в примерах 1)–4) языковая компетенция носителей болгарского языка иначе реагирует на возможность опущения слова *един*, проверяемого с точки зрения его статуса неопределенного члена.

Однако те чисто синтаксические (если отвлечься от указания на абстрактность или конкретность существительных, которые в принципе интересны, но в данной связи не проясняют сути дела) критерии, с помощью которых разграничиваются случаи опущения — неопущения слова *един*, представляются несвязанными с употреблением слова *един* никакой необходимой связью.

Именно поэтому для каждого раздела предлагаемой классификации можно легко найти контрпримеры, где *един* не употребляется, ср. следующие предложения из рассказов Л. Стоянова:

α') Бял прах, като есенна мъгла, лежеше над мегдана (Тежко раждане); Беше топла лятна нощ с едри като алмази звезди (Хатидже);

β') Стори се на стареца, че върви в тъмна гора и пред него е пропаст (Хатидже); Ние сме в завоювана страна, непокорна и пазим приличието на мира (Милосърдието на Марса).

По своей грамматической характеристике эти предложения целиком подходят под выделенные разряды классификации, где как будто слово *един* обязательно. Тем не менее оно не употреблено, а главное, его присутствие вовсе не ощущается как какая-либо необходимость.

В-четвертых, сама ступень факультативности, по-видимому, различна. Так, по-видимому, различны примеры 6) и 7), попадающие в раздел δ. Если в 7) *един* действительно легко опускается, то в 6) *едно* почти обязательно. Самый принцип употребления члена в зависимости от синтаксической позиции, без всякой опоры на семантику, внушает известные сомнения. Верно, что в позиции прямого дополнения существительное часто оказывается очень тесно связанным семантически с глаголом и поэтому не актуализируется при помощи члена, но это происходит далеко не всегда. Нет никакой разницы с точки зрения семантики и опускаемости *един* между примером 4) и, скажем, такой фразой: *Знаше едно място, от което по-нататък не може да се върви.*

Экзистенциальность как основное значение един. Формула зачина «едно время имало. . .», либо «имало ете. . .», после которой обязательно следует существительное с *един*, чрезвычайно характерна как эпическое средство указания на существование некоторого объекта. Значение существования объекта, обладающего некоторыми свойствами, играет, как известно, очень важную роль в логике, где экзистенциальные предложения формализуются при помощи специального квантора существования: $(\exists x) (P(x))$: «существует x такое, что x обладает свойством P ».

Мы и выдвигаем гипотезу, что предложения, где *един*, по свидетельству указанных авторов, не опускается в болгарском языке, являются экзистенциальными высказываниями, что подтверждается следующими перифразами:

1') Существовал (только) покривившийся крест, который указывал его место;

2') Существует пролетка, обладающая тем свойством, что она остановилась перед ним;

3') Существует (некая) комната, в которой сидят три девушки;

4') Существует место, до которого мы хотим добраться и которое обладает тем свойством, что. . .

При всей стилистической неловкости этих выражений они вполне осмысленны и передают смысл высказываний. Из остальных предложений только 6 допускает соответствующее описание, ср.:

6') Существует очень интересное дело, которое рассматривал суд и которое показывает новый путь.

Что касается остальных предложений, то для них описание через экзистенциальную перифразу не только стилистически некорректно (причем в гораздо большей степени, чем в предыдущем случае), но и искажает полностью смысл высказывания, ср.:

5') Существует вопль (возглас) протеста, вопль (возглас) обещания, который вырвался из тысячи сердец;

7') Существует спокойная, но твердая и смелая решительность, которую прочел бы в этот миг в его лице всякий;

8') Существует глупая шутка, такая, что все является ею.

Эти перифразы относятся не только к болгарским, но и соответствующим румынским примерам, а также

и к русским переводам, которые мы приведем несколько ниже. Таким образом, можно утверждать, что с семантической точки зрения высказывания, в которых ставится неопределенный член, распадаются на два подкласса: а) экзистенциальные высказывания и б) собственно неопределенные (характерно, что в немецком языке в экзистенциальных высказываниях возможна замена *ein* на *irgendein*, в румынском — использование неопределенного местоимения *oarecare*, в то время как в собственно неопределенных высказываниях такие замены невозможны. Болгарский язык, по-видимому, различает эти два типа таким образом, что в экзистенциальном высказывании слово *един* обязательно, в то время как в собственно неопределенных оно факультативно. Единственный случай, где эта трактовка расходится с классификацией Гуцу, может иметь разные объяснения. Возможно, что и здесь *един* неопускаемо и что предложение 5) попало в этот разряд только из-за сходства его синтаксической структуры с предложением 6), в то время как мы пытались показать, что синтаксическая структура не должна служить основным критерием. Возможно, однако, что в 5) *един* действительно может опускаться, но тогда, по-видимому, вообще правы сторонники теории факультативности неопределенного члена. Последняя точка зрения не исключает того, что в разных позициях степень обязательности слова *един* различна, причем тогда наше утверждение сводится к тому, что в экзистенциальных высказываниях слово *един* почти не опускается, в то время как в собственно неопределенных высказываниях опущение встречается чаще (при этом в обеих категориях употребление *един* очень часто).

Интересно, что постулируемые два значения могут различаться и в русском языке, но здесь идет речь уже о чисто лексическом явлении, хотя и связанном материально все с тем же словом *един*, т. е. исходно количественным числительным. Оказывается, что в русских переводах *один* может появиться, хотя это вовсе и необязательно, только в экзистенциальных высказываниях, ср.:

1¹¹) Один лишь покосившийся крест указывал его место;

2¹¹) В одной комнате сидят три девушки;

4¹¹) Доберемся сразу же за этим до одного места...

6'') Суд рассматривал одно интересное дело, которое указывало новый путь.

Правда, такое употребление возможно не во всех экзистенциальных высказываниях. Так, по-русски не говорят:

2''') *Одна пролетка остановилась перед ним — существенно, что в не-экзистенциальных высказываниях слово *один* заведомо невозможно, ср. неправильность:

5''') *Один возглас протеста, один возглас обещания вырвался из тысячи сердец;

7''') . . . прочел бы в лице его одну спокойную, но твердую и мужественную решительность;

8''') . . . все это лишь одна глупая шутка (напомним, что мы оцениваем лишь варианты с неударным *один* в значении 'некоторый').

Таким образом, *один* в таком употреблении возможно только в экзистенциальных высказываниях, хотя и не во всех случаях, что связано с неграмматикализированностью данного противопоставления в русском языке.

Русский язык показывает первый этап на пути превращения исходного числительного в неопределенное местоимение и далее в неопределенный член: из указания на выбор одного, а не нескольких элементов множества происходит переход к указанию на непустоту соответствующего множества, т. е. на существование некоторых элементов в нем.

В русском языке развитие дальше не пошло, причем даже в этой функции использование слова *один*, во-первых, факультативно, а, во-вторых, распространяется, как мы видели, не на все случаи даже в пределах этой группы.

В болгарском языке использование слова *един* в экзистенциальной функции можно считать грамматикализованным (или почти грамматикализованным), но одновременно идет и дальнейшее развитие значения.

Дальнейшее развитие значения един. Весьма существенной функцией неопределенного члена (в языках, где есть эта категория) следует считать указание на то, что некоторый объект в данном классе возникает именно в тот момент, когда о нем говорят, т. е. речь идет о несуществовании объекта в предыдущий момент и его существовании, начиная с данного момента. Эту функцию уже нельзя считать собственно экзистенциальной, ибо не-существо-

вание здесь столь же важно, как и существование. Интересно, что русское *один* уже не может употребляться в этой новой функции, так по-русски можно сказать:

9) Он увидел один красивый дом;

10) Он прочел один интересный роман;

где соответствующие объекты (*дом, роман*) существуют вне зависимости от субъекта, и *один* подчеркивает факт их существования, но нельзя сказать (разумеется, вне противопоставления *один — много*, где *один* выступает как обыкновенное числительное):

9') *Он построил один красивый дом;

10') *Он написал один интересный роман.

Так, последнюю фразу нельзя употребить применительно к Стендалю скажем, в форме: *В 1830 г. Стендаль написал один интересный роман* (имеется в виду «Красное и черное»), в то время как по-немецки здесь обязателен член: 1830 schrieb Stendahl einen interessanten Roman.

В болгарском языке слово *един* в данном случае возможно — в отличие от русского — но необязательно — в отличие от немецкого. К этой категории возникающего объекта относятся примеры 5) и, может быть, 7). По поводу соответствующей графы в классификации Гуду мы уже отмечали, что прямое дополнение может оказаться в особо тесной связи с объектом. Теперь мы можем уточнить, что прямое дополнение возникающего, или, как иногда говорят, внутреннего объекта есть позиция факультативного употребления *един*, как и другие позиции, где речь идет о вновь возникающем предмете.

Болгарский язык показывает и дальнейшее развитие в значении неопределенного местоимения, а именно переход от указания на непустоту класса (уже неважно, за счет существовавших в нем или же новых элементов) к значению обозначения всего класса, либо произвольного представителя класса. К этой категории относится, например, употребление *един* с существительным в функции предикатива (пример 8). Возражая в принципе против объяснения употребления *един* исходя из членов предложения, мы в данном случае должны сделать исключение, так как позиция предикатива теснейшим образом связана с семантической структурой высказывания. В предикате всякое слово выступает как неопределенное, поэтому появление *един* в этой позиции лучше всего свидетель-

ствует о том, что оно стало чистым показателем неопределенности. Существенно и то, что ряд других употреблений *един*, для которых не нашлось места в схеме Гуцу, может быть объяснено тем, что в основе соответствующих предложений лежат ядерные высказывания, где существительное с *един* выступает в предикативе, ср. следующий пример, приводимый Ю. С. Масловым (Маслов, 1956, с. 95): *Стопанинът ни посрещна със всичкото радушие и гостоприемство на един славянин*. Значение этого предложения можно передать следующим силлогизмом: «Стопанинът бе един славянин. Всякакъв славянин е радушен и гостолобив. Стопанинът ни посрещна със радушие и гостоприемство», причем *един славянин* уже явно падает в предикатив.

В предикативе существительное выступает в генерализующей функции. Именно этим обстоятельством объясняются наблюдения Н. И. Толстого, касающиеся того, что болгарское *един* — в отличие от сербского *један*, словенского *eden* и тем более от русского *один* — может употребляться с абстрактными существительными. «По-сербски можно сказать *једна убога удовица, једна убога кућица*, но нельзя сказать: *то је једна срамота* (в болгарском языке говорят: *това е една срамота*)» (Толстой, 1957, с. 55).

Итак, болгарский язык обнаруживает наиболее высокую степень абстракции в употреблении неопределенного местоимения. Если руководствоваться критерием, выдвинутым Н. И. Толстым в другой работе (Толстой, 1962) применительно к определенному члену, то самый факт возможности употребления в генерализующей функции уже говорил бы в пользу того, что *един* есть артикль. Однако для признания *един* неопределенным артиклем в собственном смысле слова, т. е. грамматикализированным выразителем неопределенности, этого — с нашей точки зрения — недостаточно. Нужно, чтобы соответствующее слово всегда (или почти всегда) сопровождало существительное, когда оно не определено — в частности, и в генерализующей функции. Поэтому мы предпочитаем говорить применительно к *един* о местоимении-артикле, ибо *един* в болгарском языке встречается все же редко.

Так, в трех рассказах Л. Стоянова оно встретилось только 7 раз, причем только один раз в генерализующей функции: *Тук един народ загнива, а тя седнала да ми раз-*

правя бабини деветини — здесь генерализующая функция обнаруживается сопоставлением с логической записью $(\forall x) ((x \text{ принадлежит к народу}) \rightarrow (x \text{ погибает}))$, т. е.: для любого x , если x принадлежит к народу, то x погибает.

В остальных 6 случаях *един* употреблено в экзистенциальной функции, т. е. единственной, где можно было бы говорить о грамматикализации:

Не по-далеч от един хвърлей камък, къщата му се белееше. . .

Една врата се хлопна на чердака и един женски глас прошепна едва чутно («глас» можно рассматривать и как возникающий объект);

При една чешма седняха на обядват и починят;

. . . лицата им. . . изразяваха тревога и стръв, поради предстоящата встреча с един неприятел;

Един старши-подофицер завързва очите на жертвите;

Една силна ръка ме блъсна и аз изпущам оръжието.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в болгарском языке нет неопределенного члена, но имеется местоимение-артиклъ, почти грамматикализованное в экзистенциальной функции. С типологической точки зрения болгарское *един* занимает промежуточное положение между факультативным русским неопределенным местоимением *один*, употребляемым только в экзистенциальной функции, с одной стороны, неопределенным членом румынского языка, с другой стороны.

Выражение универсального значения определенным членом. Исследователи болгарского члена уже обращали внимание на неустойчивость определенного члена в так называемом «генерализующем» значении. Так, Ю. С. Маслов отмечает применительно к этому значению, что «в большом числе случаев представляется невозможным объяснить, почему говорящий избрал здесь данную, а не другую возможность» (Маслов, 1956, с. 91). Рассмотрим следующие его примеры:

1) Дядо Иван е учен човек, но човек се греша — и рядом в том же тексте: Това как и да е, може да се преглътне, човекът е грешен;

2) Под тоя страховит напън на редове от юнаци. . . турците се оттеглиха. Българи и черногорци се нахвърляха в редута.

Попытка дать правила употребления артикля при существительных общего значения содержится в работе Ст. Стоянова (Стоянов, 1959), где употребление члена связывается с синтаксической позицией. Мы уже в предыдущем очерке пытались показать, что употребление члена в принципе безразлично к синтаксической позиции. В данном случае неплототворность такого подхода была показана Св. Иванчевым (Иванчев, 1967), который привел целый ряд примеров употребления и неупотребления члена в одной и той же синтаксической позиции:

3) Дума, която пояснява сказуемото, като означава предмет, който е засегнат от глаголно действие, се нарича допълнение, причем у Стоянова этот пример приводится в виде: Думата, която. . . (одновременно Иванчев приводит синтаксически аналогичное построение, где возможна только членная форма — тот же пример у Стоянова);

4) Страната, която лежи срещу прави ъгъл в правоъгълния триъгълник, се нарича хипотенуза (нелзя: *Страна, която. . .).

В другой работе (Иванчев, 1957) Св. Иванчев вообще приходит к выводу, что «генерализующая функция» члена в болгарском языке есть просто фикция и предлагает другой путь, а именно различие позиций кульминации и экспозиции.

Для объяснения отмеченных колебаний в употреблении члена обратимся к его значению. Кажется существенным разграничить универсальное и ограниченно-универсальное утверждение. Чрезвычайно важен один факт, продемонстрированный Св. Иванчевым, но не объясненный им; речь идет о том, что в общих высказываниях, где существительное выступает без определений, членная форма обязательна, ср.:

- 5) Заекът е животно;
- 6) Орелът е птица;
- 7) Гълъбът е добър летец.

Однако, если существительное сопровождается ограничительным придаточным предложением с *който*, членная форма уже факультативна:

5') Заек, който е ранен, е лесна плячка за кучетата (можно и: Заекът, . . .)

6') Орел, който е живял дълги години в зоологическата градина, е лош летец (можно и: Орелът, който. . .)

7') Гълъб, който е наранен в крилото, е обречен (можно и: Гълъбът. . .)

В последних примерах речь идет, собственно говоря, не об универсальном значении, а о частичном, или ограниченно-универсальном: речь идет не о любых зайцах, орлах, голубях, а об определенных их подмножествах. Выбор этого подмножества может быть различным: оно может быть ограничено за счет указания, присутствующего в тексте, а может возникнуть путем отбора наиболее характерных представителей данного класса. Во второй случае можно говорить о «метафорическом родовом значении» (об этом средневековом арабском понятии см. ниже). Так, в предложении *Цигулар къша не храни* (где Св. Иванчев объясняет нечленную форму традиционализмом) речь идет, разумеется, не обо всех скрипачах, хотя говорится о чем-то, характерном для всех скрипачей¹.

В связи с этим мы высказываем следующую основную гипотезу. В современном болгарском языке членная форма обязательна лишь в тех универсальных высказываниях, где имеются в виду все без исключения объекты данного рода вне зависимости от их возможных видовых признаков, в то время как в ограниченно-универсальных высказываниях членная форма факультативна.

Эта гипотеза в принципе может получить и более сильную трактовку, а именно, что в болгарском языке членная форма в общих высказываниях всегда имеет собственно универсальное значение, а отсутствие члена

¹ В докладе «Вопросы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках», представленном к III Международному съезду по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 4—10 сентября 1974, см.: Ревзин, 1977а), И. И. Ревзин дает следующее определение универсального и ограниченно-обобщенного значений: «В случае универсального значения мы имеем дело с ситуацией, которая описывается в логике при помощи квантора всеобщности \forall ; так, все предложения первой группы имеют общую формулу $(\forall x) (P(x) \rightarrow Q(x))$, читается: для любого объекта x из того, что x относится к классу P , следует, что x обладает свойством Q .

В случае же того значения, которое мы условно обозначили ограниченно-обобщенным, мы имеем дело с ситуацией, которая также требует для своего описания квантора всеобщности, однако такого, в котором указаны границы действия квантора. Примеры второй группы описываются формулой: $(\forall x) P(x) \rightarrow Q(x)$, где $x \in M$

запись $x \in M$ означает: верно лишь для тех x , которые входят в подмножество M » (с. 8—9) (прим. сост.).

говорит о том, что высказыванию придан ограниченно-универсальный смысл, т. е., например, при употреблении формы *гълъбът* в 7) подчеркивается, что речь идет о всех голубях в пределах подмножества, в то время как при употреблении формы *гълъб* в том же высказывании 7) подчеркивается, что не все особи объемлющей совокупности обладают указанным свойством. Однако нам представляется, что такое толкование не является необходимым: как показано выше, факультативность члена (или иного показателя) сама по себе может быть формой выражения некоторого кванторového значения.

Здесь необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. В формулировке гипотезы мы объединили два значения, которые обычно трактуются отдельно, а именно значение «количественной определенности», когда существительное употреблено в форме множественного числа и речь идет о всех членах класса, и значение «генерализующее», когда существительное употреблено в форме единственного числа и речь идет о классе как таковом (о «виде» или «роде», ср. анализ этих значений в работе: Стоянов, 1968). Это разделение представляется неоправданным, ибо как раз для универсальных высказываний различие между единственным и множественным числом нейтрализуется, будучи релевантным только при обозначении индивидуальных предметов. Что касается значения «количественной определенности», то для него вообще наша гипотеза признается в приведенной сильной форме. Так, Ст. Стоянов говорит: «Да вземем изречението: «Войници от поделението помогнаха при прибирането на реколтата». Нечленувата форма *войници* означава, че не всички войници от поделението са взели участие в прибирането на реколтата. Тази форма е равнозначна на словосъчетанието «някои войници» или на словосъчетанието «част от войниците». Ако членуваме същата форма *обаче*, т. е. ако кажем: «Войниците от поделението помогнаха при прибирането на реколтата» искажането ще придобие друг смисъл. То ще означава именно, че всички войници са взели участие в работата» (Стоянов, 1968).

Таким образом, объединив оба указанных значения, мы распространили известный уже факт и на случай «генерализующего» значения. Теперь мы попытаемся с точки зрения высказанной гипотезы объяснить употребление члена в примерах 1)–4). Прежде всего необходимо объяс-

нить пример 4), который, как будто противоречит основной гипотезе: речь идет не о всякой стороне треугольника, а лишь о подмножестве сторон, обладающих определенными свойствами и поэтому — по нашей гипотезе — член должен быть факультативен. Однако здесь определенный артикль объясняется другим кванторным значением, а именно значением уникальности, единственности: в каждом треугольнике имеется не более одной гипотенузы. Это оказывается решающим: в языке — в отличие от логики — значение ограниченной универсальности (некоторого подмножества внутри множества) несовместимо со значением уникальности. Что же касается примера 3), то он вполне объясняется гипотезой: множество слов шире, чем множество слов, являющихся дополнениями и даже в пределах одного предложения множество дополнений содержит более одного элемента; таким образом, здесь подлинное значение ограниченной универсальности.

Переходим к примеру 2). При его анализе Ю. С. Маслов ссылается на то, что при перечислении слова чаще используются в общей форме, поэтому *турците*, но *българи* и *черногорци*. Это, по-видимому, так, но существенно, что здесь все три существительные могут трактоваться как имеющие ограниченно-универсальное значение: не обязательно речь идет обо всех без исключения болгарах, черногорцах и турках. Отсюда факультативность члена.

Проанализируем самый трудный пример, а именно пример 1). На первый взгляд высказывание *человек грешен* действительно для всех людей и поэтому член — по нашей гипотезе — должен бы быть обязательным. Однако если мы сравним данное высказывание с таким как;

8) Човекът е цар на природата, то, во-первых, установим, что в 8), в отличие от 1), член не опускаем и, во-вторых, что 8) есть подлинно универсальное высказывание, в то время как в 1) при употреблении общей формы мы имеем дело со словом столь общего и бледного значения, что оно воспринимается как эквивалент местоимения, ср. немецкое *man*. Поэтому этот пример не должен рассматриваться как опровержение выдвинутой гипотезы.

При анализе последнего примера мы столкнулись с тем достаточно известным в теории артикля явлением, что на общие правила накладываются ограничения, связанные с семантикой соответствующих существитель-

ных. Здесь мы проанализируем некоторые другие случаи, связанные с тем же явлением.

Было замечено (Koseska, 1969, 1971), что слова типа *xora* в обобщающем значении ведут себя иначе, чем, например, слова типа *деца*. Если для последних одинаково возможны оба высказывания:

9) Обичам деца,

9') Обичам децата,

причем в 9) — в полном соответствии с выдвинутой гипотезой — мы имеем дело с ограниченно-универсальным значением, т. е. речь идет о классе как таковом, а что касается отдельных индивидов, то возможны исключения (например, говорящий вообще любит детей, но какого-то одного ребенка терпеть не может), в то время как в 9') говорится обо всем множестве детей, то слово *xora* в таком высказывании употребляется лишь в членной форме:

10) Обичам хората.

Связано это, по-видимому, с тем, что ограниченно-универсальное значение несовместимо со столь общим словом, как *xora*; высказывание:

10') Обичам хора

было бы просто неинформативным, ибо предполагается, что всякий человек кого-нибудь любит, а если имеет место обратное, то это выражается в форме: *Не обичам хората* (опять-таки в членной форме). Поэтому информативно лишь высказывание 10), сообщающее нечто нетривиальное.

Типологические соображения. Наличие двух значений, названных здесь универсальным и ограниченно-универсальным, в принципе уже констатировалось в связи с проблемой артикля.

Знаменательно, что уже средневековые арабские грамматисты различали «родовой артикль фактического обобщения, который употреблялся при имени существительном, обозначающем конкретный класс предметов, охватывая при этом любой член данного класса» и «родовой артикль метафорического обобщения, который употребляется при имени существительном, обозначающем класс предметов, не с точки зрения охвата реально всех членов данного класса, а с точки зрения указания на общие для данных однородных членов характерные особенности» (Габучян, 1972, с. 48). Первое значение формально отграничивается от второго, в частности, тем, что глагол может употребляться при существительном в первом значении

в форме единственного числа. Ясно, что это те самые различия, которые мы здесь обсуждаем.

Способ выражения этих различий в арабском языке иной, но для нас существенно наличие самого противопоставления. Это же противопоставление можно найти и в немецком языке, где оно, однако, выражается противопоставлением универсального определенного артикля и универсального неопределенного².

Специфически болгарским (или, может быть, балканским) является использование факультативности артикля для выражения этого значения ограниченной универсальности в противоположность собственно универсальному, где членная форма обязательна. Это явление симметрично обязательности неопределенного члена в экзистенциальных высказываниях и его факультативности в собственно неопределенных.

II. 2. Местоимение-артиклъ в говоре села Олтуш Брестской области

Обязательность как критерий различения артикля и местоимения-артикля. Одна из важных особенностей категории определенности состоит в открытом характере связи между планом выражения и планом содержания. Это получает отражение, в частности, в широком репертуаре средств выражения семантических оппозиций данной категории. Наблюдается несинхронность развития артиклевых значений и оформления грамматической ка-

² И. И. Ревзин проводит также параллель с индонезийским языком: «Другим типологически еще более интересным примером может служить ситуация в современном индонезийском языке. Там для выражения класса (т. е. в случае универсального значения) существительное используется в форме обычной, т. е. без удвоения, хотя удвоение и возможно. Наоборот, «в тех случаях, когда требуется обозначить не целый класс предметов или лиц, относящихся к данному классу, а лишь некоторое их количество» (Алиева и др., 1972, с. 201), употребляется так называемая «форма определенной множественности», т. е. форма, образуемая путем удвоения. Как мы видим, здесь положение, обратное тому, какое наблюдается в болгарском, а именно специально маркируется значение ограниченно-обобщенное (и это также имеет свои глубокие типологические обоснования в связи с разной ролью категории числа в разных типах языков—существенно, однако, что имеет место формальное различие двух типов генерирующего значения (Ревзин, 1977а) (прим. сост.).

тегории определенности—неопределенности. Например, в русском языке местоимение *этот* (см. Ревзин, 1972) по критерию обязательности никак не может претендовать на статус артикля, оно тем не менее передает генерализующее значение, ср.: *Сиянье шапок этих медных...* (Пушкин); *Красота этих женственных лиц...* (Блок). Напомним, что генерализующее значение рассматривается нередко как последний аргумент в пользу выделения артикля. Возможен и обратный случай, когда указательное местоимение имеет высокую частоту, но не передает значений типа генерализующего. По критерию обязательности выявляется типологическая шкала, открываемая полностью грамматикализованным артиклем в западноевропейских языках (ср. описанную выше ситуацию в немецком языке³), далее следует, очевидно, болгарский член (см. I.1), а следующее место в этой воображаемой шкале займут, возможно, системы с «предартиклем» или «постартиклем», в которых местоимение берет на себя артиклевые функции и характеризуется рядом артиклевых черт. Примером такой системы может служить местоимение-артикль в говоре с. Олтуш Брестской обл., описание которой дается ниже.

В материалах, собранных во время Полесской экспедиции 1963 г., имеется много примеров употребления местоимения *то, та, то* в контекстах, которые поразительно напоминают употребление препозитивного артикля в западноевропейских языках. Поскольку юго-западные полесские говоры (в частности, говор Олтупа и близлежащего с. Радеж) по целому ряду фонетических, морфологических и даже лексических черт тяготеют скорее не к белорусским, а к украинским говорам, то вопрос о том, можно ли говорить о существовании артикля в этом говоре, естественно связать с обсуждавшимся уже неоднократно вопросом о существовании члена в украинском языке (Погорелов, 1933; Огієнко, 1934; Милетич, 1935).

³ Важным «индуцированным» признаком полностью грамматикализованного, развитого артикля является перверсное маркированное употребление артиклей в несвойственных им позициях, в результате чего артикль приобретает добавочную коммуникативную или стилистическую выразительность, ср. в немецком языке определенный артикль в экзистенциальной конструкции: *Es gibt endlich die Bibliothek (von der wir träumten) in der Stadt.* — Об этом см.: Ревзин, 1968 (прим. сост.).

Так, В. Погорелов привел ряд убедительных примеров ослабленного употребления местоимений в памятниках XII—XIII вв., причем он безоговорочно признал эти местоимения артиклем и даже сделал на этом основании некоторые далеко идущие исторические выводы о судьбе населения Киевской Руси. Эти выводы, безоговорочно принятые проф. Милетичем (Милетич, 1935, с. 195), представляются весьма интересными, но, к сожалению, они не обоснованы внутренне-лингвистическими соображениями, дающими возможность определить, в каких случаях можно говорить об артикле (в отличие от местоимения). Важный критерий ослабленности указательного значения местоимения, его плеонастичности, был выдвинут Огиенко, который писал: «Український член не має такого значення, як член болгарський або й російський, — він не послідований, несталий, але він зовсім такий, яким його бачимо в наших пам'ятках X—XVII ст. Цебто-поступавого, значного розвитку членних функцій у *той, та, то* не було, хоч вказівна сила займенника часом так сильно втрачується, що він ста плеонастичним і може бути легко опущений» (Огиенко, 1934, с. 15).

Мы в дальнейшем увидим, что эти выводы в значительной мере подтверждаются на материале Олтуша и Радежа. Однако прежде всего необходимо остановиться на некоторых общетеоретических вопросах. Это необходимо сделать хотя бы потому, что аргументация Огиенко подверглась основательной критике со стороны Л. Милетича, который, в частности, упрекал Огиенко в том, что «за него не е важна формалната страна на члена» (Милетич, 1935, с. 199).

Важнейшим формальным признаком артикля в отличие от местоимения-артикля является его обязательность, ср. у И. Крамского: «Местоимение лишь факультативно, тогда как артикль обязателен и является постоянной принадлежностью субстантива» (Крамский, 1963, с. 18). Понятие обязательности, как известно, ставится в связь с последовательной классификацией языковых значений (Ахманова и др., 1961). Выдвинуты следующие критерии обязательности значения.

1. Является ли означаемым для данного означающего нечто соответствующее внелингвистической реальности или же означаемое передает отношение между другими

элементами текста; в первом случае значение называется лексическим, а во втором — синтаксическим.

2. Обязательно ли выражается данное значение в соответствующем отрезке текста или нет; в первом случае значение называется грамматическим, а во втором — неграмматическим.

3. Выражается ли данное значение внутри слова или за его пределами; в первом случае значение называется морфологическим, а во втором — неморфологическим.

Нас здесь будут интересовать два последних критерия. Они логически независимы, т. е. вполне можно найти любые типы комбинаций этих критериев. Тем не менее можно привести некоторые соображения в пользу того, что в определенных типологических структурах одни из них будут комбинироваться между собой чаще, а другие реже, и что таким образом, зная тип языка и зная, например, что данное значение морфологично, можно с высокой степенью вероятности предсказать, что оно будет грамматическим и т. д.

В самом деле, обязательность выражения данного значения — грамматичность и морфологичность для флективных языков весьма сильно связаны между собой. Дело в том, что, например, обязательность выражения значения падежа в русском существительном несомненно связана с тем, что флективная словоформа незакончена без некоторого форманта, между прочим, обязательно содержащего выражение значения некоторого падежа. Гораздо сложнее определить обязательность выражения, когда речь идет об аналитической форме, ср. хотя бы вопрос о том, обязательны ли слова типа *самый* с качественными прилагательными (см. Ревзин, 1963), т. е. грамматическим или лексическим является в русском языке значение превосходной степени. Как только значение оказалось неморфологическим, мы уже не можем с такой определенностью сказать, является ли оно грамматическим или нет.

Пожалуй, действительно независимы оба критерия лишь для агглютинативной техники: например, некоторый формант в тюркских языках может быть сугубо морфологическим и вместе с тем необязательным. Но симптоматично, что такое положение как раз вызывает чувство неудовлетворения (ср. слова с аффиксами: *-лай, -лей, -дай, -дей, -тай, -тей* в казахском языке, напр. *малдай*

‘скотом, как скот’, которые можно считать формой особого «сравнительного падежа» — значение обязательно — или же формой наречия — значение необязательно).

По-видимому, описанная здесь трудность с оперированием критерием обязательности связана с тем, что этот критерий хорош только для флективной техники, которая представляет в распоряжение лингвиста интуитивные средства установления того, обязательно ли выражается данное значение или нет, причем, обязательность обеспечивается именно особым видом морфологической техники.

Дело, по-видимому, в том, что противопоставление «обязательность—необязательность» есть, вообще говоря, абстракция от действительно наблюдаемого очень частого выражения некоторого значения при некотором слове⁴. Иначе говоря, мы склонны ввести логический критерий типа «да — нет» там, где, возможно, действует критерий статистический. Однако здесь имеются две трудности. Первая из них технического порядка: по крайней мере применительно к диалектным текстам у нас нет достаточно длинных сплошных текстов, которые дали бы нам надежные статистические данные, другая же — принципиальная, состоящая в особом характере диалектной речи.

В самом деле, предположим, что, например, в 96% случаев в наших текстах обязателен артикль или вполне оправдываемое правилами отсутствие его. Тогда, по-видимому, разумна такая идеализация, при которой мы считаем, что артикль (соответственно его значимое отсутствие) обязателен, ибо порождающее устройство, снабженное правилом выбора артикля, даст нам в этом случае текст, гораздо более близкий к наблюдаемому, чем тот, который будет порожден без этих правил.

Все же именно для наблюдаемого нами диалектного материала такого рода идеализация может оказаться неудовлетворительной потому, что этот материал собирается в обстановке, где речь предельно ситуативна, где говорящий все время указывает на некоторые предметы, находящиеся у него перед глазами или же весьма конкретно представляемые им. В такой ситуативной речи

⁴ Именно это обстоятельство позволяет постулировать «нулевую форму», необходимую для «обязательности» в случаях, когда форма отсутствует. Вряд ли «нуль» будет постулирован, если он слишком част.

вполне оправдано весьма частое употребление указательных местоимений, причем частота их употребления, вообще говоря, не обязательно должна свидетельствовать об ослабленном значении указательности. Правда, если бы удалось доказать, что речь носителя диалекта всегда ситуативна, то можно было бы сослаться на общий лингвистический закон, состоящий в том, что чем чаще употребляется некоторая форма, тем неопределеннее ее значение⁵. Поскольку, однако, доказать обязательную ситуативность речи носителя диалекта вряд ли удастся (не забудем, что говор включен в общий язык, которым носители диалекта также пользуются), мы в лучшем случае можем трактовать частоту употребления указательного местоимения как показатель определенного (правда, весьма важного) стиля внутри говора.

Приводимый далее материал свидетельствует о высокой частоте применения местоимения-артикла в говоре Олтуша и Радежа. Условия лингвистического наблюдения были таковы, что не удалось поставить экспериментов, которые могли бы явно говорить в пользу обязательности, так как любое высказывание, повторенное без местоимения-артикла, столь же осмысленно. Все же косвенные данные позволяют судить, что местоимение-артикл может без ущерба для смысла опускаться, хотя информанты, как правило, этого не делают.

Поэтому мы позволим себе привести один аналогичный олтушским текст из украинских народных песен, который, как представляется, хорошо иллюстрирует общие принципы употребления местоимения-артикла (Українські пісні, 1956, с. 60—61).

В приводимой далее песне местоимение-артикл почти норма, хотя в ряде случаев, может быть, по ритмическим соображениям, местоимение-артикл опускается (местоимение-артикл употребляется здесь с именем собственным, но это, как мы увидим, как раз характерно и для говора Олтуша).

1. Гей, був в Січі старий козак, на прізвище Чалий,
2. Вигодував сина *Саву* козакам на славу.
3. Ой, не схотів же *той Сава* козакам служити —

⁵ Ср. несколько другую формулировку этого закона Ципфом, который ввел даже (исходя из эмпирических данных) количественную оценку этого соотношения (Zipf, 1945).

4. Гей, та схотів же *той Сава* слави залучити —
5. Наш отаман, пан кошовий по козакам тужить:
6. «Ой, хто б вловив *того Саву*, — сам йому послужить!»
7. Наш отаман каже: «Гнатку! Як *Саву* не вловиш! —
8. Сам за нього, вражий сину, голову положиш!»
9. Пішов Гнатко з кравчиною *Саву* підмовляти.
10. Як не схоче з Польші іти — то й смерті предати.
11. По дорозі стрівсь їм литвин та й став наставляти,
12. Як їм *того пана Саву* у руки піймати:
13. «Візьмімо сирої землі в чоботи під ноги,
14. А щоб не знав *той пан Сава* нашої підмови!»
15. Сидить Сава кінець столу, дрібні листи пише,
16. А Савиха молодая дитину колише.
17. Ускочили гайдамаки до *Сави* в світлицю.
18. Ой кинеться *та пан Сава* до ясного меча —
19. Одлетіла голівонька до самого плеча!
20. Не досягнув *той пан Сава* своєї булави —
21. Положили *пана Саву* на дубові лави:
22. «Оце тобі, пане Саво, сукні — адамашки,
23. Що ты нажив, вражий сину, з козацької ласки!»
24. Прилітали з України та чорні ворони —
25. Задзвонили *пану Саві* та й ув ус дзвони.

Сравнение строк 18 и 20 может, казалось бы, привести к опровержению выдвинутого выше положения, что употребление *той* вызывается лишь ритмическими причинами. Однако не лишено основания предположение, что первоначально строка 18 могла звучать: *'Ой кинеться той пан Сава до ясного меча*, а в дальнейшем при передаче песни носителями других диалектов, где указанное правило не действует, *той* могло быть заменено на частицу *та* (которая, кстати, употребляется в песнях цитированного сборника поразительно часто). С другой стороны, вполне возможно, что и этот случай подтверждает факультативность местоимения-артикля. Эта факультативность хорошо проявляется в строках 6—7 (*того Саву вловив — Як Саву не вловиш*). Отсутствие местоимения-артикля в строке 9 (уже после того как *Сава* употреблялось) может быть объяснено не только ритмическими соображениями, но и общим значением (в этой строке объект вновь не конкретизован в пространстве), то же относится к строке 15, однако опущение местоимения-артикля в строках 17, 21, 25 явно не могло бы быть оправдано, если бы перед нами был подлинный артикль. Все же строки 3, 4, 6,

12, 14, 20 убедительно свидетельствуют о частоте употребления местоимения-артикля.

Структурные особенности артикля и местоимения-артикля. Параллельно обязательности употребления рассмотрим и другие признаки, которыми характеризуется «истинный» артикль западноевропейских языков. Один из них — это сокращение формы местоимения-артикля по сравнению с формой указательного местоимения.

В романских и германских языках превращение указательного местоимения в артикль приводит к его фонетической редукции (ср. в литературном немецком языке образование стяженных форм вида *am, im, beim, ans* и т. п., а в южнонемецких диалектах появление редуцированных форм вида *dmã «der Mann», dmvədor «die Mutter», skend «das Kind»,* — Жирмунский, 1948, с. 209).

В исследуемом говоре появление редуцированных форм наблюдалось лишь в им. и им.-вин. падежах, что видно из приводимой полной парадигмы зафиксированных в наших материалах форм местоимения-артикля (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Падеж	Ед. число			Мн. число	
	Муж. р.		Жен. р.		Ср. р.
	одушевл.	неодушевл.			
Им.	туј (тој)		таја (та)	тоје (то)	тије (ти, те)
Род.	тоџо		теј	тоџо	тих
Дат.	тому		тој (тиј)	тому	тим
Вин.	тоџо	туј (тој)	тују (ту)	тоје (то)	тије (ти, те)
Тв.	тим		тују (теј)	тим	timi
Мест.	тем (том, тям)		тије (тај)	тем	тих

Возможность редукции связана, по-видимому, с ударностью, к сожалению, однако, фразовое ударение не проставлялось в записях, и поэтому не может быть теперь восстановлено. О возможности ударения на местоимении-артикле позволяют судить некоторые косвенные факты, на которые мы укажем ниже.

Другим важным структурным признаком артикля является его фиксированное место в группе существительного, вне зависимости от того, идет ли речь о постпозиции, как в болгарском и румынском, или о препозиции, как в немецком, английском и французском.

В нашем говоре местоимение-артикл в подавляющем большинстве случаев употребляется препозитивно. Все же отмечено несколько случаев постпозиции, например:

1. (О том, как от грома спасаются): В 'інос'ат лупáтку тujú на двур, шо хліб сажáют' і мól'аца.

Правда, это случай спорный, так как возможна и точка зрения, что здесь мы имеем относительное местоимение, коррелирующее с *шо*, просто омонимичное местоимению-артиклу.

2. Я вас прошу очкі-те. . .

С другой стороны, о достаточной свободе местоимения-артикля свидетельствует возможность повторения предлога между местоимением-артиклем и существительным, например:

3. Зара пошла на ти на чернічкі (по-видимому, в подобных случаях на местоимение-артикл падает ударение).

Все же можно считать, что некоторая фиксация положения местоимения-артикля в группе достигается тем, что в подавляющем большинстве случаев действует правило, по которому местоимение-артикл предшествует всем остальным определениям.

Это правило не распространяется, однако, на местоимения. Так, местоимение-артикл может предшествовать слову *все*, ср.:

4. Олтуш за тїї фс'и с'бла најхор'їш'е то село (вполне возможно и *фс'и т'її с'бла*).

Совсем нефиксировано место относительно притяжательных местоимений, ср.:

5. А туж мо'ј брат кáже.

6. З наших тих образів.

Заметим, что вообще свободное размещение относительно друг друга — важный структурный показатель принадлежности слов к одному классу, и в данном случае мы не можем не считаться с тем, что свободное размещение относительно некоторых местоимений-прилагательных свидетельствует о близости местоимения-артикля к этому классу. Заметим также, что в языках с явным артиклем последний вообще находится в дополнительном

распределении с притяжательным местоимением (например, в немецком языке *der Bruder sagt* или *mein Bruder sagt*, но невозможно **der mein Bruder sagt*). Это также свидетельствует о недостаточной выделенности местоимения-артикля в нашем говоре.

Переходя к значению артикля, мы должны отметить, что артикль дает конкретизацию предмета во времени и пространстве без его точной локализации, т. е. выделяет некоторое «подпространство» (ограничение объема) без указания координат предмета. Практически данное значение сводится к «ослабленной указательности», т. е. к такому употреблению местоимения-артикля, при котором местоимение-артикль уже не может сопровождаться прямым (жестовым) указанием на предмет, а передает лишь общую идею присутствия предмета в данном выделенном «подпространстве». Это проявляется в том, что в ряде случаев не может быть произведена а) подстановка собственно указательного слова (ср. далее о возможности подстановки *тамтој* вместо *тој*) или же б) если описывать материал через другой язык, выступающий в качестве метаязыка, например через русский, подстановкой в соответствующем переводе (который ввиду близости русского языка и исследуемого диалекта вполне естествен) слов *этот* или *тот*. Здесь мы подошли к некоторому критерию, который носит уже формальный, т. е. достаточно объективный характер.

Другой критерий, вытекающий из названного значения, состоит в следующем: для того чтобы местоимение могло считаться артиклем, необходимо нейтрализовать противопоставление по той основной «пространственно-временной» координате, которой располагает язык, а именно противопоставление «ближний—дальний» (здесь—там) (ср. немецкое *dieser — jener*) или «теперешний — прошлый» (сейчас — тогда). Противопоставление следует считать указательным *par excellence*, и трудно, например, согласиться с Милетичем, который считает, что в болгарских говорах в случаях типа *жена-са* (*женава*), *жена-на*, *жена-та* мы имеем дело с «тройным членом» (см. Милетич, 1933). Прав Огиенко, утверждающий, что в подобных случаях мы имеем дело с явно указательным значением (Огиенко, 1934, с. 3), ибо здесь налицо тот предмет, о котором говорят, и употребление соответствующей формы местоимения может просто сопровождаться жестом.

С другой стороны, если в языке имеется развитая система выражения относительной указательности, то именно на фоне такой системы четче обнаруживается ослабленная указательность местоимения-артикла.

В говоре с. Олтуш имеется пара местоимений, разграничивающих указание на ближний и дальний предмет.

I. *цїтој* (варианты *т'їтој*, *стој*), *цїтаја*, *цїтоје* (с соответствующими вариантами), указывающее на ближний предмет, например:

1. Т'їтиј бат'ушка в колхоз стал ходіті, просто сміх — теперешній поп (в отличие от предыдущего).

2. А матушка т'їта нэ хбче с т'їтова міста іті.

3. По т'їтој сторон'е садовїна там (по той же стороне, где живет рассказчица).

4. Тиж вам нэ відно ф стих очка́х (о черных очках от солнца).

5. Он с т'їтај дерéвн'і (говоря, что муж из Олтуша).

6. Мне так цїтој казав (*цїтој* — местный доктор, который в отличие от брестского не может выписать очки).

Особенно ясно значение *цїтој* в диалоге со старушкой, которой показывают палочки, нарисованные на бумаге, чтобы определить степень ее близорукости:

7. — А эти видите? — І цїто від'ж'у.

II. Противопоставлено местоимению *цїтој* местоимение *тáмтој*, употребляемое для указания на более отдаленный предмет, например:

8. (О столетнике, находящемся в соседней комнате): А тој је кол'уш'і, в тáмтиј хате.

9. (О двух женах попа, прошлой и настоящей): Вона такаја охóтнік [до работы] тáмтаја — т'їтаја не.

Необходимо отметить, что *тáмтој* употребляется значительно реже, чем *цїтој*. Это объясняется тем, что на его месте чаще употребляется просто *тој*. Так, пример 8 был повторен информантом в форме:

10. Тој је кол'уш'і в тај хате.

Есть случаи явного противопоставления *тој* и *цїтој*.

11. (О коровах): Та було шо молодá колі цїту ви́одовáлі.

12. Таја мáтушка і т'їтаја відно за је́о стар'áјуџа.

Таким образом, можно считать, во-первых, что маркированным признаком в этом противопоставлении является указание на ближний предмет, а в то время как указание на более далекий предмет может восприниматься

как отрицание этого признака (*toj* — не ближайший). Во-вторых, хотя местоимение-артикль *toj* в большинстве контекстов, которые будут приведены ниже, не несет и этого значения, что доказывается невозможностью подстановки вместо него формы *тамтој*, т. е. можно считать, что в нем данное противопоставление нейтрализовано, все же возможность употребления *toj* в функции *тамтој* затрудняет в известной степени его употребление как артикля (ср., однако, возможность употребления в немецком языке артикля *der* в функции указательного местоимения *dieser*, которое указывает на более близкий предмет). Ниже мы будем специально оговаривать, в каких случаях возможна подстановка *тамтој* вместо *toj*.

Последний структурный признак местоимения-артикля, который будет здесь рассмотрен, — это выражение местоимением некоторых значений, которые, вообще говоря, могли выражаться в пределах именной словоформы.

Этот фактор, по-видимому, основной при выделении категории артикля в германских или романских языках ⁶, где значения рода передаются, как правило, не самим существительным, а артиклем, то же касается падежа, например, в немецком или голландском языке или числа во французском. В славянских языках все эти значения передаются самим именем, и поэтому местоимение только дублирует эти значения.

Все же общее значение предметности, как категории существительного в противопоставлении другим именам, передается местоимением-артиклем не только в западноевропейских языках, но и в нашем говоре, а именно при субстантивации ⁷.

Правда, в некоторых примерах мы здесь имеем дело с переходными случаями, когда общее значение предметности лишь повторяется, например:

1. Кажє на ҃ромотвѣдѣна тој на колхѣзніј два разі вдѣрило.

Однако есть и случаи подлинной субстантивации:

2. (При сравнении достоинств черного и белого хлеба, но без упоминания слова *хлеб*): Тој бјелиј ні такіј.

⁶ О чисто морфологических функциях артикля в немецком языке см.: Behaghel, 1923, с. 39.

⁷ О субстантивации как главной функции артикля см.: Bühler, 1934.

3. (Разговор о прошлом): Ті́је мо́лоди́је не зна́јут.

4. (Рассказ о том, кому дают в первую очередь хлеб в магазине): Та́кім да́јут тим слúжаш'ім.

5. В тем Лукове је ти ста́рї́је (имеется в виду, что в Лукове лучше сохранилась старина).

Отметим, что перевод при помощи *эти* или *те* невозможен в примерах 4 и 5, а подстановка *тамтој* возможна, по-видимому, лишь в примере 1.

Основные случаи употребления местоимения-артикля в исследуемом говоре. Теперь мы попытаемся систематизировать основные типы ситуаций, в которых употребляется местоимение-артикль. Легко заметить, что это почти те же ситуации, которые выделяются при характеристике артикля в западноевропейских языках.

I. Ч и с т о е у к а з а н и е (сопровожаемое жестом). Этот случай явного употребления в функции указательного местоимения, встречается, как ни странно, не так часто. Наряду с приведенными выше случаями параллельного употребления *тој* и *тамтој*, приведем следующую ситуацию:

1. (Входим в комнату, приглашают сесть, лежащая старуха говорит деду): Там то́ґо корита́ пр'і́јмі.

Очевидно, что в русском переводе возможна подстановка *то*.

II. В ы р а ж е н и е о п р е д е л е н н о с т и. «Определенность» употреблена здесь в том узком смысле, что соответствующий предмет уже назван. Примеров на этот пограничный между местоимением и артиклем случай очень много, ср.:

1. (Рассказ о том, как держат кур): Мал'ён'ки та́к'і́је жёрд'и кла́дут' і во́ні на тих жёрдїх сі́дєт' ті́је куркі.

2. На тим ґрудóчкові (ґрудок — уже упомянут) под'ёлал'и трúни.

3. (Рассказ об утках и гусях, о разнице между ними): Ті́је ґус'і во́ні кусáјуца. . . та́кі́је ж'ирні́је ті́је ґус'е.

4. (Разговор в Радеже о ворожеях): Ја тих ворожбјéјков н'е понимéју.

5. (Рассказ о том, как старуха вернулась домой после войны 1914—1918 гг. с малыми детьми без мужа): Та́к ја бідна мучілас'а з ті́мі дїт'мі. . . ті́је д'éти воспі́тивала. . .

6. (О том, как наделяют накосы): Ја чу́ју ш'о за трудодні, а ко́му да́је за те трудодні.

7. (Сравнение Олтуша с другими селами): Олтуш најхор'їш'еје за тіје с'бла, најкрасівше. . .

8. (Рассказ о том, как солдат, уходивший при Николае I, пришел): І то́о солдата з ті́ју дівчино́ј повенчел'ї.

9. (О первый раз увиденном комбайне): Ш'о те́ј маш'їни ніхто нэ ба́чив, нэ поніма́в те́ј маш'їни.

10. (О том, как «знахурку. . . повісілі чортї» и как после этого ее сын сошел с ума): Видно вона́ јему сдала́ тому сі́нові (и вот сын ходит по селу и не расстается со своей сумкой): То́ј ко́шік од не́о́ нэ отста́не, в јім то́ј чорт.

11. (О том, как рассказчица поранила себе руку): Сара́ја роб'їла і впала на ту́ју ру́ку.

Подстановка *тамтој*, по-видимому, невозможна во всех примерах, кроме, может быть, первого. Что касается перевода при помощи *этот/та*, то он возможен — и то с натяжкой — в примерах 3, 4, 5, 8, 9.

III. Указание на предмет, единственно возможный в данной ситуации. Часто предмет, обозначенный словом, с которым выступает местоимение-артиклъ, не был назван, но вся ситуация и/или предшествующий рассказ говорят о том, что в данном случае этот предмет ожидается, причем является единственным в своем роде⁸.

1. (О том, как по вечерам раньше «прелі»): Напредеш' на тем станочкові.

2. (О старине): Тоуді са́ми робілі ту́ју з'ем'н'у.

3. (О лечебных свойствах столетника): Опјет јак чоловік боли́е на ті́је л'охкі́е.

4. (Хозяйка приглашает в хату, но просит подождать): Ја дам корм то́ј порос'аткові.

5. (О том, как человек утопился): Уж пішбв він на в о́зеро, ти чо́боти сбросів (ботинки, раньше, не упоминались).

6. (О старухе, у которой никого не осталось): Ході́ла побіра́тіс'а та Татја́ніна сестра́, пошла́ у то́ј престар'елі́ј дом.

⁸ Ср. в украинской песне «Сокіл з орлом купається»:

Ішли ляхи на три шляхи
А татари, а татари на чотири,
Козаченьки поле вкрили
А в тім війску, а в тім війску козацькому
Іхав возок. . .

(Українські пісні, 1855, с. 105).

Правило употребления в этом случае местоимения-артикля действует настолько сильно, что распространяется на имена собственные. Вообще говоря, имена собственные употребляются без артикля (Курилович, 1962, с. 258)⁹. Однако в исследуемом говоре местоимение-артикль почти всегда сопровождает имя собственное, поскольку последнее обозначает нечто единственное в своем роде.

7. В тем Сібірі. . .

8. Питаје тоґо Трохіма. . .

9. Отец тоґо Пушкіна — арап.

10. (Перечисление состава семьи): І таја Вáлечка дівчіна.

11. Трэба іті до тоґо Иванкі попітат'.

12. Вже нэ пішлі у тој Брест.

13. У тоґо Серґеја три корóви забіло.

14. У менé пл'емéница јес'т' в тем Мінску.

15. То таја Кат'а Ол'ґіна.

Как имена собственные, по-видимому, трактуются и слова *мать*, *отец*, *муж* и. т. п., впрочем, возможно, что это просто объекты, единственно возможные в данной ситуации.

⁹ В одной из рукописных заметок И. И. Ревзин предложил различать два типа выражения членом определенности. Первый тип характеризуется следующими чертами (далее следует текст заметки): «...несовместимость с другими средствами выражения определенности или, слабее, отталкивание от них: если есть другое средство, то член не употребляется. В этом типе: а) собственные имена употребляются, как правило, без артикля; б) притяжательные, указательные, неопределенные местоимения, т. е. любые локализаторы, исключают употребление артикля. Таково положение в классических случаях западноевропейских языков (немецкой, французской, английской, испанской и т. п.). Второй тип кооперативного выражения определенности характеризуется обратным: наличие какого-то средства, подчеркивающего существование, ведет к употреблению члена. Здесь, наоборот: а) имена собственные употребляются, как правило, с членом; б) притяжательные, указательные и даже неопределенные местоимения ведут к выбору именно членной формы. Таково, по-видимому, исходное положение славяно-балтийских членных форм прилагательных (классическое развитие в германских языках пошло по другому пути, но ср. *der giter man* в идише). Так описывается употребление в старославянском. Таковы тюркские системы, где наличие любого местоимения ведет к определенной форме генитива — аккузатива. Чрезвычайно интересно, что именно ко второму типу в принципе стремится балканский член» (прим. сост.).

16. (О том, как рассказчица шла с матерью и встретила чорта на поле): Ми їдем дал'ше с теї ма́тери.

17. (О том, как «бульбаши» напали на дочку и зятя в лесу): Хотілі жеї тб́о му́жа вбі́ти.

Подстановка *тамтої* невозможна ни в одном из примеров. Что касается перевода при помощи *этот/тот*, то он возможен — с некоторым семантическим сдвигом в примерах 1, 2, 6, 7, 8, 9.

IV. Указание на класс. Это значение И. Крамский считает основным: «Об артикле можно говорить в том случае, когда определенный артикль служит для обозначения субстантива в нарицательной функции (например, *The horse is an animal*); отдельный предмет здесь представляет целый класс. Если местоимение имеет такое значение, оно становится артиклем» (Крамский, 1963, с. 18). Следует, однако, иметь в виду, что указанное употребление характерно скорее для развитых литературных языков, в которых довольно расплывчатые (может быть, относящиеся к области «подсознательного») языковые значения приспособляются для выражения рациональных категорий, возникающих в связи с потребностями абстрактного мышления. В частности, при исследовании диалекта мы можем вообще не встретить подобных «критических контекстов», поскольку, скажем, для выражения логических суждений типа *лошадь — животное* информант может пользоваться (в нашем случае) русским языком. Все же отдельные примеры такого употребления могут быть указаны.

1. (О разных деревнях и их жителях): За Володом живут то ті́е пол'аки... тамто ті́е пол'аки за Бу́гом.

2. (Описание посуды): Жлукто — як кадúшка... там та́ја вода́ з тим по́пелом.

3. (Женщина не захотела иметь детей и обратилась к знахарке, та дала ей зелье, и вот она видит сон): Уже там ті́е ді́те скáчут' в ті́е воді́.

4. (О внуке, который учится в музыкальной школе): Там за тб́о музика́нта бу́ті.

Ясно, что ни в одном из этих примеров невозможны ни подстановка *тамтої*, ни перевод через *этот/тот*. Особенно показателен пример 4, где речь идет о музыканте вообще, а не о каком-то конкретном человеке. По-видимому, к этой группе примыкает употребление

местоимения-артикли в сравнительных оборотах с *jak*, например:

5. (Старуха говорит о себе, что не может двинуться):
Треба лежéт' *jak* тој баклáн¹⁰.

Правда, последний пример может трактоваться как эллипсис придаточного с *ш'о*, где *тој* было бы относительным местоимением. Подобные развернутые определения довольно часты, например, в украинских народных песнях, ср.:

Ой горе тій чайці,
Чаєцці небозі
Що вивела чаєняток
При битій дорозе.

(Українські пісні, 1955, с. 156)

Все же и в этом случае возможно такое понимание, что речь идет не об определенной чайке, а вообще о чайке.

Примеры употребления *тој* в сравнительном обороте особенно важны потому, что только здесь «представитель класса» с *тој* является исчисляемым существительным в единственном числе.

V. Экспрессивное употребление. Классификация примеров, предложенная нами, разумеется, условна, и возможны другие толкования. В частности, в целом ряде примеров можно считать, что речь идет о чисто плеонастическом употреблении в экспрессивных целях (например, при употреблении с именами собственными). Очень вероятно, что именно таковы и следующие случаи:

1. Тут в Бјелорусі заґіба́ті в туј пјесóк.

2. (Отрывок услышанного диалога):

— Пл'у́н'!

— На кóґо?

— На ту́ју рабóту!

И здесь подстановка *тамтој* невозможна. Что же касается перевода через *этот*, то он возможен, но сразу же

¹⁰ В «Анжете по определенности—неопределенности» (Ревзин, 1977а) исследуется употребление артикли в целом ряде специфических синтаксических конструкций, в частности; в сравнительных оборотах, в предикативе, в предложных оборотах, в обращении, в счетных и мерных конструкциях. Приводит в параллель к *jak* *тој баклáн* албанскую конструкцию *si ai kallkahi i dimërit* 'как зимний лед', буквально 'как тот лед зимы', И. И. Ревзин отмечает естественность определенного артикли при сравнении, поскольку «сравнение есть сведение нового к известному» (прим. сост.).

чувствуется, что и *этот* получает не указательное, а экспрессивное значение. Надо сказать, что если предложенная трактовка данного употребления как экспрессивного окажется приемлемой, то теоретически экспрессивное употребление легко объясняется на основе общего значения конкретизации, поскольку наглядное представление о предмете вполне может стать целью говорящего.

Мы видим, что, с одной стороны, местоимение-артиклъ в говоре с. Олтуш характеризуется как высокой частотностью употребления, так и рядом семантических особенностей, свидетельствующих о том, что оно передает значение указательности, ослабленное в том смысле, что отсутствует указание на «координаты». С другой стороны, известная факультативность его употребления и недостаточная выявленность структурных черт, обычно связываемых с категорией артикля, не дает возможности говорить о подлинном артикле, а заставляет говорить скорее о становлении артикля. При этом, разумеется, строго синхронное описание — единственно возможное при анализе диалектного материала — не дает оснований ничего сказать о направленности¹¹ этого процесса. Вполне возможно, что речь идет о разрушающейся системе и что говор с. Олтуш, сохранивший, как стало ясно из работы Полеской экспедиции, ряд фонетических и лексических архаизмов, законсервировал и в этом случае достаточно древнее состояние, сравнимое с тем, которое предполагается Погореловым для Киевской Руси. Это могло бы быть подтверждено тем соображением, что данный говор включен в языковой массив, почти не знающий указанных употреблений местоимения-артикля (даже в с. Лукове, находящимся недалеко от Олтуша, почти не зафиксировано подобных употреблений), и находится под действием мощных контактов с разговорным русским и литературным белорусским языком. Если бы этот говор попал в контакт с каким-либо языком, имеющим артиклъ, то есть все основания считать, что в этом говоре появился бы подлинный артиклъ.

О восприятии местоимения-артикля носителями литературного языка. В начале данного раздела мы указывали, что на типологической шкале системы, подобные

¹¹ Термин «направленность» употреблен в том смысле, какой ему придает Рейханбах (1963).

Олтушской, отстоят от полностью грамматикализованного артикля по степени структурированности, «вработанности» их в общий строй языка — несмотря на то, что местоимение-артикл обнаруживает, как было показано, целый ряд глубоких структурных сходств с подлинным артиклем. Но если посмотреть на олтушский местоимение-артикл с другого конца типологической шкалы, т. е. сопоставить его с полностью безартиклевым языком (каковым является литературный язык), то бросаются в глаза именно «артиклевые» свойства указательного местоимения. Эта характерная черта говоров с местоимением-артиклем получает иногда любопытное преломление в языке художественной литературы. Укажем один пример такого рода. В повести А. Кривоносова «Простая вода» («Новый мир», 1970, № 6) бросается в глаза частое и необычное для русского языка употребление местоимения *тот*:

— Вы тут сидите, ну просто-таки, как те голубки!

— Мне самой противно: во, старая стала, морщинная, ну. . . как тот паук (. . .) А была красивая (. . .), как та королева! (. . .) А была я, как та травиночка. . .

(О покойном муже) Высокий, плечистый, идет, бывало, ну. . . как тот медведь (. . .) Ох, и здоровый же он был, как тот бугай. (О невестке) Ну, а эта. . . как та змея подколодная! . . . С работы придет, ляжет на кровать и лежит, как та корова. •

— . . . Дура! Дура ненормальная! Как та бешеная (. . .), а я одна как та проклятая (. . .) Гриша и Варька все мне напевали: «. . . будешь жить у нас, как та королева».

— А до войны тут, ну. . . как та деревня была.

— Тут тебе — придешь, ляжешь, хоть днем, хоть ночью — никто мешать не будет. Как тот король!

— Теперь уж мне ходи да жди той смерти.

— Он был красивый, а она еще красивше, как та царица!

— Родиоша! Ты как тот дед-мороз!

— Ой холодненькая — такая вкусненькая! Как та газировка!

— На базар пойдешь, а там ложка той соли триста рублей. (. . .) Она такая ржавая, как тот кирпич (. . .) Верись, Количка, мешка три я той соли насушила.

— Ты бы хоть свой мотороллер припустил. А то стоит в сарае, как тот козел вонючий.

— (О диких утках) Шустренькие такие, как те кораблики.

— Что в центре красиво стало, то красиво, как в том царьграде. Я туда как в «Гастроном» пойду, иду, ну что по тому проспекту.

— И телевизоры те придумали, и спутники позапускали.

— Что вы там делаете! Воду ту качаете?

— Ну, то сала того привезут кусок, то еще чего. . .

— Иди, иди уже, сыночка! Пристанешь, как тот милиционер!

Действие повести протекает где-то недалеко от Гомеля, и нам нетрудно увидеть сходство в использовании местоимения *тот* с описанной только что ситуацией нескольких полесских говоров. По своей семантике приведенные примеры почти целиком соответствуют зафиксированным выше случаям употребления артикля в олтушском говоре. Но неустойчивость исходной системы в сочетании с авторским стремлением использовать местоимение-артикль как основную речевую характеристику приводит к двум, внешне противоположным, но восходящим к одному источнику явлениям. С одной стороны, местоимение-артикль отсутствует там, где он непременно должен быть поставлен, например, при именах собственных или в характерной ситуации вторичного упоминания:

— Хороший хлопец! (. . .) на автобусе работает, по деревням раскатывает (. . .) как стал на автобусе работать, глядишь — и приделся парень (у носителей указанных говоров скорее следует ожидать *как стал на том автобусе работать*).

С другой стороны, под влиянием своего рода «гиперкоррекции», указательное местоимение *тот* появляется в контекстах, где нельзя усмотреть никакого, даже самого слабого значения определенности, а имеется неопределенность:

— Что это за жизнь: ни детей тех. . .

— Он и платит-то мне. . . один тот рубль.

Как мы видели, в олтушском говоре местоимение-артикль регулярно выступает в сравнительном обороте. Эта позиция является наиболее частой и в речи героини, выступая средством более реальной подачи, «актуализации» сравнения. При этом, когда выступают традицион-

ные привычные (если отвлечься от местоимения) сравнения: *как (те) голубки, как (та) травиночка, как (та) королева* и т. п., то оживление их (как мы видели, в принципе для описываемой области оправданное) при помощи местоимения действительно помогает яснее представить себе образ персонажа.

То, что местоимение-артиклъ, по замыслу автора, должен составлять неразрывное единство со сравнением, подчеркивается примерами типа: *Поленька, миленькая. . . Так ты приходи, приходи! А то живем, как те. . .* Конкретный объект, с которым сравнивают, уже оказывается ненужным. Важно иметь еще одно сравнение в общем их каскаде.

Однако чувство меры нередко изменяет А. Кривоносову: расширение употребления местоимения *тот* за счет включения новых, неисконных объектов сравнения приводит к художественным промахам, ср.: *прописан как в той аптеке; нарядный да красивый, ну. . . как тот граф; приезжие, что те печенегии налетят; сплю, ем, гуляю. . . Как тот туняедец, бери меня — и на свалку.*

Замысел автора — вскрыть с помощью сравнительных оборотов с местоимением *тот* и шире (с помощью его «артиклевого» употребления) народность, образность речи Анны Романовны, ее связанность со старинным укладом жизни, с «почвой» — оказывается скомпрометированным. Но нам важно было подчеркнуть не эстетическую, а собственно лингвистическую сторону вопроса. Как мы видим, прошедшее через призму языкового сознания носителя литературного языка артиклевое местоимение *тот* обнаруживает характерные черты неустойчивого положения в исходной диалектной системе. Попытка воспроизвести порождающий механизм употребления местоимения-артикла у носителя говора оборачивается — и как раз благодаря внешней, «остраненной» точке зрения — показом крупным планом, во-первых, самого несомненного существования этого механизма, и во-вторых, таких его черт, как размытость и недостаточная структурированность.

II.3. О некоторых средствах выражения определенности—неопределенности в русском языке

Полевая структура определенности—неопределенности. Мы обратимся теперь к рассмотрению языковой системы, где главное средство выражения категории определенности—неопределенности — артикль — отсутствует вовсе. Оказывается, что в русском языке можно выделить целый ряд средств, передающих это значение. Анализ значений местоимений *тот* и *этот* (Ревзин, 1973) приводит к выводу, что, хотя эти местоимения ни в коей мере не обладают статусом артикля, они тем не менее передают целый ряд артиклевых значений. Другими средствами выражения определенности—неопределенности являются согласование (правило Потебни, — см. Ревзина и Ревзин, 1974; см. также далее), порядок слов, другие виды местоимений (в частности, неопределенные). Значение определенности—неопределенности обнаруживается также при исследовании глубинной семантики некоторых конструкций, служебных элементов. Так, мы находим это значение в употреблении местоимения *свой*, ср. два предложения:

1) При всем своем таланте Городецкий не написал ничего, что осталось бы после него.

2) *При всем своем таланте один (некоторый, какой-то) человек не написал ничего путного.

Во втором случае значение неопределенности, исходящее из определителя при существительном, препятствует употреблению *свой*, ср. также:

3) *Со своими неизбежными пеленками в квартире появились дети.

4) Со своими неизбежными пеленками и общим беспокойством дети все равно вносят в жизнь что-то живое и интересное.

В первом случае значение возникновения объекта (неопределенность) препятствует употреблению *свой*. Еще два примера, когда местоимение *свой* появляется на фоне правила Потебни:

5) Со своими детьми десять разгневанных женщин пришли к врачу на прием.

6) *Со своими детьми десять разгневанных женщин пришло к врачу на прием.

Вместе с тем признак может подавляться под действием других факторов, в частности, изменение порядка слов (иная актуализация) как будто уже делает возможным такие предложения, как:

7) Один человек не написал ничего путного при всем своем таланте.

8) Дети появились в квартире со своими неизбежными пеленками.

Значение неопределенности прослеживается в русском языке также в следующих конструкциях (проверочный текст — замена на личное местоимение).

а) *выбрать в генералы, избрать в депутаты* (нельзя: **выбрать в они*, **выбрать в них*). Невозможно, кроме того, **выбрать в эти генералы*. В предложении *Выбрали в эти, как их бишь, генералы — эти* имеет смысл неопределенного местоимения;

б) *по два, по две книжки* (нельзя: **по они*, **по им*);

в) *говорить с жаром* (нельзя: **с ним*, **с этим жаром*).

Можно считать, что категория определенности—неопределенности устроена в русском языке по полевому принципу, т. е. как совокупность лексических и грамматических средств, имеющих, как правило, и другие функции. В других славянских языках категория определенности—неопределенности также не представляет законченной системы. Поэтому использование понятия поля будет полезно для их типологического сопоставления. Существенно, что при таком типологическом сопоставлении обнаруживается изоморфизм областей проявления данной категории между языками с полностью грамматизованным артиклем и такими системами, как русский, в котором значение определенности—неопределенности имеет по преимуществу «скрытое» (в смысле Уорфа) выражение.

В последующем изложении будет рассмотрен пример такого изоморфизма.

О предложениях тождества и правиле согласования связки. Речь идет об анализе высказываний типа «А тождественно В». В. Г. Адмони (Адмони, 1955) выделяет специальный логико-грамматический тип предложений тождества:

Der einzige, der am Ende noch zu uns hielt, war der Hausmeistersohn, das brave Bübchen (J. R. Becher). Для

русского языка можно сослаться на Пешковского (Пешковский, 1938, с. 230, 234):

... где пасмурный Бешту, пустынный величавый. . .

Был новый для меня Парнас.

(Пушкин)

По поводу таких предложений В. Г. Адмони пишет, что они близки «к предложениям, в которых выявляется связь единичного и общего», которая «обнаруживается, в частности, в общности их грамматического строения» (Адмони, 1955, с. 145). Применительно к немецкому языку подчеркивается, что «расхождения здесь выступают преимущественно в области употребления артикля. . . определенный артикль характерен и для предикативного существительного, что связано с его соответствующей семантикой» (Адмони, 1955, с. 145).

Отметим, что значение тождества, так же как значение включения, рассматриваемые как определенные категории плана содержания, а именно категории грамматической семантики, складывается из двух, вообще говоря, независимых признаков:

а) факт установления тождества объема двух понятий, либо б) включения объема одного понятия в объем другого;

β) константность либо γ) преходящий характер сопоставления двух понятий (этот признак — *bleibende oder veränderliche Semantik* специально рассматривался В. Г. Адмони применительно к опущению неопределенного артикля в предикате).

Эти два признака дают в идеале четыре типа предложений.

1. Значения α и β, т. е. семантика константного тождества. Назовем этот тип собственно предложения тождества. Сюда относятся предложения:

Paul ist Saul	— Павел есть Савл
Descartes ist Cartesius	— Декарт это Картезиус
Der Morgenstern ist der Abendstern	— «утренняя звезда есть вечерняя звезда»

Этот молодой корнет была девица Дурова

Более сложные примеры: Für diesen weißen Raben war Castalien nicht die Welt (Hesse, Glasperlenspiel); заметим, что здесь используется так называемое «нарративное» прошедшее, эквивалентное настоящему с его

вневременностью. Der Mensch, den wir meinen und wollen, der zu werden unser Ziel ist (там же) — здесь будущее время отражает идеальное существование, которое лишь должно быть достигнуто.

2. Значения α и β , т. е. семантика преходящего тождества. Назовем этот тип предложениями условного тождества. Сюда относятся уже приведенные примеры, ср. также: Brot ist Freiheit, Freiheit — Brot; Ich bin das Schwert, ich bin die Flamme.

3. Значения $\bar{\alpha}$ и β , т. е. семантика константного включения: Puschkin war Dichter — *Пушкин был поэт*; Хлебников был чемпион (Шкловский).

4. Значения $\bar{\alpha}$ и β , т. е. семантика преходящего включения. В немецком языке этот тип не отличается от предыдущего, в то время как в русском языке признак β играет значительную роль, так как эта семантика, как правило, отражается чередованием именительного и творительного падежей, ср. известный пример: *Пушкин был камер-юнкером, лицеистом* и т. п., а также, как специально подчеркнул В. Г. Адмони, возможностью эксплицитного употребления связки: *Роза (есть) цветок*; но только *Он студент*.

Этот признак явственно проявляет себя не только в предложениях тождества, но и в предложениях включения, из-за чего в русском языке вообще различие между 2-м и 4-м типом гораздо меньше выражено, чем, например, в немецком.

Возникает, однако, вопрос, могут ли вообще в языке формально выделяться оба указанных признака.

В семитских языках, например древнееврейском, связка, как известно, не употребляется, а субъектно-предикатная структура, соответствующая именному сказуемому, достигается соположением определенного имени (субъект) и неопределенного имени¹² (предикат), например, в *mōšē nābī* 'Моисей был пророк'. Заметим, что поскольку, по теориям древних грамматистов, глагол также относится к неопределенным именам, этот тип гораздо ближе к глагольному логико-грамматическому типу, чем

¹² Иногда в семитских языках, например для арамейского, вообще выделяют отдельный предикативный падеж: «статус предикативус» (см.: Дьяконов, 1965, с. 55).

соответствующий русский перевод. Тип предложений тождества («константного тождества») характеризуется двумя чертами: а) оба имени являются определенными (эта черта имеется и в соответствующих немецких переводах) и б) между двумя именами появляется личное местоимение, являющееся основным структурным признаком этого типа, например: *kara' hā'am bəkol gādōl: YHWH hū'hā'ēlohīm baššamāyim wə'al hā'ages* 'воскликнул народ громким голосом: Яхве есть (буквально: он) бог на небесах и на земле'. Особенно интересен пример *'atta' hū' hā' — ēlohīm* (буквально 'ты он бог'), где видно, что личное местоимение вовсе не является анафорическим, как можно заключить по переводу предыдущего предложения. Таким образом, признак α получал здесь явное выражение.

Перейдем к признаку β. В своей замечательной работе о первоначальном значении именного бессвязочного предложения (*la phrase nominale*) в индоевропейском синтаксисе Бенвенист (Бенвенист, 1974) приходит к выводу, что таким первоначальным значением и было значение вневременного, абсолютного тождества, в то время как связочный тип выражал значение переменного признака. Приводя большой список предложений из Пиндара и Геродота, например: *τό δὲ παθεῖν εἰς πρῶτον ἀέθλων* 'счастье — вот первое из благ' (Пиндар), Бенвенист подчеркивает, что это значение сохранено в древнейших греческих текстах также, как, например, в санскритской формуле *tvām Vāruṇaḥ* 'Ты — Варуна'.

Разумеется, в дальнейшем в индоевропейских диалектах такое противопоставление связочной и несвязочной формы стерлось, однако самая возможность его знаменательна.

В современном немецком языке предложения тождества имеют — по Адмони — то же оформление, что и предложения включения (с тем ограничением, что в первом типе возможен определенный артикль при обоих именах). Но можно показать, что предложения включения входят в более широкий класс, т. е. предложения с подлинным предикативом обладают некоторыми формальными чертами, которые отсутствуют у предложений тождества. В свою очередь у предложений тождества есть ряд специфических формальных черт (Ревзин, 1975).

Любой предикатив может замещаться в немецком языке

безличным местоимением и не может замещаться личным местоимением, ср.

Der Mann ist Lehrer	} er ist es
Der Mann ist ein Arbeiter	
Der Mann ist fleißig	
Der Mann ist guter Laune	

в то время как подлежащее, как видно из тех же примеров, легко заменяется личным местоимением.

Предложения с семантикой тождества этим свойством не обладают: во всяком случае это верно относительно собственных предложений тождества.

В предложениях тождества — и в этом их основное структурное отличие от предложений с предикативом — оба существительных могут заменяться личным местоимением. Так, предложение *Paul ist Saul* имеет следующие подфразы: *Paul ist er*; *Er ist Saul*; *Er ist er* (то, что последняя подфраза грамматически правильна, доказывается фразой: *Drittens aber ist er er selbst* (A. Zweig). Замена на *es*₂ приводит к сдвигу в значении: *Paul ist es* может восприниматься как высказывание о свойстве и сопоставляться с предложениями *Paul ist ein Christ* или *Paul ist christlich*.

Генетически оба типа предложений, по-видимому, связаны, причем предложения тождества, по-видимому, первичны, и лишь постепенно вырабатывается значение приписывания определенного свойства, выражаемое предикативом. Так, немецкие дети довольно долго образуют предложения типа * *Das ist die Rakete* вместо *Das ist eine Rakete* (Reiter, 1967, S. 107).

При внешнем сходстве предложения с предикативом и предложения тождества имеют разную синтаксическую структуру: в первом типе представлена субъектно-предикатная структура, в то время как предложения тождества являются двухподлежащими (ср. концепцию предсвязочного и послесвязочного члена у Стеблина-Каменского, 1956; ср. также: Берка, 1961; более подробно об этом: Ревзин, 1975). Категория определенности—неопределенности проявляет себя на данном синтаксическом фрагменте следующим образом: а) определенный артикль не употребляется в предикативе, б) в предложениях тождества (двухподлежащих) может употребляться любой артикль. Кроме того, для дальнейшего

существенно правило о согласовании подлежащего с личным глаголом, которое можно сформулировать в такой форме: личный глагол всегда согласуется с более выразительным из подлежащих, а именно с тем словом, в котором представлены маркированные члены категорий. Для случая одного подлежащего мы получим обычное правило о согласовании с подлежащим. Что же касается двух подлежащих, то согласование должно идти по множественному числу, далее 1-е лицо маркировано по отношению ко 2-му, а 2-е по отношению к 3-му.

В русском языке нет универсального безличного местоимения типа немецкого *es*, и поэтому нет столь отчетливого дистрибутивного критерия выделения подлинного предикатива. Можно, однако, заметить, что в русском языке предикатив вообще ни на что не заменяется, в то время как все другие члены предложения могут быть либо опущены с сохранением основного костяка, либо заменены личными местоимениями, ср.: *Пушкин как поэт бессмертен, Великий Пушкин — поэт*, для которых выделяется костяк *он бессмертен*, и соответственно: *он — поэт*, в то время как дальнейшие замены, например, *он — он* уже не сохраняют смысла высказывания. Что же касается предложений тождества, то в них оба имени заменяются на личные местоимения ср.: *Павел (есть) Савл, он есть Савл, Павел есть он* и даже *он есть он*. *Этот молодой корнет и есть девица Дурова; он и есть девица Дурова, этот молодой корнет и есть она*, и даже: *он и есть она*.

Примечание. По стилистическим причинам для неодушевленных существительных мужского и женского рода замена на личные местоимения неестественна и вместо них употребляется местоимение *это*, например: *хлеб есть свобода*, где вряд ли можно сказать *он есть свобода* или *хлеб есть она*, а лучше *это есть свобода* или *хлеб есть это* (здесь одновременная замена двух членов невозможна).

Правда, как уже было указано, в русском языке существует сильная аттракция между типом преходящего тождества и преходящего включения и поэтому замена на личные местоимения возможна и в предложениях с творительным, если в них имеется значение тождества, ср.: *Павел был тогда Савлом — Павел был им*. Поэтому для русского языка критерий замены не может быть

признан операционным, и само выделение специального типа предложений тождества гораздо более спорно.

Тем не менее, и в русском языке можно выделить на данном фрагменте выражение значения определенности—неопределенности, и это проявляется в том, как осуществляется согласование вспомогательного глагола в роли связки с подлежащим или именным сказуемым (в конструкции $N_1 - N_1$, по терминологии АГ, 1970, с. 555, в дальнейшей записи — $N_1 \text{ Copul } N_1$, где *Copul* — нулевая или ненулевая связка, а N_1 — существительное в форме именительного падежа). Существительное слева от *Copul* мы будем условно называть первым, а существительное справа от *Copul* — вторым.

В грамматиках, как правило, отмечается, что в случаях, когда $N_1 \text{ Copul } N_1$ различаются по роду и числу, то в форме связки могут быть колебания (в терминах членов предложения это выражается так: связка обычно согласуется с подлежащим, но возможно и согласование с именной частью сказуемого).

Вообще говоря, в языке произвольное варьирование формы встречается крайне редко. Оно часто свидетельствует о каких-то изменениях в языке, о смене норм или даже других более глубоких процессах. В данном случае никакой смены нормы отметить нельзя¹³. Скорее речь идет о какой-то скрытой категории, которая до сих пор не была обнаружена.

Мы и хотим в дальнейшем попытаться установить с помощью довольно простых экспериментов такую категорию в русском языке. Для того экспериментирования, которое мы намерены производить далее, нам понадобится понятие допустимой вставки: мы будем говорить,

¹³ Некоторые авторы отмечают, что «в предложениях с именительным в обоих составах и связкой *был* идет процесс, который можно назвать синтаксическим расподоблением, диссимилиацией» (Золотова, 1964, с. 302), т. е. что указанный тип вообще выходит из употребления, заменяясь, например, конструкцией, где одно из существительных ставится в творительном падеже. Было бы нелепо отрицать эту тенденцию, в особенности в современной публицистике. Тем не менее мы считаем, что данная конструкция была и остается живой формой русского языка, активно используемой в художественной литературе. Как мы попытаемся показать ниже, у носителей языка есть живое чувство по поводу правильности или неправильности тех или иных согласований в контрольных ситуациях, а это было бы невозможно, если бы речь шла об отмирающей форме.

что вставка слова в предложение допустима, если получившееся предложение является по смыслу лишь специализацией (уточнением) исходного предложения, т. е. не происходит резкого смыслового сдвига при переходе от одного предложения к другому.

Пример допустимой вставки: *Мы соблюдаем соглашение; Мы соблюдаем это соглашение.*

Пример недопустимой вставки: *Мой отец портной; Мой отец этот портной.*

В первом примере смысл остался неизменным, во втором — из истинного высказывания могло получиться ложное.

Мы будем называть слово детерминированным в данном тексте, если выполнено хотя бы одно из условий: а) оно указывает на объект, упомянутый ранее в тексте ¹⁴, либо единственный в описываемой ситуации; б) перед ним стоит указательное местоимение *этот* (первой, семантической частью формулировки — в особенности указанием на единственность в данной ситуации — мы, вообще говоря, пользоваться не будем, а остановимся на показателе *этот*); в) оно является именем собственным; г) к нему относится придаточное относительное, ограничивающее объем выражаемого понятия.

Мы будем называть существительное N_1 потенциально детерминированным (сокращенно ПД) в предложении, если в этом предложении допустима вставка, превращающая N_1 в детерминированное существительное.

Основное правило. В конструкции N_1 *Соприч* N_1 связка согласуется с детерминированным либо потенциально детерминированным существительным.

С л е д с т в и е. Поскольку по правилам актуального членения детерминированное существительное обычно бывает первым, то, как правило, связка согласуется с ним. Однако это вовсе необязательно, ибо детерминированным может быть и второе существительное.

Д о п о л н и т е л ь н о е п р а в и л о. Если оба существительных N_1 потенциально детерминированы, либо ни одно из них не является потенциально детерминированным, то согласование проходит по следующему принципу:

1) множественное число имеет предпочтение перед единственным;

¹⁴ В этом смысле понятие детерминированности было введено в статье Е. В. Падучевой (1965).

2) одушевленное имя — перед неодушевленным;

3) женский род — перед мужским, мужской — перед средним (ср. выше соответствующее правило для немецкого языка).

Заметим, что дополнительное правило носит менее обязательный характер и является в русском языке скорее стилистическим.

Эти правила мы разберем на примерах, приводимых в АГ, 1970, а также в АГ, 1952. Удобнее всего начать с примеров из новой Академической грамматики. Дело в том, что там соответствующие примеры даны в предельно сжатой форме и — как будет ясно из дальнейшего — именно поэтому допускают обе формы. Исходя из этих примеров, мы постараемся восстановить для них более полную форму, в которой легко выявляется детерминированность, и находит однозначное применение сформулированное правило.

1. *Кабинет был (была) большая комната.* В такой форме действительно допускается несколько прочтений:

а) *кабинет* — ПД и *комната* — не-ПД.

ср. (*Его ввели в кабинет*). *Этот кабинет был большая комната.* Неправильно¹⁵: **Этот кабинет была большая комната*, если *большая комната* не имя собственное (см. ниже);

б) *кабинет* — не-ПД и *комната* — ПД

ср. *Кабинет была эта большая комната* либо *Кабинет была «Большая комната»* (комната, которую так звали в семье). Неправильно: **Кабинет был эта большая комната* либо **Кабинет был «Большая комната»*;

в) *кабинет* — ПД и *комната* — ПД

ср. *Этот кабинет была «Большая комната»*. Неправильно: **Этот кабинет был «Большая комната»*.

У Достоевского в «Преступлении и наказании», откуда был взят и (препарирован) пример¹⁶ стояло *Кабинет его была комната ни большая, ни маленькая*. Это именно случай г), ибо определение *ни большая, ни маленькая* эквивалентно придаточному предложению.

2. *Первый урок оказался (оказалась) история*

¹⁵ Мы пишем «неправильно», если все информанты, к которым мы обращались, оценивали форму как неправильную. Сюда же относится собственная оценка автора.

¹⁶ Он приводится также в Шахматов, 1925, с. 138.

а) *первый урок — ПД и история — не-ПД*
(Мы должны были попасть именно на первый урок).
Этот первый урок оказался историей. Неправильно:
*Этот первый урок оказалась история;

б) *первый урок не-ПД и история — ПД*
(Ненавижу историю. Вот сегодня пошел в школу).
Первый урок оказалась эта (противная) история. Неправильно: *Первый урок оказался эта (противная история);

в) *первый урок — ПД и история — ПД*

Случай весьма мало вероятный, но тогда будет: (Ненавижу историю. Я очень спешил на первый урок). Этот первый урок оказалась эта (противная) история.

3. *Показания свидетеля были (была) путаница.* Форма была в этом предложении представляется маловероятной, и действительно она возможна лишь в случае, когда слово *путаница* потенциально детерминировано, например: *Показания свидетеля (и) была та путаница, (которая сбита с толку прокурора).* Ср. невозможность в этом контексте: **Показания свидетеля и были та путаница, которая сбита с толку прокурора.*

4. *Его спокойствие было (была) личина.* Этот пример приводится у Пешковского (Пешковский, 1938) как цитата из Писемского: *Все это спокойствие была одна чистая личина* и в этой форме, казалось бы, противоречит нашему правилу. Однако это не совсем так: *одна чистая личина* также детерминировано, хотя это труднее выявить, ибо семантика группы суперлативная (ср. *Все это спокойствие была самая отвратительная ложь*) и форма женского рода выбрана как маркированная. В самом деле в приведенной более простой форме, но при детерминированности только первого слова возможно лишь: *Все это его спокойствие было личина.*

Рассмотрим еще примеры Пешковского.

5. *Восхищение других была та мазь колес, которая была необходима для того, чтоб ее машина свободно двигалась* (Л. Толстой). Здесь детерминированность слова *мазь* выражена уже в тексте.

6. *Свадьба Наташи было последнее радостное событие в старой семье Ростовых* (Л. Толстой). Здесь детерминированность второго существительного легко обнаруживается перифразой: *было то радостное событие, которое*

было последним в семье. . . Надо признать, что первое существительное также может восприниматься как потенциально детерминированное (*эта свадьба Наташи*) и поэтому столь же естественна здесь и форма женского рода: *Свадьба Наташи была последнее радостное событие*.

7. *Последние числа октября было время самого разгара партизанской войны* (Л. Толстой). Детерминированность слова *время* подчеркивается элементом *самого*, ср. перифразу: *то самое время разгара*. И здесь первое существительное может быть детерминированным: *эти последние числа октября* и тогда уже неправильно было бы **Эти последние числа октября было*.

Как мы видим, здесь уже возникают определенные стилистические оттенки (ср. упомянутую выше роль слова *самого*), которые писатель может подчеркнуть, используя то или иное согласование.

Чрезвычайно интересно следующее мнение В. И. Чернышева: «Некогда Писарев жестоко осмеивал автора, употребившего предложение, в основе которого стояла фраза: *Белинский была замечательная личность*. Критик указывает на нелепость сочетания: *Белинский была личность*. Но если бы автор употребил для слова *быть* форму мужского рода, его можно было бы упрекать за соединение *был личность*. Вообще у нас допускается согласование связки *был, была, было* как с подлежащим, так и со сказуемым существительным» (Чернышев, 1970, с. 530).

По поводу этого места Л. А. Булаховский замечает: «Оставляя в стороне вопрос, в какой мере справедливо это замечание для позднейшего языка (думаю, что в данном случае прав Писарев, а не Чернышев), для изучаемого времени (начало XIX в. — *И. Р.*) оно тоже, по крайней мере, неточно» (Булаховский, 1954, с. 322). В самом деле, если контекст не детерминирует слово *личность* (обстоятельство, которое в этом споре игнорируется), то нужно: *Белинский был замечательная личность*, ибо имя собственное всегда детерминировано, ср., однако, *Белинский и была эта замечательная личность, которая оставила по себе такой след в критике*, где *была личность* возможно.

Далее Булаховский приводит ряд примеров, где «. . .», «соблазн» отклониться от правильной конструкции явно преодолен и построение предложения безупречно» (Булаховский, 1954, с. 322), например: *Для старика была закон ее младенческая воля* (Пушкин); *То явно было не слу-*

чай (Жуковский); На эту пору друг его вблизи случился: Друг тот был — Лиса (Крылов).

Можно проверить, что во всех этих случаях действует правило о детерминированности. Но и в примерах, где Булаховский видит «большую свободу выбора», действует то же правило. Приведем один лишь пример: *В ризе странника убогой С детской в сердце простотой Я пошел путем-дорогой — Вера был вожатый мой* (Жуковский).

Очевидно, что в данном контексте слово *вожатый* потенциально детерминировано, предполагается, что когда некто идет путем-дорогой, у него должен быть вожатый и притом единственный в ситуации. В качестве эксперимента вырвем эту фразу из контекста, тогда *Вера* будет восприниматься как имя собственное и фраза **Вера был вожатый мой* становится невозможной.

Аналогично можно проанализировать и другие примеры, приводимые в названных источниках. Заметим еще, что столь парадоксально решаемый Пешковским вопрос о конструкциях типа *Это был стул, Это была Маша, Это были стулья* (Пешковский, как известно, видит в *это* именную часть сказуемого) получает в наших терминах следующее истолкование: местоимение *это* — всегда не-ПД, ибо перед ним нельзя подставить *это* (**это это* — неправильно), оно не указывает на упомянутый ранее предмет или предмет, единственный в своем роде и т. д. Что касается существительного, то оно может быть как ПД (*это была Маша*), так и не-ПД. Поскольку, однако, *это* — не-ПД, и к тому же абсолютно невыразительно, согласование идет по второму существительному.

Мы намеренно обсуждали этот вопрос вне проблемы членов предложения, ибо привлечение теории членов предложения только запутывает вопрос. После того, как исследование проведено, мы, разумеется, можем перевести полученные результаты на язык теории членов предложения.

А именно мы считаем, что подлежащее отличается от именной части сказуемого как раз тем, что подлежащее детерминировано или потенциально детерминировано, а сказуемое не детерминировано. Поэтому наш результат можно изложить так: как и в немецком, в русском языке связка всегда согласуется с подлежащим; в предложении, где оба члена детерминированы; выступает два подлежащих, и согласование происходит по маркированным чле-

нам соответствующих категорий. В этом случае глагол *быть* превращается в полноправное сказуемое, ибо оба связываемых понятия известны слушателю, а сообщается, собственно говоря, об установлении их тождества.

В названных выше признаках потенциальной детерминированности существительного нетрудно видеть сходство с основными случаями употребления артикля. Точно так же предложения с двумя детерминированными существительными естественным образом соотносятся с предложениями тождества в немецком языке: в предложении *Saul ist Paul sein* есть глагол, выражающий идею тождества, и, стало быть, полнозначный, в то время как в предложении *Karl ist ein Schneider* глагол *sein* играет роль связки. Таким образом, значение определенности—неопределенности действительно выражается в русском языке, выступая как скрытая синтаксическая категория, аналогично тому как в немецком языке мы видим на данном фрагменте действие грамматической категории определенности—неопределенности. В дополнение к этому сопоставлению отметим, что и в болгарском языке связь между подлежащим и определенным именем, с одной стороны, и именной частью сказуемого и неопределенным именем, с другой — очевидна. Так, Ю. С. Маслов пишет, что в предикативной функции «. . . постановка общей формы обусловлена значением неопределенности, вытекающим из самого характера предикативной связи. . . в противоположность этому подлежащее. . . обычно соответствует здесь исходному пункту высказывания, т. е. чему-то, уже известному слушателю до данного высказывания» (Маслов, 1956, с. 90). Разумеется, и в болгарском языке встречаются случаи, когда оба существительных детерминированы. Можно сослаться на пример Маслова: *Аз съм соколът, що ме ти хвана* 'Я тот самый сокол, которого ты поймала'.

Рассмотрим в связи со сказанным еще один пример А. М. Пешковского — следующий отрывок из Пушкина:

. . . три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.

Пешковский пишет: «Для нас, конечно, в сочетании *первый клад была честь* подлежащее будет *честь*, а в сочетании *второй клад был честь дочери* подлежащее будет *клад*» (Пешковский, 1938, с. 234).

Предложенная нами теория дает несколько иной анализ. В предложении *три клада были мне отрада* оба существительных недетерминированы, согласование идет по дополнительному правилу. Сказать по изолированному предложению, где подлежащее, нельзя, однако естественнее всего считать, что оба существительных — подлежащие, а сказуемое *были* устанавливает факт тождества. Во всяком случае, *Первый клад мой честь была* есть предложение тождества, где два потенциально детерминированных слова, а стало быть два подлежащих, где *была* полнозначный глагол тождества (заметим, что это слово стоит в наиболее ударной позиции в стихе), и этот глагол согласуется с тем подлежащим, которое маркировано, в то время как для *второй клад был честь дочери, честь дочери* выступает как предикатив, а глагол *был* как связка, согласующаяся с подлежащим (этот анализ совпадает с анализом Пешковского, заметим, что наш анализ подкрепляется полной безударностью связки *был*). Еще надо заметить, что и в третьем высказывании:

Но сохранил я клад последний,
Мой третий клад: святую месть.

мы имеем констатацию тождества, правда, выраженного непредикативно. Полный параллелизм всех трех констатаций как будто опровергает гипотезу Пешковского о том, что *клад* может быть в одной из них подлежащим, а в других именной частью сказуемого.

Конечно, этот анализ был бы более естественным при отказе от терминологии теории членов предложения: связка примыкает к недетерминированному члену, если только один из членов детерминирован, и получает самостоятельность, когда оба члена одинаково детерминированы или одинаково недетерминированы. Но в данном случае нам хотелось сопоставить свой анализ с анализом Пешковского.

Для теории членов предложения понятия детерминированности и потенциальной детерминированности могут иметь и еще один смысл. В случаях, когда в конструкции

N_1 *Сорул* N_1 категории обоих существительных совпадают, традиционная теория видит подлежащее в первом существительном, а сказуемое — во втором. Пешковский показал, что такое решение не всегда приемлемо, но предложенные им тесты неоднозначны, хотя идея очень близка к нашим (если не опираться на идею согласования). Если считать, что различие подлежащего и именной части сказуемого необходимо (мы оставляем этот вопрос открытым), то подлежащим является именно потенциально детерминированное существительное. Так, в примерах Пешковского: *В то время был еще жених ее супруг* (Пушкин) и *... петушок мой золотой будет верный сторож мой* (Он же) по предложенной нами теории подлежащим будет *ее супруг* (*этот ее супруг*) в первом предложении и (*этот*) *петушок мой золотой* — во втором предложении.

В терминах членов предложения удобно изложить следующий довод в пользу изложенной теории. Имеется ряд слов и выражений, которые специализируются в позиции именной части сказуемого. В. В. Виноградов говорил о них, что они «тянутся к категории состояния» (Виноградов, 1938, с. 329) и приводил такие примеры, как *очень не дурак, почти идиот, живые мощи, седьмая вода на киселе, последняя спица в колеснице*; ср. также сочетания существительного с *совсем*: *совсем подлец, совсем баба*. По изложенной теории согласование с ними невозможно (даже если бы они стояли на первом месте). И действительно, — правильно:

Живые мощи	}	был этот человек
Совсем баба		
Седьмая вода на киселе		

но неправильно:

- *Живые мощи были этот человек.
- *Совсем баба была этот человек.
- *Седьмая вода на киселе была мне этот человек.

Вяч. Вс. Иванов указал автору, что вообще большая часть так называемой «категории состояния» может быть описана как класс неопределенных существительных и прилагательных.

В самом деле, движение в категорию состояния сопровождается — по Виноградову — потерей согласования с ним, ср. его примеры: *уже было пора уезжать — пора*

была уезжать; было лень заниматься — лень была заниматься и т. п.

Попробуем применить к этим примерам наш тест: (*Его охватила непробудная лень*). *Эта лень заниматься была чудо*. Неправильно: **Эта лень заниматься было чудо*. То же верно и для слова *пора* в контексте: (*Наступила та ужасная пора, которую дети не любят*). *Эта пора уезжать с дачи была всем в тягость*. Неправильно: **Эта пора . . . было в тягость*. В случае детерминированности слова *пора*, *лень* ведут себя, как можно видеть, подобно остальным существительным. Но такие контексты подобрать трудно, и они всегда искусственны. В подавляющем же большинстве случаев они недетерминированы, и это объясняет их обособление.

О частицах таки, и, вот. В связи с выделением детерминированного и потенциально детерминированного существительного в конструкции N_1 *Сорил* N_2 мы хотели бы обратить внимание на роль частиц *таки, и, вот* как показателей темы и ремы в предложении. Особенности частицы *таки* следующие:

- а) она носит непринужденно-разговорный, даже иногда просторечный характер;
- б) она безударна или же несет на себе слабое ударение (причем в этом случае наряду с более привычным *таки* возможно и *таки*) и в силу этого не употребляется, как правило, в конце предложения;
- в) она в принципе присоединяется к полнозначным словам любой части речи:
 - к существительному: *Он таки дурачок*;
 - к прилагательному: *Он таки прав*;
 - к «категории состояния»: *Жаль-таки этого парня, Пора-таки домой*;
 - к наречию: *Опять-таки он*;
 - к глаголу: *Таки пришел (пришел-таки)*;

К неполнозначным словам (если отвлечься от *все-таки*, где мы, собственно говоря, имеем дело с новым словом) *таки* не присоединяется. Имеется, однако, одно знаменательное исключение: к словам *да* и *нет*, являющимся эквивалентами целых предложений, *таки* может присоединяться: *Пришел ли этот негодяй? — Таки да. (Таки нет)*.

Правда, это употребление носит просторечный и даже почти жаргонный характер, тем не менее, оно возможно,

и самая эта возможность помогает уяснить себе специфический характер этой частицы в русском языке.

Во всех указанных употреблениях *таки* относится к сказуемому, подчеркивая тот факт, что сообщается нечто новое; во всяком случае, если к слову относится *таки*, то оно не может быть детерминированным или потенциально детерминированным, ср. неправомерность **Он таки тот дурачок*. Интересно, что *таки* легко присоединяется к словам категории состояния, которые представляют класс неопределенных существительных.

Из сказанного следует, что *таки* может использоваться в качестве проверочного средства для исключения потенциальной детерминированности слова. Возьмем в качестве примера разбиравшиеся выше контрольные фразы (разумеется, при подстановке *таки* происходят стилистические изменения): *Кабинет была большая комната — Кабинет был-таки большая комната* (здесь *кабинет* предполагается ПД, а *большая комната* — не-ПД). Невозможно: **Кабинет была-таки большая комната. Первый урок оказалась эта (противная) история (первый урок — не-ПД. и история — ПД)*. Поскольку *история* — ПД, невозможно уже **Первый урок оказалась-таки эта (противная) история*, ни тем более **Первый урок оказался-таки эта (противная) история*.

Частице *таки* как показателю ремы близка частица *и*. Частица *и* формально отличается от координативного союза *и* тем, что не объединяет ни двух однородных членов, ни двух предложений. Она заменяется частицами именно, как раз или употребляется вместе с ними: *Он и пришел к нему (чтобы поговорить) = Он как раз (именно) пришел к нему . . . = Он как раз (именно) и пришел к нему . . .*

Как и *таки*, частица *и* употребляется только со сказуемым, однако сфера ее употребления несколько уже: *и* не употребляется с существительным; нельзя сказать: **Он и дурачок*, необходимо вставить *есть*, опускаемое в настоящем времени: *Он и есть дурачок*. Поэтому для определения предиката *и* может получить лишь косвенное использование.

В употреблении с глаголом в отрицательной форме частица *и* часто усиливается частицей *так*: *Он так и не пришел; Так и не удалось*. Есть основания предполагать, что *так* в данном случае функционально тождественно

таки, т. е. так и = таки, ибо так в этом употреблении нельзя связать с другими употреблениями так.

Поскольку *и* выделяет сказуемое, то можно предполагать, что для контрольных фраз N_1 *Сорил* N_1 , где связке предшествует *и*, возможны два анализа:

1) *и* выделяет глагол *быть* в качестве самостоятельного сказуемого, и тогда на него должно падать ударение, например: *Павел и был Савл* (тогда оба существительных являются ПД и согласование идет по дополнительному правилу, например: *Этот кабинет и была «Большая комната»* (неправильно: **Этот кабинет и был «Большая комната»*);

2) *и* выделяет все сказуемое целиком, тогда *был* неударно и вся вторая часть является сказуемым, т. е. второе существительное является не-ПД и согласование идет с первым существительным, например: *Эта лень заниматься и была чудо* (неправильно: **Эта лень заниматься и было чудо*).

Частицам *таки*, *и* как показателям ремы противостоит выделительная частица *вот*. Известно, что пара указательных частиц *вон—вот* используется для выражения коммуникативного значения наряду с парой *этот—тот* (см. Ревзин, 1973). В грамматиках имеется тенденция предназначать *вон* для указания на более удаленный предмет, а *вот* на более близкий. Для современного языка такое правило, по-видимому, уже не имеет силы, ибо, если бы оно действовало, то *вот* оказалось бы привязано к *тот*, а *вон* к *этот*. В современном языке оппозиция *вот—вон* (в отличие от *этот—тот*) не привативная, а эквиполентная. Поэтому возможны сочетания *вот этот* — для указания на ближний предмет и *вон этот* либо *вон тот* для указания на более отдаленный, ср. *Дай мне вот этот карандаш, а вон тот я не хочу; Вон этот карандаш мне нравится*. И только наиболее противопоставленные члены сочетаются с трудом. Фраза **Хочу взять вот тот карандаш* неправильна.

В отличие от *этот—тот* частица *вот* не получает текстообразующей функции в том смысле, что не служит для связи с предыдущим либо последующим текстом. Однако *вот* получает в тексте чисто когнитивную, познавательную функцию, а именно указывает на тему высказывания или иначе говоря, на логическое подлежащее, ср. *Вот вас-то мне и надо = Именно вы тот человек, которого мне надо*.

Понятие темы не совпадает с понятием детерминированности. Однако они связаны между собой таким образом, что тема всегда детерминирована, если она выражена существительным.

Последнее замечание имеет в виду случаи типа: *Вот поиграть (или поиграть вот) вы не сможете = Именно игра есть то, что вам недоступно.*

Отсюда возможность проверки детерминированности и при помощи *вот*, ср.:

- а) *Вот кабинет (кабинет вот) был большая комната = Что касается кабинета, то он был большая комната; неправильно: *Вот кабинет была большая комната;*
- б) *Вот первый урок оказался история = Что касается первого урока, то он оказался историей; но: Первый урок оказалась вот история = Именно история была первый урок;*
- в) *Вот показания свидетелей были путаница = Что касается показаний свидетелей, то они были путаница.*

II.4. К типологии семантико-синтаксических связей категории определенности — неопределенности в славянских языках

В II.3. мы остановились подробно на одном типе синтаксических конструкций, в которых проявляет себя — в различной форме, в зависимости от степени ее грамматизованности — категория определенности — неопределенности. Теперь мы продолжим рассмотрение средств выражения данной категории на синтаксическом уровне, подключив, во-первых, парадигматические семантические связи ее в системе (с безличностью глагола, с категорией числа) и, во-вторых, используя материал других славянских языков.

Безличность глагола и неопределенность имени. В ряде славянских языков представлена конструкция типа нижне-лужицкого *Wono je wosym wotbiło.*

Многие авторы (Miklosich, 1883; Потеня, 1968; Лекков, 1958) отмечают, что такие конструкции, ср. также словенские фразы типа *Ono je tudi rečeno* являются кальками с немецкого (ср. *Es hat acht geschlagen; Es wird hier gesagt*).

Менее ясно, насколько можно считаться с немецким влиянием в чешском языке в случаях типа *Však ono to*

příjde; Ono to přese není takové; Takhle ono to je, ono to není tak snadné jak se zdá; Ono se řekne и т. п.

В особенности такое предположение привлекает в случаях, где Фр. Травничек (Třavníček, 1951, с. 1118), у которого взяты приводимые примеры, говорит об «ослабленной эмоциональности», например *ono prší* (ср. *es regnet*), *ono taje* (*es taut*) или *ono je možno, že. . .* (*es ist möglich, daß. . .*).

Однако, несомненно, что подобные конструкции в чешском языке близки к украинским типа: *Чи воно, диду, є там люде?* (из Потебни).

Наконец следует напомнить и о русских конструкциях типа *оно и лучше*, которые явно не связаны с немецким влиянием, а наоборот, как мы постараемся показать, типологически реконструируются как логически предшествующее тому типу употребления, который зафиксирован в немецком языке. Но прежде необходимо заметить, что имеется тенденция (явно выраженная у Потебни в цитированном труде¹⁷) установить связь между таким употреблением *оно* и украинским влиянием, в частности русской речью Гоголя. Шахматов очень осторожно указывает, не отрицая влияния украинского языка на Гоголя, что подобные явления знакомы и русским говорам, например: *Идти закусить, так оно лучше будет; Больше ста человек оно будет* (Шахматов, 1925, с. 75).

Однако список примеров из литературного русского языка Шахматов начинает только с Гоголя. Между тем словарь языка Пушкина фиксирует, например, следующие случаи:

А, во-вторых, пускай поэт
Дурачится; в осьмнадцать лет
Оно простительно
(Евгений Онегин)

Оно и тяжело, конечно
(Медный всадник)

Во всех приведенных случаях из чешского, украинского и русского языков связь употреблений (*v*)*оно* с его первоначально указательным местоименным значе-

¹⁷ «Так, под влиянием малорусского у Гоголя *оно*, а не *это*: *Оно, конечно, домашним хозяйством заводиться всякому похвально и почему жг сторожу не завести его; только знаете, в таком месте оно (а не это) неприлично*» (Потебня, 1968, с. 318).

нием сомнений не вызывает (хотя в примерах типа *Оно, кажется, и мудроно помнить свое рождение* имеется тенденция говорить не о местоимениях, а о частицах — см. Виноградов, 1938, с. 375).

Совершенно иное положение в немецкой грамматике, где различные употребления местоимения *es* очень трудно объединить.

Вопрос о двух *es* в немецком языке — es_1 и es_2 мы уже разбирали в I.3 при анализе нетермово-экзистенциальных и одночленных высказываний в немецком языке. Укажем основные употребления *es* в немецком языке:

1) указание на ситуацию: *Siehst du, was ich tu?* — *Ich sehe es* 'Ты видишь, что я делаю? — Я вижу это';

2) формальное замещение позиций основных элементов предложения:

а) субъекта: *Es dämmert* 'Светает'; *Es regnet* 'Идет дождь';

б) предикатива: *Ist er klug?* — *Ja, er ist es* 'Он умен? — Да (он умен)', или неличной части составного сказуемого: *Kannst du schwimmen?* 'Можешь ли ты плавать? — *Ja, ich kann es* 'Да, могу';

в) объекта: *Er hat es gut hier* 'Ему здесь хорошо' (*es* в переводе не отражается);

3) плеонастическое подлежащее при наличии собственного подлежащего, например:

а) *Es ritten zwei Reiter zum Tore hinaus* 'Выехали два всадника за ворота';

б) *Es ist gut, daß du kommst* 'Хорошо, что ты приедешь', ср. *Das du kommst ist gut*.

По теории Бругманна (Brugmann, 1917), из случая 3б) возникли и все остальные. Мы хотели бы предложить внешне близкую концепцию, построенную, однако, на иных соображениях. При этом придется напомнить кое-что из того, о чем говорилось в I.3.

Наиболее важным для логической реконструкции исходного значения представляется употребление 2б). Поскольку сказуемое представляет собой ядро высказывания, то его вообще можно считать минимумом предложения. При этом в предикативе или в неличной части составного глагола выражается все когнитивное содержание предложения. Замена этого костяка фразы на *es* позволяет предположить, что *es* относится к предикату, а через него к предложению как целому.

Каков характер этого отношения? Мы предполагаем, что здесь мы имеем дело с явлением, аналогичным возникновению определенного артикля из указательного местоимения. В этой связи необходимо еще раз указать на теорию Бенвениста (Бенвенист, 1974), по которой относительное предложение в типологически разных языках, включая древние индоевропейские, возникает на основе употребления предложения с артиклеобразным словом, которое впоследствии оформляется как относительное местоимение.

С нашей точки зрения, близкий процесс следует реконструировать и для немецкого *es* с той разницей, что *es* относится не к подчиненному предложению, которое в силу своей позиции относительно главного предложения уподобляется имени, а к предикату. Его условно можно было бы назвать предикатным членом.

Артикль как таковой возникает как показатель темы (т. е. данного). Особенность *es* в том, что, как это подробно разбиралось в I.3, *es* связывается с ремой и указывает на новое в сообщении.

Именно эта роль *es* и привела к его появлению и последующему закреплению в безличных предложениях типа *Es regnet*, первоначальный смысл которых таков:

указание на рему + предикат
Es *regnet*

Еще более показательное появление *es* в предложениях с субъектно-предикатным членением типа *Es ritten zwei Reiter zum Tore hinaus*, в которых *es* также указывает на рему. Наконец, подчеркнем еще два показательных факта: 1) в конструкции с начальным *es* субъект, как правило, оформлен неопределенным артиклем, указывающим на новое (*Es kam ein Mann* гораздо более естественно, чем *Es kam der Mann*), 2) в конструкции с начальным *es* субъект не может быть выражен личным местоимением: предложения типа **Es kamst du*, **Es sagt er* являются неграмматичными в немецком языке.

Личные местоимения всегда отражают объект, определенный самим актом коммуникации, и не могут поэтому составлять часть ремы.

Для развития членных функций *es* интересна стадия, зафиксированная в средневерхненемецком период, а именно

появление *es* (в форме *ez, z*) в предложениях тождества (Адмони, 1963, с. 97):

Ich pinz Sifrit=Ich bin es Siegfried.

Ich pinz et aber Hagene=Ich bin es eben Hagen.

Здесь устанавливается факт тождества (с логической точки зрения выступают вообще два равных субъекта), однако два слова разные с точки зрения актуального членения, *es* подчеркивает, что далее следует рема.

Дальнейшая фиксация порядка слов и закрепление за *es* особого места привели к исчезновению подобных конструкций. Именно фиксация порядка слов, по-видимому, и привела к тому, что различные *es* в употреблениях 1)–3) воспринимаются как разные строевые элементы с совершенно разной ролью.

Вернемся теперь к славянским фактам. Представляется, что здесь — в первую очередь в русском языке — мы имеем ситуацию, логически реконструируемую для немецкого языка, но довольно далекую от фактического положения дел в современном языке, а именно в условиях свободного порядка слов первоначально указательные местоимения третьего лица среднего рода (наряду с формой *оно* от *оний* следует одновременно иметь в виду и *это* от *этом*), также указывают на рему: *Оно и лучше*, а также *Это хорошо* и даже полностью параллельное средневерхне-немецким примерам употребление *Солнце это жизнь* и т. п. Дальнейшее развитие приводит к украинским и чешским конструкциям.

Здесь следует остановиться на теории Травничка, который относит приведенные употребления местоимений в чешском языке к эмоциональным. Далее Травничек реконструирует следующий путь возникновения конструкций типа *Ono prši* (Třavníček, 1951, с. 1119). Сначала возникли два разных представления: *Ono, prši* 'Смотри-ка, дождь идет', которые потом объединились вместе. Это объяснение не так уж расходится с нашей реконструкцией, предложенной для немецкого языка: местоимение выступает как показатель того, что далее будет нечто новое.

Развитие в чешском языке приводит и к употреблению местоимения при наличии субъектно-предикатной структуры, например, *Myšlil jsem, že to byl Václav, a ono to byl někdo jiný*. Типологически этот случай близок

к немецкому *Es ritten zwei Reiter zum Tor hinaus*, однако интересно, что показатель ремы *es* согласуется здесь с подлежащим. Травничек справедливо считает появление этого согласования вторичным явлением.

Таким образом, зародыши безличного употребления местоимений в описанных конструкциях имелись во многих славянских языках и поэтому в большинстве случаев мы даже в чешском языке, где контакты были очень сильными, должны считаться с возможностями самостоятельного развития. Пожалуй, только в примерах из словенского и нижнелужицкого, с которых мы начали анализ, можно говорить о контактных явлениях, хотя и здесь развиваются употребления, которые; как мы видели, можно вывести из исходного значения показателя ремы высказывания.

Выше было показано, как связаны немецкое *es* и славянское *оно* с ремой предложения. При этом отмечалось, что в немецком языке происходит своего рода «согласование» по определенности в конструкции с *es* (оформление субъекта неопределенным артиклем, ср. *Es kam ein Schneider in ein Dorf*). Можно ли выявить подобные отношения для тех славянских языков, где нет артикля?

Прежде всего заметим, что во всех случаях в качестве предиката при употреблении *оно* выступает либо нечленная форма прилагательного, либо глагол. Существительные невозможны в такой конструкции, ср. невозможность в русском языке фраз типа **Оно сейчас хорошая погода*.

В принципе существительное может употребляться с *оно* только в двух случаях: 1) если существительное переходит в разряд слов «категории состояния», например: *Оно, конечно, пора ехать; Оно, конечно, страж как не хочется ехать*. В П.З отмечалось, что слова категории состояния можно трактовать как неопределенные существительные, причем в качестве критерия было использовано то обстоятельство, что глагол-сказуемое не согласуется с такими существительными, ср. *Пора было ехать* (Шахматов, 1925, с. 129);

2) если существительное употреблено в счетной форме с числительным, например: *Больше ста человек оно будет*. Пример взят у Шахматова, который видит в употреблении *оно* доказательство безличного характера глаголов во всех предложениях типа *Пять человек пришло*, т. е. *пять*

человек трактуется не как подлежащее, а как часть предиката (*нечто пришло внятером*). И в первом, и во втором случае мы имеем дело с проявлением одного и того же: существительное носит неопределенный характер, т. е. речь идет о чем-то, возникающем в данной ситуации и неподготовленном ни предшествующим упоминанием, ни всем контекстом. Разница между 1-м и 2-м случаями лишь в том, что слово категории состояния резко отличается по своему поведению от соответствующих определенных существительных, ср.: *Пора было ехать* и *Была ужасная пора*, в то время как сочетания типа *пять человек* способны как к определенному, так и неопределенному употреблению, причем провести границу между двумя употреблениями труднее. Нам представляется, что для русского языка показателем определенности или неопределенности существительного в счетной группе служит согласование или несогласование с ним личной формы глагола.

Возникает вопрос о том, как глагольная категория безличности может быть связана с именной категорией неопределенности. Для ответа на этот вопрос нужно вернуться к анализу местоимения *оно* (и немецкого *es*). Выше констатировалось, что *оно* предвосхищает рему, указывая на то, что далее следует предикат. Поскольку *оно* нейтрально с точки зрения выражения коммуникативных категорий лица, то за ним остается лишь одна функция: указание на существование коммуникативной ситуации, в которой возникает признак, передаваемый предикатом. Безличные обороты мы рассматриваем не логистически, как имеющие скрытый субъект, а постулируем для них двучленную глубинную структуру: $\exists x P(x)$, где x есть некоторая коммуникативная ситуация. Первый член указывает на само существование этой ситуации, второй — на признак, ей приписываемый. В конструкции с *оно* (или в немецком с *es*) первый член выражен явно, в обычной безличной конструкции он присутствует имплицитно.

Если теперь обратиться к значению неопределенности, то один из компонентов этого значения состоит в экзистенциальности, т. е. в указании на существование объекта (ср. обязательность неопределенного артикля в оборотах типа *Ich habe einen Sohn*; *Es gibt dort eine Bibliothek*, см. I.3). Именно это значение экзистенциальности

и связывает, как представляется, категории безличности и неопределенности.

Определенность и число. О связи согласования по числу и определенности в славянских языках. Остановимся теперь на выражении определенности через согласование по категории числа, и в связи с этим на частично уже разбитой связи числа и определенности (см. I.3).

В работе Ревзина и Ревзин, 1974 было проверено на старославянском материале следующее наблюдение А. А. Потебни: «Весьма рано числительные количественные 5—10 становятся существительными собирательными, т. е. согласуются со сказуемым во множественном числе. В цсл., быть может, под влиянием греческого это бывает по правилу там, где в греческом стоит числительное с членом (где оно без члена, там в славянском сказуемое в единственном числе)» (Потебня, 1968, с. 351). В сущности А. А. Потебня сформулировал правило, по которому в счетных конструкциях форма мн. числа глагола отражает значение определенности, а форма ед. числа — значение неопределенности. При этом безличный характер глагола в счетных конструкциях ощущался, очевидно, переводчиками евангелия.

Правило Потебни демонстрирует, с одной стороны, взаимодействие безличности и неопределенности (об их семантической близости уже шла речь выше) и с другой, определенности—неопределенности и категории числа. Если эта связь осуществляется на фоне безличности, то последняя, очевидно, выступает доминирующим фактором. Так, в примерах *убила молния — убило молнией, люди приехали — людей приехало* неопределенность возникает независимо от формы числа существительного, которому можно приписать значение семантического субъекта. С другой стороны, характерно, что в конструкциях *большинство приехало* или *большинство приехали*, где современный литературный язык однозначно предпочитает первую форму (Чернышев, 1970, с. 589, в школьных сочинениях вторая просто квалифицируется как ошибка, хотя в литературе подобные обороты встречаются¹⁸), никакого противопоставления по определенности—неопределен-

¹⁸ Ср. приводимый А. Н. Гвоздевым пример из А. Толстого: «Огромное число солдат... возвращались назад от мостов» (Гвоздев, 1955, с. 324).

ности не наблюдается. Наоборот, употребление определенных местоимений, например *это большинство*, лишь делает единственное число глагола еще более обязательным. Обе конструкции *большинство пришло* и *большинство пришли* личные и никакой игры, связанной с определенностью—неопределенностью, в таком случае не возникает.

Связь категории определенности—неопределенности с категорией числа отнюдь не исчерпывается правилом А. А. Потевни. В значении категории числа в славянских языках можно усмотреть добавочный признак определенности—неопределенности, причем вне стимулирующего признака безличности.

Соотношение членов оппозиций двух категорий является обратным: единственное число передает определенность. Так, значение определенности проявляется в том случае, когда свойство, названное предикатом, может быть отнесено и ко всему классу объектов данного рода, и к каждому его экземпляру: *К хвойным относится сосна, ель, кедр (т. е. все сосны, кедр, ели)*. Во-вторых, можно указать на употребление мн. числа для обозначения неопределенного объекта, когда речь идет об открытом ряде объектов, который может постоянно быть пополнен из множества ему подобных, например, *Осторожно: здесь гвозди (какой-то гвоздь)* (Ревзин, 1969).

Объяснение той связи между определенностью и множественностью, которое возникает в сфере действия правила Потевни, следует искать, очевидно, в функции категории числа в счетных конструкциях. Конструкция *пять человек пришло* является безличной и соответственно *пять человек* нельзя рассматривать как терм (в частности, эта группа не заменяется на личное местоимение, неправильно: **их пришло*). Множественное число вносит прежде всего признак расчлененности (конструкция делается личной), и группа *пять человек* естественно становится термом (в предложении *Пять человек пришли пять человек* легко заменяется на *они*). Эта термовая группа может в зависимости от контекста, выступать и как определенная и как неопределенная, но чтобы проявилось первое из этих значений, обязательно требуется согласование по множественному числу. Так, множественное число через терминирующую функцию и основной признак расчлененности оказывается накрепко связанным в дан-

ных условиях с определенностью. Правило Потебни может рассматриваться как вскрывающее внутреннюю закономерность старославянского языка — вне зависимости от греческого оригинала (см. Ревзина и Ревзин, 1974). Проследим действие этого правила в современных славянских языках.

Эволюция правил согласования с количественным подлежащим в славянской языковой области детально исследована Супруном (Супрун, 1961). Существенны следующие признаки: 1) автоматичность—неавтоматичность выбора формы сказуемого в зависимости от вида числительного, 2) автоматичность—неавтоматичность выбора формы сказуемого в зависимости от присутствия определенного местоимения, 3) возможность постановки определенного местоимения в форме, согласуемой с существительным. По этим признакам славянские языки характеризуются в табл. 9.

Пути развития согласования с количественным подлежащим интересуют нас с точки зрения того, какие предпосылки складываются в каждом из славянских языков для выполнения правил Потебни. В болгарском и македонском языках (в связи с потерей флексии) форма сказуемого выбирается автоматически: независимо от вида

Таблица 9

Язык	Признак		
	1	2	3
Русский	—	+	—
Украинский	—	—	+
Чешский	+	—	+
Польский	±	—	+
Сербский	—	—	—
Болгарский	+	—	—

Примечание. Знак ± означает, что в польском языке имеется тенденция к автоматизации выбора, но эта тенденция нарушается в определенных группах числительных благодаря наличию параллельных форм.

числительного это, как правило, множественное число. Правило Потебни предполагает возможность употребить с одним и тем же сочетанием «числительное + существительное» и единственное, и множественное число глагола. «Болгаро-македонский» путь исключает, таким образом, возможность реализации правила Потебни. Добавим к этому, что в болгарском языке имеется формальная система противопоставления по определенности—неопределенности с помощью артикля, так что данное значение получает гораздо более регулярное и непосредственное выражение. В чешском языке более всего сохраняются следы исходного распределения согласований, связанные с происхождением форм 2—4 из прилагательных и форм 5 и выше из существительных: здесь с числительными 2—4 согласование идет по множественному числу, а с остальными преобладает единственное (к этому типу примыкает словацкий язык). А. Е. Супрун отмечает, что в чешском языке нейтрализация числа происходит лишь по отношению ко всему классу числительных, в то время как отдельные из них всегда имеют при себе одно или другое число сказуемого и почти не допускают использования того и другого числа (Супрун, 1969, с. 192). Ясно, что тот же признак автоматического выбора формы сказуемого исключает чешский и словацкий языки из возможных претендентов на использование правила Потебни. Отсутствие корреляции между определенностью и числом в чешском языке демонстрируют примеры типа *Tech dvanáct mužů povstalo* (маркированность по третьему признаку), где маркированность существительного подчеркивается указательным местоимением, в то время как глагол употреблен в безличной форме (Travníček, 1951, с. 1038).

Интересно, что в древнечешском языке при определенных существительных согласование могло идти по множественному числу: *Těch sedm úředníkův u desk sedají* (пример взят у Травничка, который проблемы определенности—неопределенности не ставит). Создается впечатление, что в чешском языке развитие протекало в обратном направлении: сначала в нем была возможность противопоставления определенных—неопределенных форм, а затем возобладали чисто формальные тенденции (противопоставление большого—малого количества).

Остается, таким образом, «восточнославянский» путь, где в принципе согласование может происходить по обоим

числам. При этом, однако, следует разграничить ситуаций конкретных языков. Так, в польском языке в сочетаниях с числительными *pięć* и выше мн. число встречается гораздо реже ед. числа¹⁹. Далее присутствие определенного местоимения при группе с количественным подлежащим не влияет на форму числа у сказуемого. Как и в чешском языке, в польском вполне нормальны конструкции *Tuś trzech panów przyszło*; ср. также другой пример Потебни: *Te wszystkie sześć połków zostało zniesionych* (отметим, что в русском языке в данном случае единственное число возникнуть не может, ср. резкую аграмматичность оборота **Все эти шесть полков было уничтожено*). Касаясь внутренних структурных факторов, противодействующих правилу Потебни в польском языке, мы должны отметить еще следующее. В польском языке сочетание количественного наречия с существительным может выступать либо в форме родительного—винительного множественного (*dwóch panów*), либо в форме именительного множественного (*dwaj panowie*). В таких случаях две формы числа глагола оказываются связанными с разными способами оформления субъекта. Вторым противодействующим фактором является наличие лично-мужской и вещной глагольных форм (*przyjechali—przyjechały*). В результате для оппозиции числа глагола при количественных группах возникает более двух возможностей, что также препятствует выражению через нее бинарного противопоставления по определенности.

Пристального внимания требует сербский язык (к нему близок словенский). Здесь при числительном 2 используется двойственное число, с 3—4, как правило, множественное (ед. число употребляется редко, «главным образом, при обозначениях времени и арифметических действиях» (Супрун, 1969, с. 176), а при числительном *pet* и выше преобладает согласование по единственному числу.

В сербском языке возможны случаи двойного согласования: *Još su mu ostala (ostali) dva sina* 'У него оста-

¹⁹ S. Szober, 1963, с. 307, 323. Шобер рассматривает целый ряд случаев, когда субъект в польском языке выступает не в именительном, а в косвенном падеже, и предлагает в таких случаях говорить о логическом субъекте в противоположность логико-грамматическому (*Ciemny las widniał z daleka*) или только грамматическому (*Na niebie świeciły miliony gwiazd*).

лось еще два сына'; *Дошло је двадесет жена — Дошле су двадесет жена*. В связи с первым примером отметим изменение в сербском языке глагола во множественном числе по родам, в результате чего в нем нельзя выделить общей для всех сочетаний числительного с существительным оппозиции двух глагольных форм, которая могла бы взять на себя выражение определенности. Далее, как ни трактовать форму *остала* (знаменательно, что личный глагол здесь всегда во множественном числе: *су*) — считать ли ее пережитком двойственного числа (Грабчић, 1956, с. 268), либо встать на строго синхронную точку зрения, принимая *остала* за форму жен. рода ед. числа²⁰ (или ср. рода мн. числа) — все равно соответствующую конструкцию никак нельзя признать безличной, ибо в безличной конструкции должны обязательно выступать только немаркированные члены противопоставления, т. е. обязательно единственное число и средний род.

Напротив, конструкции *Дошло је двадесет жена* формально можно считать безличными. Однако безличность, вызываемая лишь некоторыми из числительных, очевидно, не может быть системным фактором, используемым для выявления противопоставления по определенности—неопределенности. Характерно, что не используя — в отличие от польского и чешского языков — формы определенного местоимения в родительном падеже, сербский язык не знает никаких запрещений на вид формы сказуемого при появлении определенных местоимений типа *все, те* с числительными или определенного числительного *оба*, ср. примеры, приводимые в цитированной книге Гудкова: 1) *Ова два млада човека налазила су уживања у дискусији*; 2) *Ту су та два млада човека растали и опростили*.

То же отмечается для собирательного числительного *обоје*, где просто возможна форма единственного числа среднего рода: *Обоје је било наглухо*. Ср. невозможность в русском языке: **Обои (или оба) было глуховато*.

Таким образом, констатируя фактическое отсутствие выражения определенности—неопределенности в польском и сербском языках, мы одновременно можем назвать

²⁰ Гудков, 1968, с. 91—92. О различных трактовках этой формы см. также: Супрун, 1969, с. 175—176.

некоторые внутренние причины, объясняющие это положение: неравноправие двух чисел в сочетании с разными видами числительных, множественность выражения сказуемого благодаря родовым различиям, нетождественность построения субъектной группы, ограниченная возможность двойного согласования!

Что касается восточнославянских языков, то они, как отмечает А. Е. Супрун, исключительно близки между собой по правилам согласования сказуемого с количественным подлежащим²¹. Общими для всех трех языков являются возможность употребления обоих чисел в группах 2—4 и 5—9 (хотя в первой группе множественное число преобладает) и воздействие на форму числа дополнительных факторов: прямой/обратный порядок слов (при обратном порядке — единственное число), наличие определения (требует множественного числа).

В белорусском и украинском языках связь между определенностью и согласованием в отчетливом виде не обнаруживается. В украинском литературном языке с определением *ці* и *всі* употребляется множественное число (*Прийшли всі 262 чоловіка; Ці два мінерали входять в різні групи*), но вместе с тем вполне возможны конструкции типа *Тих 5 чоловік прийшло* (Buttke, 1972); *Вже пропали тих других п'ятьдесят* (Потебня, 1968, с. 351). Здесь, конечно, следует учесть влияние западнославянских языков, но особенно важно обратиться к другой предпосылке для функционирования правила Потебни: к преемственной связи со старославянскими текстами. Эта предпосылка отсутствовала и в созданном на народной основе сербско-хорватском языке, и — по понятным причинам — в польском (католицизм). Но по отношению к сербскому и польскому языкам этот внешний фактор играл второстепенную роль, поскольку, как мы пытались показать, в этих языках были внутренние факторы, противодействующие выполнению правила Потебни. В белорусском же и украинском языках отсутствие преемственной связи

²¹ А. Е. Супрун (Супрун, 1969, с. 188—190), рассматривая статистические данные о согласовании с разными числительными по всем славянским языкам, установил очень высокий коэффициент корреляции между всеми восточнославянскими языками (например, между русским и украинским — 0,98; между русским и белорусским — 0,99). Из других языков ближе всего к русскому сербский (коэффициент корреляции 0,96).

со старославянскими текстами оказалось решающим.

Обратимся теперь к русскому литературному языку и отметим прежде всего, что в этом языке — единственном из всех славянских — присутствуют все условия для функционирования правила Потёбни. Это, во-первых, неавтоматизм выбора формы числа сказуемого: при сочетании числительного с существительным возможны оба числа, причем при числительных от 5 до 9 оба числа, по подсчетам А. Е. Супруна, равновероятны. Во-вторых, субъектная группа «числительное + существительное» остается тождественной при обеих формах числа (в отличие от польского языка), а противопоставление глагольных форм по числу не осложнено никакими добавочными противопоставлениями (в отличие от сербского и польского языков). Наконец, в-третьих, русский литературный язык имеет богатые связи со старославянским (см. ниже), т. е. выполняется и второе условие функционирования правила Потёбни.

Сам А. А. Потёбня считал, что положение в русском языке мало отличается от положения в польском или украинском. Он писал, например: «Прибавка в начале родительного местоимения указательного делает невозможным субъектное сказуемое; *Тех три взрослых юноши рассуждало (не рассуждали); Также целых три летних дня прошло (а не прошли)*» (Потёбня, 1968, с. 356). Между тем в современном русском языке обороты **Тех три взрослых юноши рассуждало* невозможны. И дело здесь не в особенностях построения субъектной группы, поскольку равным образом некорректно **Те трое взрослых юношей рассуждало*. Постановка определенного местоимения требует, во-первых, автоматического выбора формы множественного числа: *Все пять человек (эти пять человек) пришли*, а не **пришло*. Даже при *какие-то пять человек* все равно требуется форма множественного числа. Здесь, правда, можно выдеть отклонение от содержательного принципа в сторону чисто формального (важно наличие склоняемой формы в именительном падеже множественного числа). Существенно, однако, что наряду с *Какие-то пять человек пришли* можно сказать *Каких-то пять человек пришло* (ср. пример, приводимый А. А. Шахматовым: *Ну что значит для общества каких-нибудь рублей десять*) (Шахматов, 1925, с. 125), в то время как слова, передающие идею определенности, не могут употребляться в этой

позиции, ср. невозможность **Всех десять человек пришло/пришли*.

Вернемся еще раз к признакам, прецизирующим форму числа при сочетании существительного с количественным числительным. Все грамматики (см. например, АГ, 1970, с. 554) констатируют, что:

а) если имеется определение ко всей группе, то глагол обязательно ставится во множественном числе (невозможно **Все пять человек пошло в разведку*);

б) после формы *оба, обе* всегда употребляется множественное число глагола: *Оба мальчика пришли*.

В обоих случаях речь идет об определенном (или во всяком случае как-то отграниченном) множестве.

В грамматиках также констатируется, что на согласование влияет порядок слов, т. е. что скорее встречаются фразы *Пришло пять человек*, чем *Пять человек пришло* и наоборот реже встречается *Пришли пять человек*, чем *Пять человек пришли*. Но порядок слов можно рассматривать как отражение тех отношений более широкого контекста, которые делают соответствующие существительные определенными или, наоборот, неопределенными. Ед. число обычно также при нераспространенности предложения (осложнение добавочными членами повышает степень определенности в контексте). Нетрудно видеть, что это очень похоже на отдельные правила употребления члена в тех языках, где он есть. Во всех этих случаях в контексте возникает значение определенности или неопределенности, и мн. число связано с первым, а ед. число со вторым значением.

Эти случаи, конечно, вскрывают связь между выражением числа и определенности, но они еще не позволяют сделать вывод о способности форм числа в глаголе передать значение определенности—неопределенности самостоятельно, вне контекстной обусловленности. Такие правила действуют — с разной степенью обязательности — и в белорусском, и в украинском языках.

Рассмотрим теперь примеры, когда, по рекомендации грамматик, форма числа факультативна, и попытаемся восстановить тот более широкий контекст, который диктуется формами числа в глаголе.

1. *Пять летчиков погибло/погибли*. В предложении *В протоколе сообщалось, что пять летчиков погибло, а один тяжело ранен* возможно как ед. число, так и мн.

число. В контексте: *Экипаж корабля состоял из пяти известных полярных летчиков. При аварии пять летчиков погибли* — ед. число нежелательно.

2. *Пять больных выздоровело / выздоровели. Пять больных выздоровело / выздоровели в отделении.* Возможны оба числа. В отделении оставалось только пять тяжело больных. После приема лекарства пять больных выздоровели — рекомендуется мн. число.

Итак, мы можем сказать, что правило Потевни действует — вопреки мнению самого А. А. Потевни — и в русском языке, но в ослабленном виде: неопределенность допускает употребление обеих форм глагола как ед., так и мн. числа, но если контекст диктует значение определенности, то ед. число не употребляется. В старославянском языке связь была более жесткой: ед. число передавало неопределенность, а мн. число — определенность. Причины видоизменения действия правила Потевни и ослабления его мы видим в выравнивании согласования для групп 2—4 и 5—9, в результате чего мн. число приобрело частотность употребления, не соответствующую маркированному значению определенности. Этот же процесс, однако, имел и другое следствие: расширение сферы действия этого правила, распространение его на сочетание с существительными большего ряда числительных, чем это было в старославянском языке (например, с собирательными *двое, трое*, см. Ревзин, 1973).

Очень тонко использована способность через множественное число передать определенность в поэме А. Блока «Двенадцать»: *Идут двенадцать человек. . . и опять идут двенадцать. . . и идут без имени святого все двенадцать вдаль. . .* Поскольку число 12 должно ассоциироваться с числом апостолов, т. е. его нужно связать с чем-то имеющимся в памяти, то оно оформляется так, как обычно оформляются такие конструкции, т. е. с помощью мн. числа глагола.

Тот факт, что правило Потевни сохранилось именно в русском языке, связывает данную тему с нерешенной еще проблемой о границах влияния церковнославянского языка на русский (ср. дискуссию вокруг доклада Б. Унбегауна на VI съезде славистов в Праге (Унбегаун, 1970, с. 461—465). В истории языка правило Потевни — при некоторых небольших отклонениях — все время действовало в той его части, которая запрещает передачу опреде-

ленности существительного конструкцией с единственным числом глагола.

В таком виде правило Потебни могло вполне осознаваться двуязычными (в своей основной массе) носителями церковнославянского языка, все время сравнивавшими церковнославянский текст с греческим, и далее отражаться в их собственной речи. По-видимому, огромная масса церковнославянских текстов оказывала очень большое влияние на языковую компетенцию образованных носителей русского языка, и это правило могло в дальнейшем — через их собственные тексты — повлиять на языковую компетенцию всех носителей русского языка.

Библиография

- Аванесов, 1956 — *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов, 1956а — *Аванесов Р. И.* О трех типах научно-лингвистических транскрипций. «Slavia», 1956, № 3.
- АГ, 1952 — Грамматика современного русского языка. Часть I. М., 1952.
- АГ, 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.
- Адмони, 1955 — *Адмони В. Г.* Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955.
- Адмони, 1963 — *Адмони В. Г.* Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963.
- Алиева и др., 1972 — *Алиева П. Ф., Аракин В. Д., Оглоблин А. К., Сирк Ю. Х.* Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
- Андрейчин, 1949 — *Андрейчин Л.* Грамматика современного болгарского языка. М., 1949.
- Арутюнова, 1971 — *Арутюнова Н. Д.* О номинативном аспекте предложения. — ВЯ, 1971, № 6.
- Ахманова и др., 1961 — *Ахманова О. С. и др.* О точных методах исследования языка. М., 1961.
- Балли, 1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1955.
- Бенвенист, 1974 — *Бенвенист Э.* Именное предложение. — В кн.: *Э. Бенвенист.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Берка, 1961 — *Берка К.* Функция глагола «быть» с точки зрения современной формальной логики. — В кн.: Логико-грамматические очерки. М., 1961.
- Бернштейн, 1968 — *Бернштейн С. Б.* Контракция и структура слова в славянских языках. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Докл. советской делегации. М., 1968.
- Бернштейн, 1936 — *Бернштейн С. И.* Фонема. — БСЭ, 1936, т. 58.
- Бернштейн, 1952 — *Бернштейн С. И.* Против идеализма в фонетике. — «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 6, 1952.
- Блумфилд, 1968 — *Блумфилд Л.* Язык. Пер. с англ. М., 1968.
- Богатырев, 1963 — *Богатырев П. Г.* Добавочные гласные в народной песне и их функции (о языке славянских народных песен и его отношении к разговорной речи). — В кн.: Славянское языкознание. Докл. советской делегации. V Международный съезд славистов. София, сентябрь, 1963.

- Бондарко, 1966 — *Бондарко Л. В.* Некоторые замечания по поводу маркированности—немаркированности членов фонетических противопоставлений. — В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966, с. 394—400.
- Бондарко и Зиндер, 1966 — *Бондарко Л. В. и Зиндер Л. Р.* О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем. — ВЯ, 1966, № 1.
- Бражнов, 1963 — *Бражнов В. М.* До акустичної характеристики північно-українських дифтонгів. — В кн.: Питання експериментальної фонетики. Київ, 1963.
- Булаховский, 1954 — *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954.
- Виноградов, 1929 — *Виноградов В. В.* Эволюция русского натурализма. Л., 1929.
- Виноградов, 1938 — *Виноградов В. В.* Современный русский язык. ч. II. М., 1938.
- Винокур, 1946 — *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. V, вып. 4, 1946, с. 315—332.
- Войшвилло, 1967 — *Войшвилло Е. К.* Понятие. М., 1967.
- Габинский, 1972 — *Габинский М. А.* Очерки по основаниям грамматики. Кишинев, 1972.
- Габучян, 1972 — *Габучян Г. М.* Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса. М., 1972.
- Гадд и Браве, 1946 — *Гадд Н. Г. и Браве Л. Я.* Грамматика немецкого языка. М., 1946.
- Гвоздев, 1949 — *Гвоздев А. Н.* О фонологических средствах русского языка. М., 1949.
- Гвоздев, 1953 — *Гвоздев А. Н.* О фонологии «смешанных» фонем. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1953, вып. 1.
- Гвоздев, 1955 — *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.
- Гейзенберг, 1963 — *Гейзенберг В.* Физика и философия. Пер. с нем., М., 1963.
- Георгиев, 1967 — *Георгиев М. В.* Лексико-морфологическая модификация на първичното числително един в съвременния български език. — Български език. 1967, № 2.
- Гордина, 1966 — *Гордина М. В.* О различных функциональных звуковых единицах языка. — В кн.: Исследования по фонологии, М., 1966.
- Гудков, 1968 — *Гудков В. П.* Сербохорватский язык. М., 1968.
- Добрушин, 1957 — *Добрушин Р. Л.* Элементарная грамматическая категория. — Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода, М., 1957, № 5.
- Драгунов, 1952 — *Драгунов А. А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. I. Части речи. М.—Л., 1952.
- Дьяконов, 1965 — *Дьяконов И. М.* Семито-хамитские языки. М., 1965.
- Дукельский, 1958 — *Дукельский Н. И.* Синтез русской речи из отдельных звуков и ее фоноидальный состав. — В кн.: Научно-технический сборник, вып. 6 (2), 1958.
- Дукельский, 1959 — *Дукельский Н. И.* О системе фонем современного румынского литературного языка. — Вестник Ленинград-

- ского университета, № 2. Серия истории языка и литературы, Вып. 1. Л., 1959.
- Дукельский, 1962 — *Дукельский Н. И.* Принципы сегментации речевого потока. Л., 1962.
- Жилко, 1963 — *Жилко Ф. Т.* Фонологічні особливості української мови в порівнянні з іншими слов'янськими. У Міжнародний з'їзд славістів. Київ, 1963.
- Жилко, 1966 — *Жилко Ф. Т.* Нариси з диалектології української мови. Київ, 1966.
- Жирмунский, 1948 — *Жирмунский В. М.* История немецкого языка. 3-е изд. М., 1948.
- Зализняк, 1967 — *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зиндер, 1958 — *Зиндер Л. Р.* О лингвистической вероятности. — В кн.: Вопросы статистики речи. Л., 1958.
- Зиндер, 1960 — *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. Л., 1960, с. 33—38.
- Зиндер, 1963 — *Зиндер Л. Р.* О минимальных парах. — Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. Тезисы докладов. М., 1963.
- Зиндер, 1968 — *Зиндер Л. Р.* Фонология и фонетика. — В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.
- Зиндер и Строева, 1957 — *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Современный немецкий язык. 3-е изд. М., 1957.
- Зиндер и Строева, 1965 — *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Историческая фонетика немецкого языка. М.—Л., 1965.
- Золотова, 1964 — *Золотова Т. А.* Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений в современном русском языке. — В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
- Иванов, 1963 — *Иванов Вяч. Вс.* Некоторые проблемы современной лингвистики. — Народы Азии и Африки, 1963, № 4, с. 156—163.
- Ивановская, 1958 — *Ивановская Л. П.* К вопросу о неопределенном члене в болгарском языке. — Уч. зап. ЛГУ, 1958, с. 44—55.
- Иванчев, 1957 — *Иванчев Св.* Наблюдения върху употребата на члена в българския език. — Български език, 1957, № 6.
- Иванчев, 1967 — *Иванчев Св.* Към въпроса за членуването на генерично употрeбeния подлог. — Език и литература, 1967, № 4.
- Изв. 1952, 4 — Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. XI, 1952, вып. 4.
- Изв. 1952, 5 — Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. XI, 1952, вып. 5.
- Изв. 1953, 6 — Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. XII, 1953, вып. 6.
- Калнынь, 1961 — *Калнынь Л. Э.* Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.
- Карнап, 1960 — *Карнап Р.* Значение и необходимость. Пер. с англ. М., 1960.
- Климов, 1968 — *Климов Г. А.* Фонема и морфема. М., 1968.
- Конески, 1957 — *Конески Б.* Грамматика на македонскиот литературен јазик. Дел. I. Увод. За гласовите, за акцентот. Скопје, 1957.
- Коструба, 1962 — *Коструба П. П.* Про систему приголосних фонем української літературної мови. — В кн.: Питання українського мовознавства, кн. V. Львів, 1962.
- Крамский, 1963 — *Крамский И.* К проблеме артикля. — ВЯ, 1963, № 4.

- Кузнецов, 1958 — *Кузнецов П. С.* О последовательности построения системы языка. «Тезисы конференции по машинному переводу». М., 1958, с. 16—17.
- Кузнецов, 1959 — *Кузнецов П. С.* Об основных положениях фонологии. — ВЯ, 1959, № 5.
- Кузнецов, 1966 — *Кузнецов П. С.* Проблема дифференциальных признаков в фонологии и разграничения различных типов их. — В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966.
- Кузнецов, 1968 — *Кузнецов П. С.* Введение к объективному определению границ слова в потоке речи. — В кн.: Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968.
- Кузьменко, 1970 — *Кузьменко Ю. К.* Определение различительного признака аффрикат. — В кн.: Лингвистические исследования. Л., 1970.
- Кулагина, 1958 — *Кулагина О. С.* Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств. — В кн.: Проблемы кибернетики, вып. 1. М., 1958.
- Кун, 1975 — *Кун Т.* Структура научных революций. Пер. с англ. М., 1975.
- Курилович, 1962 — *Курилович Е.* Положение имени собственного в языке. — В кн.: *Е. Курилович. Очерки по лингвистике.* М., 1962.
- Леков, 1958 — *Леков И.* Общност и многообразие в грамматическая строй на славянските езици. София, 1958.
- Леков, 1960 — *Леков И.* Насоки в розвој на фонолошките системи на славянските езици. София, 1960.
- Лекомцева, 1968 — *Лекомцева М. И.* Типология структур слога в славянских языках. М., 1968.
- Лекомцева и др., 1963 — *Лекомцева М. И. и др.* Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков. — Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.
- Мартине, 1960 — *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. Пер. с франц. М., 1960.
- Маслов, 1956 — *Маслов Ю. С.* Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
- Медведев, 1966 — *Медведев А. А.* Системи фонем сучасної української літературної мови. — В кн.: Статистичні та структурні лінгвістичні моделі. Київ, 1966, с. 86—96.
- Мельников, 1966 — *Мельников Г. П.* Некоторые общие черты вокализма урало-алтайских языков. В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966.
- Милетич, 1933 — *Милетич Л.* Към историята на тройния член въ българския език. — Български преглед, 1933, год II, кн. 1, с. 1—16.
- Милетич, 1935 — *Милетич Л.* [Рец. на кн.] Огіенко. Член в українській мови. Історічно-порівняльний нарис. — Македонски преглед, година IX, кн. 3 и 4. София, 1935.
- Москаленко, 1947 — *Москаленко А. А.* Фонетика сучасної української мови. Одеса, 1947.
- Москальская, 1956 — *Москальская О. И.* Грамматика немецкого языка. М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1956.

- Наконечный, 1951 — *Наконечный М. Ф.* Фонетика. — В кн.: Курс сучасної української літературної мови. Под ред. Л. А. Булаховського, т. I. Киев, 1951.
- Небески, 1966 — *Небески Л.* К одной математической модели формы. — *Revue roumaine de mathématiques pures et appliquées*, 4, 1966.
- Огієнко, 1934 — *Огієнко І.* Член в українській мові. Історично-порівняльний нарис. — *Рідна мова*, № 9—10. Варшава, 1934.
- Падучева, 1965 — *Падучева Е. В.* О структуре абзаца. — В кн.: Труды по знаковым системам, т. II. Тарту, 1965.
- Панов, 1967 — *Панов М. В.* Русская фонетика, М., 1967.
- Пешковский, 1938 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.
- Погорелов, 1933 — *Погорелов В.* Употребление грамматического члена в говоре Киевской Руси домонгольского периода. — В кн.: Сборникъ въ чест на проф. Л. Милетичъ. София, 1933, с. 169—179.
- Потебня, 1968 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968.
- Рассел, 1957 — *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957.
- Ревзин, 1960 — *Ревзин И. И.* О логической форме лингвистических определений. — В кн.: Применение логики в науке и технике. М., 1960.
- Ревзин, 1962 — *Ревзин И. И.* Модели языка. М., 1962.
- Ревзин, 1962а — *Ревзин И. И.* Об одном подходе к моделям дистрибутивного фонологического анализа. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1962.
- Ревзин, 1963 — *Ревзин И. И.* К типологии форм сравнения в славянских языках. — В кн.: Исследования по структурной типологии М., 1963.
- Ревзин, 1963а — *Ревзин И. И.* О логических и статистических критериях в фонологии. — Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. Тезисы докладов. М., 1963.
- Ревзин, 1967 — *Ревзин И. И.* Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.
- Ревзин 1967а — *Ревзин И. И.* Грамматический анализ через систему подфраз. — НТИ, сер. 2, 1967, № 8.
- Ревзин, 1968 — *Ревзин И. И.* К вопросу о способе формулировки правил употребления артикля в современном немецком языке. — Иностранные языки в школе, 1968, № 5.
- Ревзин, 1969а — *Ревзин И. И.* Так называемое «немаркированное множественное число» в современном русском языке. — ВЯ, 1969, № 3.
- Ревзин, 1969б — *Ревзин И. И.* Займенник-артикль у говірці села Олтуш Брестської області. — Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.
- Ревзин, 1969в — *Ревзин И. И.* Об иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного). — Советское славяноведение, 1969, № 3.
- Ревзин, 1970 — *Ревзин И. И.* О специфике согласования по числу в русском языке. — В кн.: Язык и человек, М., 1970.

- Ревзин, 1971 — *Ревзин И. И.* Логико-грамматический тип предложений тождества. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков. Тезисы докладов. Л., 1971.
- Ревзин, 1972 — *Ревзин И. И.* О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике. — Вопросы философии, 1972, № 11.
- Ревзин, 1972а — *Ревзин И. И.* Палескія эцюды. — В кн.: Беларускае і славянскае мовазнаўства. Мінск, 1972.
- Ревзин, 1973 — *Ревзин И. И.* Некоторые средства выражения противоположения по определенности в современном русском языке. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Ревзин, 1975 — *Ревзин И. И.* Логико-грамматический тип предложений тождества. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
- Ревзин, 1975а — *Ревзин И. И.* К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа (анализ сказки и теория связного текста). — В кн.: Типологические исследования по фольклору. М., 1975.
- Ревзин, 1977 — *Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977.
- Ревзин, 1977а — *Ревзин И. И.* Вопросы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- Ревзин, 1977б — *И. И. Ревзин.* Анкета по категории определенности—неопределенности. Публикация и предисловие О. Г. Ревзиной. В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- Ревзина и Ревзин, 1970 — *Ревзина О. Г. и Ревзин И. И.* Семиотический эксперимент на сцене. — В кн.: Труды по знаковым системам, вып. V. Тарту, 1970.
- Ревзина и Ревзин, 1974 — *Ревзина О. Г. и Ревзин И. И.* Об одном случае связи согласования с определенностью в славянских языках. — Советское славяноведение, 1974, № 3.
- Ревзин и Ревзина, 1977 — *Ревзин И. И. и Ревзина О. Г.* Типологическая характеристика индонезийского языка с точки зрения категории числа и других способов выражения предметности. — В кн.: Малайско-индонезийские исследования. М., 1977.
- Ревзина, 1978 — *Ревзина О. Г.* Функциональный подход к языку и категория определенности—неопределенности (рукопись).
- Ревзина, 1978а — *Ревзина О. Г.* Материалы к теории связного текста (рукопись).
- Рейхенбах, 1963 — *Рейхенбах Г.* Направление времени. Пер. с англ. М., 1963.
- Реформатский, 1957 — *Реформатский А. А.* Фонологические заметки. — ВЯ, 1957, № 2.
- Реформатский, 1958 — *Реформатский А. А.* О корреляции «твердых» и «мягких» согласных (в современном русском литературном языке). — Cercetări lingvistice. Mélanges linguistiques offerts à Emil Petrovici, anul 11, 1958, Supliment.
- Реформатский, 1961 — *Реформатский А. А.* Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка. — В кн.: Вопросы теории языка в современном зарубежном языкознании. М., 1961.

- Смирницкий, 1949 — *Смирницкий А. И.* Фонетическая транскрипция и звуковые типы. — Вестник МГУ, 1949, № 7.
- Смирницкий, 1956 — *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956.
- Стеблин-Каменский, 1956 — *Стеблин-Каменский М. И.* О предикативности. — Вестник ЛГУ, 1956, № 20.
- Стеблин-Каменский, 1964 — *Стеблин-Каменский М. И.* О симметрии в фонологических решениях и о их неединственности. — ВЯ, 1964, № 2.
- Стойков, 1952 — *Стойков Ст.* Палаталните съгласни в българския книжовен език. — Изв. на Ин-та за Български език, Кн. първа. София, 1952.
- Стойков, 1961 — *Стойков Ст.* Увод в българската фонетика. София, 1961.
- Стоянов, 1959 — *Стоянов Ст.* Употреба и значения на определителния член в съвременния български книжовен език. I част. Съществителни имена. — Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. София, 1959.
- Стоянов, 1968 — *Стоянов Ст.* Грамматическата категория «определеност» в българския език и нейните съответствия в други славянски езици. — «Славянска филология», X. София, 1968.
- Сунцова, 1952 — *Сунцова П.* Вступний курс фонетики німецької мови. Київ, 1952.
- Супрун, 1961 — *Супрун А. Е.* Старославянские числительные. Фрунзе, 1961.
- Супрун, 1969 — *Супрун А. Е.* Славянские числительные. Минск, 1969.
- Толстая, 1966 — *Толстая С. М.* К типологической интерпретации польского ринезма. — В кн.: Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966.
- Толстая, 1968 — *Толстая С. М.* Начальные и конечные сочетания согласных и славянских языках. — АҚД. М., 1968.
- Толстой, 1957 — *Толстой Н. И.* Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 2. М., 1957.
- Топоров, 1960 — *Топоров В. Н. И. А.* Бодуэн де Куртене и развитие фонологии. — В кн.: Бодуэн де Куртене. М., 1960.
- Трубецкой, 1960 — *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Українські пісні, 1955 — Українські народні пісні, т. I, Київ, 1955.
- Унбегаун, 1970 — *Унбегаун Б.* Язык русской литературы и проблемы его развития. — Communications de la délégation française et de la délégation suisse, VI Congrès International des slavists. Paris, 1968.
- Уорф, 1972 — *Уорф Б. Л.* Грамматические категории. — В кн.: Принципы типологического анализа языков грамматического строя. М., 1972.
- Успенский, 1964 — *Успенский В. А.* Одна модель для понятия фонемы. — ВЯ, 1964, № 6.
- Фант, 1964 — *Фант Г. А.* Акустическая теория речеобразования. М., 1964. Пер. с англ.
- Халле, 1962 — *Халле М.* Фонетическая система русского языка. — Новое в лингвистике, в. II. М., 1962.

- Халле, 1965 — *Халле М.* О роли простоты в лингвистических описаниях. — Новое в лингвистике, в. IV. М., 1965.
- Хомский и Миллер, 1965 — *Хомский Н. и Миллер Дж.* Формальный анализ естественных языков. Пер. с англ. — В кн.: Кибернетический сборник. № 1. Новая серия. М., 1965.
- Хэрари и Пейсер, 1964 — *Хэрари Ф., Пейсер Х.* К построению общего исчисления дистрибуции фонем. Пер. с англ. — В кн.: Математическая лингвистика. М., 1964.
- Черкасский, 1963 — *Черкасский М. А.* О типологии лингвистических объектов. — В кн.: Синхроническое изучение различных ярусов структуры языка (Материалы расширенного заседания лингвистического семинара). Алма-Ата, 1963.
- Чернышев, 1970 — *Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи. Избр. труды. т. I, М., 1970.
- IV съезд, 1962 — IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, II, М., 1962.
- Черч, 1960 — *Черч А.* Введение в математическую логику, т. I. М., 1960.
- Чистович, 1960, 1961 — *Чистович Л. А.* Текущее распознавание речи человеком. — Машинный перевод и прикладная лингвистика. № 6, М., 1960, № 7, М., 1961.
- Чураева, 1967 — *Чураева М. И.* К вопросу о неопределенности имени существительного. — Уч. зап. Горьковского Гос. пед. ин-та иностранных языков им. Н. А. Добролюбова, вып. 32, 1967.
- Шахматов, 1925 — *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1. Л., 1925.
- Шило, 1948 — *Шило Г. Ф.* Палограми українських звуків і система фонем української мови. — Вопросы славянского языкознания, кн. I. Львов, 1948.
- Шрейдер, 1967 — *Шрейдер Ю. А.* О категорных характеристиках языков. — НТИ, 1967, № 9.
- Щерба, 1947 — *Щерба Л. В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.—Л., 1947.
- Якобсон, 1962 — *Якобсон Р. О.* О соотношении между песенной и разговорной народной речью. — ВЯ, 1962, № 3.
- Якобсон, 1972 — *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Якобсон и др., 1962 — *Якобсон Р., Фант Г. М. и Халле М.* Введение в изучение речи. Пер. с англ. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. II. М., 1962, с. 173—210.

- Avram, 1957 — *Avram A.* Les semi-voyelles roumaines au point de vue phonologique. — Mélanges linguistiques. Bucarest, 1957.
- Admoni, 1966 — *Admoni W.* Der deutsche Sprachbau. М., 1966.
- Ajdukiewicz, 1967 — *Ajdukiewicz K.* Intensional expressions. — Studia logica, XX. Warszawa, 1967.
- Batóg, 1967 — *Batóg T.* The axiomatic method in phonology. London, 1967.
- Behaghel, 1923 — *Behaghel O.* Deutsche Syntax, Bd. I. Heidelberg, 1923.

- Bierwisch, 1966 — *Bierwisch M.* Grammatik des deutschen Verbs. — *Studia gramatica*, II. Berlin, 1966.
- Bolinger, 1961 — *Bolinger D. L.* Generality, gradience and the All-or-None. 's-Gravenhage, 1961.
- Brekke, 1970 — *Brekke H. E.* Generative Satzsemantik und transformationelle Syntax im System der englischen Nominalkomposition. München, 1970.
- Brugmann, 1917 — *Brugmann K.* Der Ursprung des Scheinsubjekts *es* in den germanischen und den romanischen Sprachen. Leipzig, 1917.
- Brugmann, 1933 — *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, 1933.
- Bühler, 1934 — *Bühler K.* Sprachtheorie. Jena, 1934.
- Buzássyová, 1966 — *Buzássyová K.* An attempt at a calculus of distribution of the phonological system of Slovak. — *Prague studies in Mathematical linguistics*, Prague, 1966.
- Buttke, 1972 — *Buttke K.* Zur Kongruenz des Prädikats mit der Numeralfügung als Subjekt in modernen Ukrainischen. — *Zeitschrift für Slawistik*, Bd. XVIII, H. 5, 1972.
- Cantineau, 1955 — *Cantineau J.* Le classement logique des oppositions. — *Word*, vol. II, 1955, 1.
- Carnap, 1937 — *Carnap R.* The logical syntax of language. London, 1937.
- Carnap, 1956 — *Carnap R.* Meaning and necessity. A study in semantics and modal logic. Chicago, 1956.
- Cassirer, 1923 — *Cassirer E.* Philosophie der symbolischen Formen. Erster Teil: die Sprache. Berlin, 1923.
- Chao, 1958 — *Chao Juen Ren.* The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems. — *Readings in linguistics*. Ed. by M. Joos, N. J., 1958.
- Cherry, 1956 — *Cherry F. Colin.* Roman Jakobson's «Distinctive Features» as the Normal coordinates of a language. — For Roman Jakobson. The Hague, 1956.
- Colloque, 1966 — *Statistique et analyse linguistique. Colloque de Strasbourg* 20–22 avril 1964. Paris, 1966.
- Čyžewskyi, 1931 — *Čyžewski D.* Phonologie und Psychologie. — *TCLP*, 4, Prague, 1931.
- Czeżowsky, 1971 — *Czeżowsky T.* Nazwy okazjonalne oraz imiona własne. — *Semiotika polska*. Warszawa, 1971.
- Curme, 1922 — *Curme G. O.* A Grammar of the German Language, ed. 2. N. J., 1922.
- Dahl, 1969 — *Dahl O.* Topic and comment. Göteborg, 1969.
- Deeters, 1939 — *Deeters G.* Phonologische Bemerkungen zum baltischen Deutsch. — *TCLP*, 8. Prague, 1939.
- Deny, 1955 — *Deny J.* Principes de grammaire turque. Paris, 1955.
- Dietrich, 1957 — *Dietrich G.* Das Phonem und die Phonologie. — *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, V, 1957.
- Doroszewski, 1962 — *Doroszewski W.* O definicje fonemu. — *Studia i szkice językoznawcze*. Warszawa, 1962.
- Dressler, 1972 — *Dressler W.* Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1972.
- Fischer-Jørgensen, 1956 — *Fischer-Jørgensen Eli.* The Commutation Test and its Application to Phonemic Analysis. — For Roman Jakobson. The Hague, 1956.

- Folsom, 1969 — *Folsom M.* The Syntax of substantive and non-finite satellites to the finite verb in German. The Hague—Paris, 1969.
- Frančič, 1956 — *Frančič J.* Gramatyka opisowa języka serbochorwackiego. Warszawa, 1956.
- Glinz, 1952 — *Glinz H.* Die innere Form des Deutschen. Bern, 1952.
- Graur & Rossetti, 1938 — *Graur A., Rossetti A.* Esquisse d'une phonologie du roumain. — Bulletin linguistique, VI, 1938.
- Greenberg, 1958 — *Greenberg J. H.* Essays in linguistics. Chicago, 1958.
- Guțu, 1968 — *Guțu O. L.* Punkte de vedere asupra problemei determinării proclitice în limba bulgară literară. — Studii și cercetări lingvistice, 1968, 6.
- Funke, 1924 — *Funke O.* Innere Sprachform. Eine Einführung in A. Martys Sprachphilosophie. Reichenberg, 1924.
- Harris, 1951 — *Harris Z. S.* Methods in structural linguistics. Chicago 1951.
- Hartung, 1966 — *Hartung W.* Die zusammengesetzten Sätze des Deutschen. — Studia grammatica, IV. Berlin, 1966.
- Heger, 1966 — *Heger K.* Valenz, Diathese und Kasus. — Zeitschrift für romanische Philologie, Bd. 82, H. 1—2, 1966.
- Hockett, 1953 — *Hockett Ch.* Manual of phonology. Baltimore, 1953.
- Hockett, 1967 — *Hockett Ch.* Language, mathematics and linguistics. The Hague, 1967.
- Jakobson, 1929 — *Jakobson R.* Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celles des autres langues slaves. — TCLP, 1929, II.
- Jakobson, 1931 — *Jakobson R.* Prinzipien der historischen Phonologie. — TCLP, 1931, IV.
- Jakobson, 1931a — *Jakobson R.* Z fonologije spisovné slovenštiny. — Slovenská Miscellanea. Bratislava, 1931.
- Jakobson, 1956 — *Jakobson R., Halle M.* Fundamentals of language. 's-Gravenhage, 1956.
- Jakobson, 1961 — *Jakobson R.* Linguistics and communication theory. — Structure of language and its mathematical aspects. Ed. by R. Jakobson. Providence, 1961.
- Jakobson, 1965 — *Jakobson R.* Studies in russian philology. — Michigan slavic materials, 1965, I.
- Jakobson—Lotz — *Jakobson R., Lotz J.* Notes on the french phonemic pattern. — Word, V, 1949, 2.
- Jakobsson, 1966 — *Jakobsson G.* Les affriquées slaves. — Cahiers de linguistique théorique et appliquée, 1966, III.
- Jassem, 1956 — *Jassem W.* Węzłowe zagadnienia fonematyki. — Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego, zesz. XV, 1956.
- Jassem, 1960 — *Jassem W.* Proba funkcjonalna definicji wyrazu. — Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego, zesz. XIX, 1960.
- Jones, 1931 — *Jones D.* On phonemes. — TCLP. Prague, 1931, IV.
- Kanger, 1964 — *Kanger S.* The notion of a phoneme. — SMIL, 1963, 3.
- Kortlandt, 1972 — *Kortlandt F. H. H.* Modelling the phoneme. The Hague—Paris, 1972.

- Koschmieder, 1965 — *Koschmieder E.* Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965.
- Koseska, 1969 — *Koseska V.* Uwagi o tzw kategorii określności (na materiale języka bułgarskiego i rosyjskiego). — Rocznik slawistyczny, XXXI, 1969.
- Koseska, 1971 — Atrybutywne funkcije niektórych części mowy a tzw kategoria określności w języku bułgarskim. — Rocznik slawistyczny, XXXIII, cz. I, 1971.
- Kotarbiński, 1971 — *Kotarbiński J.* O podstawie realistycznej czyli konkretystycznej. — Semiotyka polska. Warszawa, 1971.
- Krámský, 1967 — *Krámský J.* The problem of the phoneme. — To honor Roman Jakobson, II. The Hague—Paris, 1967.
- Kučera, 1958 — *Kučera H.* Inquiry into coexistent phonemic systems. — American contributions to the forth International congress of slavists. 's-Gravenhage, 1958.
- Kučera, 1961 — *Kučera H.* The phonology of czech. 's-Gravenhage, 1961.
- Leys, 1967 — *Leys O.* Zur Funktion des Artikels beim Eigennamen. — Adhandlungen der Sächlichen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Bd. 58, H. 4. Onomastica slavogermanicae, III. Berlin, 1967.
- Mac Iver, 1936 — *Mac Iver A. M.* Demonstrations and proper names. — Analysis, 1936, vol. 3, 6.
- Marcus, 1963 — *Marcus S.* Un modèle matematic al fonemului. — Studii și cercetări matematiche, XIV, 1963, 3.
- Marcus, 1967 — *Marcus S.* Introduction mathématique à la linguistique structurale. Paris, 1967.
- Martiné, 1943 — *Martiné A.* Phonology as functional phonetics. London, 1943.
- Maspero, 1934 — *Maspero H.* La langue chinoise. — Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris. Paris, 1934.
- Miklosich, 1883 — *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. IV. Syntax. Wien, 1883.
- Miko, 1962 — *Miko Fr.* Rod, číslo a pad podstatných mien. Bratislava, 1962.
- Moore, 1942 — The philosophy of G. E. Moore. Ed. by R. Schilp, 1942.
- Morcinec, 1958 — *Morcinec H.* Zur phonologischen Wertung der deutschen Affrikaten und Diphthonge. — Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. Bd. II, H. 1, 1958.
- Motsch, 1970 — *Motsch W.* Ein Typ von Emphasesätzen im Deutschen. — Vorschläge für eine strukturelle Grammatik des Deutschen. Darmstadt, 1970.
- Neustupný, 1966 — *Neustupný J. V.* On the analysis of linguistic vagueness. — Travaux linguistiques de Prague, 2. Prague, 1966.
- Ossowska, 1971 — *Ossowska M.* Significatio «per se» i «per aliud» u Anselma. — Semiotyka polska, 1971.
- Paul, 1954 — *Paul H.* Deutsche Grammatik. Bd. III. Berlin, 1954
- Pauliny, 1961 — *Pauliny E.* Fonológia spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1961.
- Pauliny, 1966 — *Pauliny E.* The principle of binary structure in phonology. — Travaux linguistiques de Prague, N 2, 1966.

- Pauliny, 1967 — *Pauliny E.* Zum Verhältnis der Laute /i/ und /j/ im Slavischen. — To honor Roman Jakobson, II. The Hague—Paris, 1967.
- Peterson — Harary, 1961 — *Peterson G. E., Harary Fr.* Foundations of phonemic theory. — Structure of language and its mathematical aspects. Ed. by R. Jakobson. Providence, 1961.
- Petrovici, 1956 — *Petrovici E.* La fonction phonologique des «diphthongues» roumaines *ea, ia* et leur rapport avec les phonèmes consonantiques palatalisées. — *Revue de linguistique*, I, 1956.
- Pilch, 1964 — *Pilch H.* Phonemtheorie. I. Teil. Basel, 1964.
- Postal, 1970 — *Postal P.* On so-called pronouns in English. — Readings in English transformational grammar. Ed. by R. A. Jakobson and R. S. Rosenbaum. Massachusetts, 1970.
- Projet, 1931 — *Projet de terminologie phonologique standardisée.* — *TCLP*, 1931, 4.
- Reichenbach, 1948 — *Reichenbach H.* Elements of symbolic Logic. N. Y., 1948.
- Reiter, 1967 — *Reiter N.* Der Artikel in den Balkansprachen. — *Zeitschrift für Balkanologie*, V, Hf. 1, 1967.
- Revzin, 1974 — *Revzin I. I.* Semnificații cuantificate articolului și pronumelui — articol în limba bulgară. — *Studii și cercetări lingvistice*, 1974, 3.
- Revzin, 1974a — *Revzin I. I.* From animal communication to human speech. — *Pragmatic aspects of human communication*, ed. by Colin Cherry. Dordrecht, 1974.
- Revzin, 1974a — *Revzin I. I.* Vorschlag zu einer textlinguistischer Behandlung des Analyse-paradoxons. — *Linguistics*, 1974, 1.
- Riesel, 1954 — *Riesel E.* Abriss der deutschen Stilistik. M., 1954.
- Romportl, 1962 — *Romportl M.* Zvukový rozbor ruštiny. Praha, 1962.
- Rossetti, 1957 — *Rossetti A.* Considerații uni asupra sistemului fonologic al limbii române. — *Studii și cercetări lingvistice*, VIII, 1, 1957.
- Savický, 1967 — *Savický N.* К проблеме полноты лингвистического описания. — *Prague studies in mathematical linguistics*, II. Prague, 1967.
- Schatz, 1954 — *Schatz Carol D.* The role of context in the perception of Stops. — *Language*, 30, 1954, 1.
- Scripture, 1902 — *Scripture E. W.* Elements of experimental phonetics. N. Y., 1902.
- VI Sjezd — VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze. 1968. — *Acta sjezdu*, I, 1970.
- Stankiewicz, 1956 — *Stankiewicz E.* The phonemic patterns of Polish dialects. — For Roman Jakobson. The Hague, 1956.
- Szober, 1963 — *Szober S.* Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1963.
- Tamas, 1959 — *Tamas L.* Du système phonologique de la langue roumaine. — *Recherches sur les diphthongues roumaines*, publ. par A. Rossetti. Bucarest, 1959.
- Trager, 1939 — *Trager G. L.* La systématique des phonèmes du polonais. — *Acta linguistica*, vol. I. Copenhagen, 1939.
- Travniček, 1951 — *Travniček M.* Mluvnice spisovné češtiny, II. Praha, 1951.
- Trnka, 1954 — *Trnka B.* Určování fonému. — *Acta Universitatis Carolinae. Philologica et Historica*. Praha, 1954, 7.

- Trnka, 1958 — *Trnka B.* On some problems of neutralization. — *Omagiu lui Jorgu Jordan*. București, 1958.
- Trnka, 1966 — *Trnka B.* The distribution of vowel length and its frequency in Czech. — *Prague studies in mathematical linguistics*, I. Praha, 1966.
- Trubetzkoy, 1929 — *Trubetzkoy N. S.* Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. — *TCLP*, I. Prague, 1929.
- Truby, 1959 — *Truby N. M.* Acoustico-cineradiographic analysis considerations with especial reference to certain consonantal complexes. — *Acta radiologica. Supplementum* 182. Stockholm, 1959.
- Vachek, 1933 — *Vachek J.* Über das phonologische Problem der Diphthonge mit besonderer Berücksichtigung des Englischen. — *Práce z vedeckich ustavu filos. fakulty Karlovy university*. XXXIII. Praha, 1933.
- Vachek, 1962 — *Vachek J.* Some thoughts on the phonology of cockney English. — *Philologica Pragensia*, 1962, 3.
- Vachek, 1968 — *Vachek J.* Dynamika fonologického systému současné spisovné češtiny. Praha, 1968.
- Vachek, 1968a — *Vachek J.* K problematice vyvoje fonologického systému českých samohlasek. — *Československe přednasky pro VI mezinárodní sjezd slavistů v Praze*. Praha, 1968.
- Vachek, 1968b — *Vachek J.* Some remarks on «glides» in phonological analysis. — *Travaux linguistiques de Prague*. Prague, 1968.
- Vater, 1971 — *Vater H.* Tendenzen zur Wortbildung im heutigen Deutsch. *Biuletyn fonograficzny*, XII. Poznań, 1971.
- Zipf, 1945 — *Zipf G. K.* The meaning-frequency relationship of words. *Journal of general psychology*, vol. 33, half 2, 1945.
- Zwoliński, 1958 — *Zwoliński P.* Stosunek fonemu *y* do *i* w historii języków słowiańskich. — *Z polskich studiów slawistycznych*. Warszawa, 1958.

Оглавление

Предисловие	3
-----------------------	---

Часть первая

Структурно-типологический подход в фонологии. Спорные вопросы фонологии славянских языков

Глава I. <i>Предпосылки моделирования в фонологическом анализе</i>	
I.1. Фонема — единица языка или метаязыка? Неединственность решений	11
I.2. О теоретико-множественном аппарате, его пользе и ограниченности	20
I.3. Спорность проблем сегментации. Принципиальная неопределенность как итог описания	27
Глава II. <i>Речевые цепи и их первоначальная сегментация</i>	
II.1. Речевая цепь, высказывание и речевая последовательность	36
II.2. Макросегменты и их роль в сегментации. Понятие контраста	38
II.3. Задание слогоразделов и границ слов	43
II.4. Отношение фонетической близости. Понятие минисегмента	46
II.5. Понятие сегмента и сегментной фонетики. Возможность различного сегментирования для разных лексических пластов	49
Глава III. <i>Фонема в сегментной фонетике</i>	
III.1. Дополнительное распределение. Поля сегментов	56
III.2. Отношения вариации	59
III.3. Фонологический базис и фонологические конфигурации	63
III.4. Коммутация	70
III.5. Минифонемы и максифонемы. Пример парадигматической неединственности	73
III.6. Сегментная фонемность	77
Глава IV. <i>Фонетические позиции и фонетические признаки. Фонема в знаковой фонетике</i>	
IV.1. Сегментные и суперсегментные признаки. Понятие позиции	80
IV.2. Системы фонетических признаков. Критерий Маркуса	83

IV.3. Типы отношений между признаками. Свойства признаков, инвариантные относительно ресегментации	92
IV.4. Фонема, архифонема, типы оппозиций	98
IV.5. О матричном представлении системы фонем	106
Глава V. <i>Способы представления системы фонем. Фонема в морфологически обусловленной фонетике</i>	
V.1. Понятие системы фонем и «пустой клетки» в системе	109
V.2. Представление фонемы как пересечения ряда фонемных классов. Фонологическая однородность	113
V.3. Еще о соотношении фонемы и признака. Понятие фонологического расстояния и иерархия признаков	118
V.4. Формальное определение фонемы с обращением к морфемному уровню	125
V.5. Ресегментация с учетом морфемных границ	128

Часть вторая

Структурно-типологический подход в грамматике. Категория определенности—неопределенности

Глава I. <i>Категория определенности—неопределенности и общие вопросы структуры языка</i>	
I.1. Семантические предпосылки структурного описания языка	133
I.2. Семантические предпосылки структурного описания языка	147
I.3. Учение о частях речи: существительное	160
I.4. Зависимость идеи предмета от языка	181
I.5. О замещениях имен в связном тексте	187
Глава II. <i>Типология артикля и типология средств выражения определенности—неопределенности</i>	
II.1. К вопросу о статусе неопределенного и определенного члена в болгарском языке	198
II.2. Местоимение-артикль в говоре села Олтуш Брестской области	215
II.3. О некоторых средствах выражения определенности—неопределенности в русском языке	236
II.4. К типологии семантико-синтаксических связей категории определенности—неопределенности в славянских языках	255
Библиография	273

Исаак Иосифович Ревзин
Структура языка
как моделирующей системы

Утверждено к печати
Научным советом
по комплексной
проблеме
«Кибернетика»,
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редактор издательства Г. Н. Корозо
Художник С. Б. Генкина
Художественный редактор Т. П. Поленова
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректор М. В. Борткова

ИБ № 5128

Сдано в набор 27.04.78.
Подписано к печати 04.09.78.
Формат 84×108¹/₃₂
Бумага № 3
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 15,7
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 368
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
17485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

1 р. 60 к.

И. И. Ревзин • Структура языка как моделирующей системы